

Эмери Скотт

После полуночи

18+

Эмери Скотт

После полуночи

<https://litres.ru/74243407>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вивиан — пленница Королевства Смерти. Она заперта в ледяной темнице без магии и надежды, а каждый день приближает её к безумию. Король ломает её разум и тело, стирает грань между реальностью и кошмаром. Каждый день — пытка. Каждая ночь — бесконечность.

Тьма забрала её. Теперь Зейн должен пройти сквозь неё, чтобы вернуть свет.

Он знает, что она жива, и это единственное, что держит его.

Но когда они наконец встречаются, Вивиан уже не та, что прежде. Сломленная, опустошённая, она балансирует на грани между светом и тьмой, а тени внутри неё просыпаются с новой силой. Они — истинная пара. Его тьма откликается на её свет. И только вместе они смогут выжить.

Содержание

Глава 1. Осталось 45 дней. Чернота	5
Глава 2. Разменная монета	16
Глава 3. Осталось 38 дней. Смерть	23
Глава 4. Королевство Смерти	34
Глава 5. Остался 31 день. Навсегда	50
Глава 6. Осталось 29 дней. Имя	68
Глава 7. Осталось 23 дня. Мясо	75
Глава 8. Осталось 22 дня. Огонь	80
Глава 9. Русалка и ангел	86
Глава 10. Осталось 15 дней. Секрет	97
Глава 11. До завтрака	98
Глава 12. Жива	113
Глава 13. Осталось 10 дней. Сосуд	131
Глава 14. Исповедь	144
Глава 15. Убежище	156
Глава 16. Тени как дети	178
Глава 17. Рассвет на двоих	188
Глава 18. Осталось 7 дней. Первый снег	204
Глава 19. Судьбы соединяются	221
Глава 20. Осталось 5 дней. Нить	240
Глава 21. В пропасти	254
Глава 22. Осталось 3 дня. След	276
Глава 23. Сердце в пепле	286

Глава 24. Святой. Мой. Хер	301
Глава 25. Восемь рыцарей	318
Глава 26. Там, где есть вода	327
Глава 27. Вкусное угощение	341
Глава 28. Осталось 2 дня. Жертва	353
Глава 29. Две тени	369
Глава 30. Тьма сгущается	385
Глава 31. Кристаллы воспоминаний	395
Глава 32. Остался 1 день. Дно	408
Глава 33. Вивиан	417
Глава 34. Дождалась	436
Глава 35. Сегодня	445
Глава 36. Саван на ветру	455
Глава 37. Сад	461
Глава 38. Жизнь из пепла	468
Конец ознакомительного фрагмента.	477

Эмери Скотт

После полуночи

Глава 1. Осталось 45 дней. Чернота

Чернота.

Чернота.

Чернота.

Чернота.

Чернота.

Чернота.

Чернота.

Чернота.

Чернота.

И холод.

Он проникал в каждую клетку тела, сковывал мышцы, забирался под кожу и добирался до самых костей. Вивиан лежала без сознания в грязной повозке, больше похожей на загон для скота, чем на средство передвижения. Прошли сутки, а может, и больше. Время растворилось в этой черной бесконечности. Она лишь вынырнула из небытия на несколько мучительных минут, чтобы вновь провалиться в спасительное забытие.

В те короткие промежутки, когда затуманенное созна-

ние цеплялось за реальность, она слышала монотонный звон копыт. Он отдавался в висках пульсирующей болью. Голова раскалывалась на каждой кочке, и тело сотрясала такая дрожь, что Вивиан несколько раз выворачивало наизнанку. Сейчас в желудке уже ничего не осталось, и позывы были сухими и болезненными. Она дрожала, стуча зубами так громко, что этот звук, казалось, заполнял всю повозку.

— *Поскорее бы заболеть и умереть от холода,* — пронеслась вялая, почти безразличная мысль. Смерть виделась избавлением.

В очередной раз Вивиан очнулась, и на этот раз сознание было чуть более ясным. Она заставила себя открыть глаза. Вокруг была кромешная тьма. Абсолютная, непроницаемая, как будто кто-то навсегда погасил солнце и луну. Сначала она подумала, что на улице ночь, но, сколько бы ни всматривалась, не увидела ни проблеска. Ни звёзд, ни луны, ни даже серого марева облаков. Тьма была везде.

Они забрали у неё зрение. Кто-то лишил её возможности видеть.

Тренировочный костюм, в котором она была на вечерней тренировке, совсем не грел. Тонкая ткань превратилась в ледяной саван. Вивиан попыталась пошевелить руками, чтобы хоть как-то согреться, и грохот металла оглушил её. Запястья были стянуты тяжёлыми оковами, а от них к стене тянулась массивная цепь, грузом давящая на руки.

Стиснув зубы, Вивиан напрягла дрожащие, ослабевшие

руки, пытаясь сесть. Мышцы отказывались подчиняться. Ей удалось приподняться лишь на мгновение, но тут же силы покинули её, и она с глухим стуком упала обратно. При падении металлический ошейник больно впился в горло, цепь натянулась, прижимая её к дощатому полу. Похоже, она была не просто в повозке, а заточена в ней, как дикий зверь.

Сознание снова померкло. Она провалилась в темноту, даже не успев испугаться.

Она не чувствовала пальцев на руках и ногах, они онемели от холода. Перед тем как отключиться, принцесса перестала дрожать. Это был плохой знак, но думать об этом не было сил. Последней мыслью был немой вопрос: где она? И чем её отравили, что в теле не осталось ни капли силы?

Повозка ехала ещё несколько часов. Солнце клонилось к закату, когда повозка приблизилась к границе Королевства Звёзд. Темные рыцари, бездушные тени, принявшие облик фэйри, без усталости вели лошадей вперёд. Один из них правил повозкой, двое других скакали по бокам, а ещё двое — впереди и сзади. Они выглядели устрашающе. Высокие фигуры в чёрных доспехах, из-под забрал которых не было видно ничего, кроме пустоты.

На границе их встретили стражники. Один из них, хмурый мужчина с рукой на рукояти меча, с прищуром взгляделся в лица всадников.

— Что в повозке, господин? — спросил он, преграждая путь.

Мужчина, который сидел возле кучера, не был тенью, лениво повернул голову.

— Подарок отцу, — спокойно ответил он.

— Какому ещё отцу? — стражник не сводил глаз с темных рыцарей.

— Из Королевства Смерти, — так же ровно ответил всадник.

— Открой повозку, — потребовал стражник.

Темные рыцари беспрекословно расступились, а мужчина прыгнул на землю. Он подошёл к повозке и с лёгким скрипом откинул брезент.

— Непослушная внебрачная дочь снова сбежала из дома, — его голос звучал устало и лениво. — Хотим с отцом выдать её замуж за одного торговца, а она всё время убегает. Пришлось ехать за ней самому.

Стражник заглянул внутрь. На грязном полу, свернувшись калачиком, лежала девушка в тонком костюме, с металлическим ошейником на шее и кандалами на руках. Она была неподвижна.

— Далеко убежала, — скептически заметил стражник.

— Она у нас бойкая, — кивнул мужчина. — Так мы можем ехать? Чем быстрее доставим её отцу, тем быстрее она получит по заслугам.

Стражник ещё раз окинул взглядом повозку, затем махнул рукой своим, чтобы пропускали.

Мужчина легко запрыгнул на сидение и приказал рыца-

рям следовать до ближайшего трактира. Этим бездушным теням отдых был не нужен, но он сам сильно проголодался. Да и девчонка, судя по тихому, едва уловимому дыханию, была истощена и наверняка тоже нуждалась в пище.

Он слышал, как она иногда двигалась, и цепь тихо звенела. Он всё ещё не понимал, зачем отцу понадобилась эта девчонка. Из другого королевства. Но приказ есть приказ.

Чем ближе они подъезжали к горам, тем холоднее становился воздух. Ветер неприятно обдувал лицо, и мысль о горячем ужине становилась всё навязчивее. Мужчина, хоть и выглядел уставшим, выпрямился в седле, заметив вдали огоньки придорожного трактира.

Звёздное королевство он считал самым цивилизованным. Даже на окраинах здесь старались соблюдать приличия. Пьяницы и шлюхи не валялись прямо у дороги, а предпочитали скрываться внутри заведений вроде этого.

— Сворачивайте! — с лёгким раздражением крикнул он теням. Тупоголовые тени ни черта не соображают, пока им не прикажешь.

Рыцари послушно свернули на обочину. Повозка накренилась и резко остановилась. Внутри что-то глухо стукнуло. Вивиан, ударившись головой о стену, вынырнула из забытья.

Мужчина спешил к повозке. Когда деревянная дверца открылась, Вивиан по-прежнему ничего не видела. Она сжалась в углу, прижимаясь к холодным доскам, и шурилась, будто это могло помочь ей разглядеть источник

звука.

— Поднимайся и выходи, — раздался властный голос. — Или ты совсем не проголодалась?

Вивиан не ответила, только сильнее вжалась в стену. Чернота вокруг делала её абсолютно беспомощной, и это чувство было хуже холода и боли.

Мужчина, не дождавшись ответа, залез внутрь. Лязгнули замки, и цепи со звоном упали на пол. Он закрепил один конец цепи себе на пояс, превращая пленницу в послушную марионетку на поводке.

— Идём, — он взял её под локоть. Вивиан была так слаба, что едва переставляла ноги, не поспевая за его широкими шагами. Тяжёлый металл тянул к земле, каждое движение давалось с невероятным трудом.

Вокруг слышались голоса, звон посуды, чей-то смех. Запахло едой и хмельным. Вивиан, цепляясь за ускользящее сознание, пыталась собрать мысли воедино.

Вечерняя тренировка. Разговор с Зейном. Прогулка с подругами. Темнота. Рори...

Она поморщилась, когда в памяти всплыло лицо Айлин. Глаза защипало от непрошенных слёз. Ощущение, что всё произошедшее — лишь страшный сон, уходило, сменяясь ледящей реальностью. Что было потом? Как она оказалась здесь? Память отказывалась отвечать.

Мужчина резко остановился, и Вивиан, не удержав равновесия, чуть не упала, больно дёрнув цепь.

— Добро пожаловать, господин, — раздался рядом женский голос, слащавый и угодливый. — Останетесь на ночь?

— Только поесть, — сухо ответил похититель.

— Проходите, — недовольно протянула женщина. Похоже, она рассчитывала на более щедрого гостя.

Когда они переступили порог, Вивиан впервые за долгое время ощутила, как тепло ударило в лицо. Она вздрогнула. Паника снова накрыла её с головой. Она инстинктивно оглянулась, будто это могло помочь, но вокруг была та же беспросветная тьма.

Мужчина замедлил шаг, осматривая зал, а затем уверенно направился вглубь. Вивиан пыталась уловить хоть какие-то звуки, но их заглушал грохот её собственных цепей.

— Садись и без глупостей, — тихо приказал он, остановившись.

Он отпустил её локоть, не рассчитав, что она едва держится на ногах. Вивиан пошатнулась и, к счастью, упала прямо на стул. Несколько посетителей обернулись на звон металла, но, увидев связанную девушку и мрачного мужчину, тут же отвернулись. Вивиан опустила голову, пряча лицо.

— Чего желаете? — к ним подошла полная женщина средних лет с полотенцем через плечо.

— Мясо есть?

— Есть.

— Две порции, — коротко бросил мужчина.

Вивиан сглотнула. Желудок болезненно сжался при одном

слове «мясо». Она ужасно хотела есть. Но насколько правильно было принимать пищу от своего похитителя? Гордость боролась с инстинктом выживания.

Женщина ушла, цокая каблуками. Вивиан чувствовала на себе тяжёлый взгляд мужчины, но он молчал. Она теребила пальцы в перчатках, хмуря брови от постоянного напряжения. Выглядела она испуганной и злой одновременно.

Запах жареного мяса ударил в нос, когда тарелки опустили на стол. Вивиан сжала кулаки до побелевших костяшек, умоляя свой желудок не предавать её.

— Ешь, — приказал мужчина.

Вивиан покачала головой.

— Нам предстоит долгая дорога, — его голос стал тише и жёстче. — Так что будь добра, поешь. Или мне придется запихать это мясо тебе в рот. Поверь, я этого не хочу.

Вивиан молчала, уставившись в пустоту. Страх и злость душили её. Она не притронется к этой еде.

Мужчина, теряя терпение, резко дернул цепь под столом. Вивиан подалась вперёд, чуть не ткнувшись лицом в тарелку.

Пришлось повиноваться. Она вытянула руки, беспомощно шаря по столу в поисках тарелки и приборов. Это было унижительно.

— Совсем забыл, — пробормотал мужчина и едва заметно повёл рукой.

Мир вспыхнул перед глазами миллионом игл. Вивиан зажмурилась, потирая глаза, которые жгло от резкого света.

Когда она проморгалась и привыкла к тусклому освещению трактира, первое, что она увидела, был мужчина напротив. Он с явным удовольствием ел мясо, запивая его тёмно-красной жидкостью из стеклянного бокала.

Они встретились взглядами. Вивиан не отвела глаз.

— Остывшее мясо гораздо хуже свежего, — он попытался изобразить дружелюбную улыбку. Вивиан заметила клыки.

Такие же, как у Зейна.

Мысль о Зейне полоснула по сердцу острой болью. Ей стало дурно. Она перевела взгляд на свою тарелку и, взяв в руки нож и вилку, принялась за еду.

— Здесь лучше не привлекать внимания манерами, — хмыкнул он, залпом допивая содержимое бокала. — Принцесска, что ли?

Вивиан не ответила. Вцепившись в вилку, она отправила кусок в рот. Мясо было жёстким и пережаренным, но для неё сейчас оно казалось лучшим блюдом в мире. Она потянулась к бокалу и с облегчением обнаружила, что это горячий глинтвейн. Обхватив его озябшими ладонями, она сделала маленький глоток. Тепло разлилось по телу.

— Замерзла? — снова спросил он.

Тишина была ему ответом.

Наевшись, Вивиан почувствовала, как к ней возвращаются силы. Головная боль отступила, сменившись тупой пульсацией. Мужчина расплатился, бросив на стол несколько монет, и они снова вышли на улицу. Вивиан с ужасом смотрела

на тёмный проём повозки. Только не туда. Только не снова в этот холодный, грязный ящик.

— На, принцесска, — мужчина снял с себя тёплый камзол и накинул ей на плечи. — Мне нужно привезти тебя живой.

Он снова пристегнул цепи внутри повозки. Вивиан заби-лась в угол, закутавшись в его одежду пахнущую чем-то чу-жим. Тёплая ткань немного приглушила дрожь.

Мужчина, обладатель ментальной магии, сотворил пасс рукой. Сознание Вивиан снова заволокло туманом, а перед глазами сгустилась привычная чернота. Она провалилась в тяжёлый, беспамятный сон.

Путь продолжился. Почти без остановок. Мужчина лишь изредка приказывал остановиться, чтобы напоить девушку водой и подсунуть ей вяленое мясо, когда та ненадолго при-ходила в себя.

Однажды ночью, когда повозка остановилась на короткий привал, Вивиан в беспамятстве прильнула щекой к его ладо-ни, которую он протянул, чтобы поправить упавший камзол. Её губы что-то прошептали.

— Зейн... — позвала она.

Мужчина замер, глядя на её бледное, измождённое лицо.

— Я Виктор, — тихо ответил он, но она его не слышала. Она была далеко, в плену своих воспоминаний, ища спасе-ния у того, кого не было рядом.

Виктор убрал руку, накинул капюшон и дал знак теньям двигаться дальше. Впереди были несколько королевств, го-

ры. Впереди было Королевство Смерти.

Вивиан очнулась от того, что повозка перестала трястись. Тишина давила на уши.

Глава 2. Разменная монета

Ледяной ветер врезался в лица, норовя скинуть с лошадей, но Кай и Зейн даже не пытались пригнуться или защититься. Они вцепились в поводья так, словно от этого зависла их жизнь — а может, так оно и было. Ночь давно опустилась на королевство, пропитанная запахом прелой листвы и приближающейся осени. Дождь хлестал по спинам, стекая за воротники, но принцы не чувствовали холода. Внутри них полыхала ярость, которая согревала лучше любого пламени, прожигая грудную клетку и заставляя сердца биться в бешеном, отчаянном ритме.

Осень окончательно вступила в свои права, безжалостно вытесняя уходящее лето. Луи под копытами коней взрывались грязными брызгами, а голые ветви деревьев вдоль дороги тянулись к небу, словно скрюченные пальцы. Тела затекли и окаменели от долгого сидения в одной позе, но ни Кай, ни Зейн не обращали на это внимания. Мысль брата была занята лишь одним: родители должны быть там. Они просто обязаны быть в Лунном дворце. Может, они решили задержаться у друзей в столице после визита? Эта мысль была соломинкой, за которую цеплялось сознание, отказываясь принимать худшее.

Таким уязвимым и обреченным Кай не чувствовал себя никогда в жизни.

Ворота Лунного дворца распахнулись перед ними мгновенно. Стражники, завидев запыхавшихся, мокрых принцев, побледнели под забралами шлемов.

— Ваши Высочества! — начал было один из них, но Зейн, прыгнув с коня, даже не взглянул в его сторону.

— Где король? — рявкнул он, взбегая по мокрым от дождя ступеням.

— Спит, Ваше Высочество, — долетело им вслед.

Зейн уверенным, почти ломающим шагом направился по знакомым коридорам. Кай едва поспевал за ним, чувствуя, как с одежды на пол натекала вода. Остановившись у дверей родительской спальни, Зейн не стал церемониться. Он забарабанил кулаком по тяжелому дереву так, что звук разнесся по всей галерее.

— Папа! — крикнул он, и в этом крике было столько отчаяния, что Кай вздрогнул. — Папа!

За дверью послышался шорох, приглушенные голоса, и спустя мгновение дверь распахнулась. На пороге стоял Стерн, король Лунного королевства. Он был без пышного парадного облачения, в простой ночной рубашке, но взгляд его мгновенно стал острым и тревожным, стоило ему увидеть перепачканных, мокрых насквозь мальчишек.

— Зейн? Кай? — Стерн переводил взгляд с одного на другого, пытаясь осознать увиденное. — Что вы здесь делаете? Что случилось?

— Нет времени объяснять, — выдохнул Кай, чувствуя,

как дрожит голос.

Зейн сглотнул ком в горле. Слова, которые нужно было произнести, казались куском стекла.

— Вивиан украли, — выдавил он из себя. Как только фраза прозвучала вслух, в груди словно поселилась тяжелая, ледяная глыба.

— Что значит — украли? — Стерн нахмурился, отступая на шаг. — Пройдемте в кабинет. Не в коридоре же... — он махнул рукой, приглашая следовать за ним.

Зейн шумно, со свистом выдохнул сквозь стиснутые зубы. Каждая секунда промедления выворачивала его наизнанку. Пока они здесь стоят и разговаривают, её увозят всё дальше и дальше.

— Вивиан с подругами вышла после уроков прогуляться по территории академии, — начал Кай, пока они быстро шли в кабинет. — И на них напали.

— Айлин сказала, что это были какие-то рыцари в черных доспехах, — добавил Зейн, входя в кабинет следом за отцом. — Папа, они просто украли её! Похитили!

— Нужно поговорить с теми, кто это видел, — Стерн зажег магический светильник, и его лицо в резком свете казалось высеченным из камня. Сон слетел с него мгновенно, уступив место холодному расчету. — Кто-то пострадал?

— Они убили одну из студенток, — глухо ответил Кай. Стерн помрачнел еще больше.

— Дело плохо. Кто-то затеял нечто очень скверное. — Он

прошел к столу, но не сел, лишь оперся на него руками.

— Что это значит? — Зейн вскинул бровь, с трудом сдерживая бурлящую внутри тьму, которая грозилась выплеснуться наружу. — Тебе что-то известно?

— Нет, Зейн, — покачал головой король. — Если бы это был обычный мерзавец, охотящийся за выкупом, он бы просто тихо украл Вивиан. К чему ему убивать кого-то рядом? Это означает лишь одно: оставаться незамеченным он не хотел. Это демонстрация силы. Или предупреждение.

— Что нам делать? — в голосе Зейна прорезались нотки обреченности.

— Милый, я слышала голоса... Зейн? Кай?

В дверях кабинета стояла Талия. Она куталась в плотную накидку, каштановые волосы слегка растрепались и мягкими волнами спадали на плечи. Ее прекрасное лицо исказила тревога, стоило ей увидеть мокрых, бледных принцев.

— Как вы тут оказались? Что стряслось?

Зейн поднял на мать глаза. В них плескалась такая мука, что Талия невольно сделала шаг вперед.

— Мам, Вивиан украли, — тихо, почти шепотом, повторил он.

Кай молча положил руку на плечо друга, чувствуя, как тот мелко дрожит под мокрой тканью плаща. Но и сам Кай вцепился в Зейна, как утопающий за спасательный плот. Им обоим нужна была эта опора.

Талия отшатнулась, словно он ударил её. Бледная ладонь

взметнулась ко рту от шока.

— Что ты говоришь? — прошептала она, глядя на мужа.
— Стерн?

— Я сам только что узнал, — негромко отозвался король.

— Нужно немедленно сообщить Эмрису и Соре! — Талия мгновенно взяла себя в руки, голос её зазвенел сталью. — Отправь посла прямо сейчас. Немедленно!

— Я так и сделаю, — кивнул Стерн, встречаясь с женой взглядом. Затем он перевел взгляд на принцев. — А вас я отправляю обратно.

— Что? — Кай опешил, не веря своим ушам. — Мы отправимся сейчас же искать её!

— Ты хочешь, чтобы мы отсиживались тут, пока Вивиан неизвестно где? — взорвался Зейн. Сдерживать ярость становилось невозможно.

— Остудите свой пыл! — голос Стерна прозвучал как удар хлыста. — Никому не выгодно её убивать. Если бы хотели убить, сделали бы это на месте. Её взяли живой, значит, она нужна им как разменная монета.

Кай горько усмехнулся.

— Мы не будем сидеть сложа руки.

— В таком состоянии вы не сможете помочь, — Стерн пристально смотрел на него, видел его расширенные зрачки, дрожащие руки, чувствовал исходящую от него опасную вибрацию. — Сейчас нужно проявить мудрость и выдержку, а не безрассудство. Совсем скоро похититель объявится

и выдвинет свои условия.

— Но мы должны её искать! — Кай в отчаянии развел руками.

— Искать где? — парировал Стерн. — Хотите, чтобы я отправил всю армию скакать по миру и заглядывать в каждый дом?

— Да! — хором крикнули принцы.

— Пока мы не знаем, кто враг, любой наш шаг может стоить Вивиан жизни.

— Я не могу вами рисковать! — вмешалась Талия, подходя ближе. Она взяла Зейна за холодные, мокрые руки. — Мы не знаем, каков умысел похитителя. А где Дейк? Он с вами?

— Он остался в Академии, — ответил Зейн, не вырывая рук, но и не чувствуя материнского тепла. Внутри него была только пустота. — Мы, как только узнали, сразу приехали сюда. Айлин, наверное, уже рассказала директору.

— Сейчас родители начнут забирать детей, — Стерн задумчиво потер переносицу. — Но гарантировать вам безопасность дома мы не сможем.

— Как мы можем учиться, будто ничего не случилось? — Кай чувствовал себя загнанным в клетку.

— Вам здесь находиться еще опаснее, — твердо сказал Стерн. — Дворец — очевидная цель. Академия же защищена магическим куполом. На время расследования вы останетесь там. Это приказ.

— Мы хорошие воины! — запальчиво возразил Зейн.

— Проблема не в твоём воинском мастерстве, — устало ответил Стерн, и в его голосе послышалась горечь. — Проблема в том, Зейн, что ты не контролируешь себя и свои тень. Никто не знает, когда они проявятся и какой урон нанесут. В том числе и тем, кого ты любишь.

— Отец...

— Зейн, — Кай сильнее сжал плечо друга, чувствуя, как тот напрягся до звона в костях. — Они причиняют тебе боль. Прежде всего, они вредят тебе. Это опасно. Он прав.

Зейн зажмурился, пытаясь унять бешеный стук сердца. Тьма внутри него билась о невидимые стены, требуя выхода, требуя крови, требуя найти и уничтожить. Но он знал, что отец прав. Именно в таком состоянии он был наиболее опасен. И именно поэтому он чувствовал себя никчемным, слабым мальчишкой, который не в силах защитить ту, что дороже жизни.

— Мы найдем её, сынок, — тихо сказала Талия, притягивая его к себе. — Мы все её найдем. А сейчас вам нужно переодеться в сухое и немного прийти в себя.

Кай встретился взглядом с королем. Стерн едва заметно кивнул, давая понять, что разговор окончен. Решение принято. И, как бы Каю ни хотелось сейчас же сесть на коня и умчаться в ночь, в глубине души он понимал — мудрость Стерна была единственным, что у них оставалось. Пока что.

Глава 3. Осталось 38 дней. Смерть

Кажется, Вивиан уже не понимала, сколько дней прошло, но ее привезли. Темнота стала её баюкающей пеленой, привычным саваном, в котором вязли все звуки и мысли. Возможно, в еду или воду подмешивали что-то. Иначе почему она так долго спит? Тело ныло от вечных лежаний на каменном полу, а голова была неподъемной, чугунной, готовой переломить себя от малейшего шороха.

Вивиан просыпалась с дикой болью в висках, словно её череп сжимали в тисках, и ей казалось, что она не в темнице, а все еще в тряской повозке, которую несёт обезумевшая лошадь. Холодная и напуганная, она вжималась в стену. Но сознание, прорезав пелену дурмана, вновь возвращало её из вечного сна в реальность: к звонким цепям, к тяжелому ошейнику, к запаху сырости и собственного страха.

В короткие моменты бодрствования Вивиан, удостоверившись, что за решеткой нет стражника или что он ушел просматривать других заключенных, позволяла себе плакать. Она прижимала колени к груди, уткнулась в них лицом и плакала, как маленькая напуганная девочка. Всхлипывания эхом отражались от стен, делая её ещё более одинокой. Её мысли, словно раненые птицы, возвращались к Зейну. Она просыпалась и засыпала с мыслями, предназначенными ему.

Звать его вслух было бессмысленно — стены здесь не пропускали звук, да и сил на магию не хватало. Источник внутри неё был перекрыт тяжестью цепей и постоянной слабостью. Но Вивиан пыталась. Из раза в раз, засыпая, она изливала ему душу своими потаенными мыслями, зная, что он не слышит.

Прости меня, Зейн. Я так виновата перед тобой. Я наговорила лишнего, я вела себя как последняя дура...

Найдет ли он меня? Я так далеко...

Я скучаю по тебе. Мне страшно.

Пожалуйста, найди меня...

Потирая опухшие глаза, Вивиан торопливо смахнула слезы, услышав тяжелые, мерные шаги.

Стражники.

В этот раз они пришли не просто проверить кормушки. В этот раз они пришли по её душу.

Лязгнул засов, и в камеру шагнули две молчаливые тени. Не говоря ни слова, они разомкнули цепь со стены, защелкнули наручники и привязали её к себе. Вивиан старалась скрыть дрожь, что билась её тело, но она исходила не только от темницы, но и от ледяного холода, что источали эти неживые создания. Кожа покрылась мурашками, а дыхание перехватило.

Вивиан думала, что сейчас её убьют. Сейчас выведут в какой-нибудь подвал и прирежут, как надоевшую скотину. Но от этой мысли она не могла плакать. Не могла. Страх достиг

своего пика и перешел в какое-то оцепенение.

В этом замке, вырубленном в скале, царил вечный сумрак. Но когда они поднялись по каким-то переходам, в маленькой бойнице, похожей на дырку в стене, мелькнул серый, прозрачный свет. Дневной. Вивиан зажмурилась и отвернулась, глаза нестерпимо резануло даже от этого тусклого проблеска.

Этот кусок камня, называвшийся дворцом, не внушал ничего, кроме тоски. Коридоры петляли, то расширяясь в залы с грубо отесанными колоннами, то сужаясь в щели, где стены давили на плечи. Вивиан плелась за стражниками, смотря исключительно под ноги, на грязный каменный пол.

— *Думаю, тебе бы понравился такой дворец, Зейн,* — с горькой иронией подумала Вивиан, краем глаза рассматривая уродливый коридор, больше похожий на пещеру первобытных жителей.

Воздух был заметно холоднее, чем когда Вивиан покидала Академию. Её легкий тренировочный костюм, покрытый грязью, совершенно не грел.

Вивиан еле переставляла ноги, спотыкаясь на каждом неровном камне, когда стражники резко свернули к винтовой лестнице, уходящей куда-то вверх, в темноту.

Первая.

Вторая.

Третья.

Вивиан считала ступеньки про себя, чтобы не упасть и не

покатиться кубарем вниз, сломав шею. Это стало началом её маленькой игрой, единственным способом удержать сознание в фокусе.

Тринадцатая.

Тяжело дыша, она подняла голову и посмотрела вверх на тусклый свет, брезжащий где-то далеко наверху. Глаза уже привыкли к сумраку, и этот свет казался обжигающе ярким.

Двадцатая.

Она отстала от стражников. Цепь, соединявшая её с поясами стражников, натянулась, и наручники с мерзким скрежетом больно впились в запястья, сдирая кожу. Сжав губы в тонкую линию, чтобы не стонать, Вивиан старалась высоко поднимать тяжелые, ватные ноги, чтобы перешагнуть следующую ступень.

Тридцать шестая. Тридцать седьмая.

К её удивлению, стражники остановились. Они заметили, что Вивиан отстала. Резко, без предупреждения, они дернули цепь на себя. Вивиан не удержала равновесия и со всего маха рухнула вниз, на острые края каменных ступеней, инстинктивно выставляя вперед руки и колени. Удар отозвался болью во всем теле, ладони обожгло содранной кожей.

Зло взглянув на бездушные фигуры, Вивиан с трудом поднялась, высоко поднимая подбородок и сжимая челюсти. Она не доставит им удовольствия видеть её сломленной.

Наконец они подошли к тяжелой двери, обитой почерневшим металлом.

И Вивиан вошла.

Она оказалась в небольшом зале с высоким потолком, телящимся во мраке. Скорее, это была просто ещё одна пещера. Здесь уже горели свечи в массивных канделябрах, замурованных в стены, потому что окон не было и в помине. Желтое пламя отбрасывало пляшущие, неровные тени, делая обстановку еще более зловещей.

Вивиан без всякого интереса смотрела только себе под ноги, на каменные плиты пола. Ей было все равно. Лишь когда стражники остановились и расступились в стороны, словно шторы, она заставила себя поднять взгляд.

Увидев большой стол, за которым сидели двое мужчин, Вивиан сдержалась, чтобы не поморщиться от отвращения и страха.

Что же ей делать? Что они хотят?

Признаться, выглядела Вивиан сейчас дико и жалко. Грязная, осунувшаяся и нахмуренная девица в простом, разорванном костюме, стоящая перед владыками этого мрачного места. Её волосы давно растрепались, спутанными прядями свисая на лицо.

— Поклонись королю, девочка, — прорычал мужчина, сидящий справа. Он выглядел ужасающе: седые космы, глубокие морщины и глаза, полные жестокости. Это точно был не король, скорее, приближенный.

Вивиан сглотнула вязкую слюну, но промолчала. Она лишь перевела взгляд на того, кто сидел во главе стола.

— Невежливо не выполнять приказы короля, — мужчина скривил лицо в злобной усмешке, явно наслаждаясь своей властью.

Вивиан посмотрела на короля. Он был моложе своего советника, с острыми, хищными чертами лица и совершенно пустыми глазами. Он просто смотрел на неё, как на занятую букашку. От этого взгляда по спине пробежал ледяной холод пострашнее, чем от прикосновения стражников.

— Я никому не кланяюсь, — прошептала Вивиан, но в тишине зала её голос прозвучал отчетливо. — Тем более тем, кто держит меня в цепях.

Советник побагровел и привстал, но король Смерти едва заметно шевельнул пальцем, останавливая его. Король молчал, изучая её. Тишина затягивалась, становясь невыносимой. Вивиан чувствовала, как под этим взглядом у неё подкашиваются колени, но держалась из последних сил.

— *Зейн...* — подумала она, впиваясь взглядом в переносицу короля, чтобы не смотреть в его пустые глаза. — *Если ты меня когда-нибудь искал... то сейчас самое время появиться.*

— *Я найду тебя, моя принцесса.*

Король Смерти медленно поднялся из-за стола. Его движение было неестественно плавным, словно он не шёл, а плыл над каменными плитами. Взгляд пустых глаз наконец сфокусировался на Вивиан, и в этом взгляде не было ни капли интереса.

— Ты смелая, — произнёс он, и голос его звучал как скрежет камня о камень. — Смелая и глупая. Но я не требую от тебя поклонов, девочка. Я требую лишь одного, чтобы ты поняла.

Он щёлкнул пальцами, и мир вокруг Вивиан взорвался болью.

Сначала просто потемнело. Свечи в канделябрах погасли, они будто задохнулись, и их пламя сжалось в крошечные точки, а затем исчезло. Мрак сгустился до такой степени, что Вивиан перестала видеть собственные руки. Она хотела сделать шаг назад, но ноги не слушались, словно приросли к полу.

— Что... что вы делаете? — прошептала Вивиан, и эхо её голоса рассыпалось на тысячи осколков, отражаясь от стен.

Ответом ей стал нарастающий гул. С каждой секундой он становился громче. Стены начали дрожать. Мелкие камешки посыпались с потолка, ударяя Вивиан по голове и плечам. Она попыталась поднять руки, чтобы защититься, но они повисли плетью.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, только не это...

Гул перерос в грохот. Каменные плиты под ногами задрожали с такой силой, что у Вивиан застучали зубы. Она хотела закричать, позвать на помощь, но голос пропал. Страх залил внутренности ледяной лавой, разлился по венам, сковывая каждую клетку тела.

Первая глыба упала в двух шагах от неё. Удар о пол сотряс

воздух, и Вивиан почувствовала, как осколки камня впиваются в щёки, оставляя кровавые царапины. Она не могла пошевелиться. Даже моргнуть. Только смотреть вверх, в эту стремительно обрушивающуюся тьму.

— Кто-нибудь! — мысленно закричала она, и этот крик сорвал голосовые связки, но в реальности из горла вырвался только беззвучный крик. — Прошу, я здесь! Я...

Вторая глыба рухнула прямо перед ней, разбрызгивая облако каменной пыли. Вивиан кашлянула, подавившись, и в тот же момент почувствовала, как пол уходит из-под ног. Пещера рушилась. С потолка сыпались целые пласты камня, стены трескались, расходясь глубокими бороздами. Грохот стоял такой, что закладывало уши, но Вивиан слышала его с ледяной, противоестественной чёткостью.

Она упала на колени, не в силах удержать обмякшее тело. Пыль и песок забивали глаза, нос, рот. Она задыхалась, но паника не давала сделать вдох. Только короткие, судорожные всхлипы, смешанные с каменной крошкой.

Огромная глыба сорвалась прямо над ней. Вивиан видела, как она летит и не могла отвести взгляд. Тень накрыла её целиком, и в последнее мгновение она закрыла глаза.

Удар.

Она не почувствовала его сразу. Только давящую тяжесть, которая расплющила грудную клетку, сломала рёбра, превращая внутренности в месиво. Боль пришла мгновением позже, и она была такой острой, такой живой, что Вивиан

закричала. По-настоящему кричала, захлёбываясь кровью, которая хлынула из горла.

Огромный кусок камня разрезал её тело. Она чувствовала, как острый край входит в спину, пробивает лёгкие, перерезает позвоночник. Каждая клетка кричала от боли, но Вивиан не могла потерять сознание. Разум оставался кристально ясным, даже когда тело превращалось в раздавленную, истекающую кровью куклу. Она чувствовала всё: как камни продолжают падать, как дробят её руки и ноги, как каменная крошка впивается в открытые раны, как кровь заливает пол под ней, смешиваясь с пылью и грязью.

— Это... неправильно, — прошептала она разбитыми губами. — Я... не должна...

Но она умирала. Медленно, мучительно, ощущая каждый удар сердца, который с каждым разом становился всё слабее. Грудь уже не поднималась, рёбра раздроблены, лёгкие заполнены кровью. Оставалось только ощущение тяжести и боли. И бесконечный, непрекращающийся грохот рушащейся пещеры.

Вивиан проваливалась. В темноту. В пустоту. В ледяную бездну, где больше не было ни боли, ни страха, только тишина и мрак. Она чувствовала, как душа отделяется от разорванного тела, и в этом была странная, пугающая лёгкость. Последняя мысль, пронзившая сознание перед тем, как исчезнуть:

Я не хочу умирать...

А затем — пустота.

Но пустота длилась недолго. Грохот стих так же внезапно, как и начался. Тьма рассеялась, уступая место тусклому свету свечей. Каменные плиты под ногами снова стали ровными. Стены — целыми. Никаких глыб, никакой пыли, никакой крови.

Вивиан стояла на том же месте, где и прежде. Только сейчас она дрожала всем телом, слёзы градом катились по щекам, а дыхание было таким частым и рваным, что казалось, вот-вот сердце выскочит из груди.

Она жива. Цела. Невредима.

Но в памяти с ледяной отчётливостью остались сломанные рёбра, разорванная плоть, тяжёлый камень на груди. Она могла поклясться, что до сих пор чувствует кровь на губах и хруст костей.

Король Смерти сидел на своём месте, сложив руки на столе. Его лицо выражало извращенное удовлетворение.

— Надеюсь, ты запомнишь это чувство, девочка, — произнёс он спокойно. — Я могу сделать твою смерть реальной в любой момент. И в следующий раз я не буду столь милостив.

Вивиан упала на колени от слабости, от ужаса, от ледяного холода, который до сих пор не отпускал её тело. Она пыталась вдохнуть, но воздух застревал в горле, и каждый вдох отдавался призрачной болью в сломанных рёбрах, которых больше не было.

— Ты... — прохрипела она, поднимая заплаканное лицо.

— Ты чудовище...

— Да, — согласился король Смерти. — Но ты будешь вести себя доброжелательнее со мной, если не хочешь пережить это снова. И поверь, я могу сделать это бесконечным.

Он щёлкнул пальцами, и стражники снова взяли Вивиан под руки. Её трясло так сильно, что она не могла стоять самостоятельно. Ноги подкашивались, и она повисла на мёртвой хватке стражей, как тряпичная кукла.

— Уведите её, — бросил король, отворачиваясь.

Вивиан не помнила, как её тащили обратно, не помнила ступеней, коридоров, ледяного ветра в бойницах. Она помнила только невыносимый ужас, который до сих пор пульсировал в груди, и призрачную боль в разрезанном теле, которая, как ей казалось, никогда не уйдёт.

Камера встретила её холодом и сыростью. Стражники бросили её на каменный пол, защелкнули цепь и ушли, не оглядываясь.

Вивиан лежала, глядя в чёрный потолок, и не могла пошевелиться. Только дрожь сотрясала тело, и по щекам текли беззвучные слёзы.

Она не знала, сколько прошло времени. Минуты. Часы. Может быть, дни. Но когда она наконец смогла вздохнуть полной грудью, её первая мысль была не о спасении.

Я не переживу этого снова.

Глава 4. Королевство Смерти

Зейн не мог спать. А если и спал, то терялся в кошмарах.

Вивиан снилась ему во всех проявлениях. Сотканная из теней выходила к нему, касалась лица теплыми пальцами, и Зейн чувствовал это тепло даже сквозь сон. Или живая и здоровая сидела на зеленой поляне, подставляя лицо солнцу, и он слышал ее смех, от которого у него всегда теплело внутри. Сны с хорошим или плохим концом. Но всегда — с Вивиан.

Сейчас он бродил по пустому замку. Шаги гулко отдавались в тишине коридоров, но звук казался приглушенным. Внутри было холодно и одиноко. Тени ползли по полу, стелились у ног, словно пытались замедлить его шаги, удержать на месте. Но Зейн их не контролировал.

Как и всегда.

В груди почему-то стояла паника. Страх резал все мысли острым лезвием, не давая ясно мыслить. Зейн шел вперед, стараясь думать о том, что скоро увидит кого-то, но никого вокруг не было. Сплошная тишина, нарушаемая лишь собственным дыханием.

Он толкнул дверь своей спальни.

У окна стояла Вивиан. Прозрачная. Будто из лунного света и теней. Снова неживая. Тень.

Зейн невольно улыбнулся ей. Тень Вивиан обернулась.

В ее прозрачных глазах мелькнул страх. Она отшатнулась, вскинула руки, будто защищаясь, и прыгнула в окно.

— Вивиан!

Зейн рванул вперед, в отчаянии цепляясь за подоконник. Внизу никого не было, только пустой двор, залитый светом.

Страх сковал живот ледяной рукой.

Сон закончился.

Зейн открыл глаза и уставился в лицо Кая, нависшее над ним. Друг выглядел встревоженным.

— Ты опять видишь сны, я все понимаю, — Кай обвел взглядом комнату и развел руками, — но это пугает меня. Реально пугает, Зейн.

Зейн с трудом поднялся, потирая переносицу. Голова раскалывалась. Он оглядел комнату и ужаснулся. Все вокруг, как во сне, было в тени. Густой туман клубился у стен, стелился по полу, лип к мебели. Комната тонула в полумраке.

Но боли не было.

Зейн недоумевающе посмотрел на свои руки, на тени, что послушно замерли у его ног.

— Прости, — выдохнул он, приложив руку к груди, и в ужасе дернулся. — Кай, мне не больно. Они здесь, а я не чувствую ничего. Совсем.

Кай настороженно смотрел на друга, не решаясь приблизиться.

— Не больно? Как? — переспросил он с сомнением. — Зейн, так не бывает. Тени всегда причиняют тебе боль.

— Я знаю, — Зейн пошевелил пальцами, наблюдая, как тени лениво перетекают следом. — Но сейчас — ничего.

— Это точно твои тени? — Кай прищурился, вглядываясь в темную массу у ног друга.

— Чьи же еще? — Зейн пожал плечами, но в голосе проскользнула неуверенность.

— Вивиан, — тихо предположил Кай.

Зейн замер. Эта мысль уже приходила ему в голову, но он гнал ее прочь. Слишком больно было надеяться.

— Насколько мне известно, тени ходят за хозяином, — медленно произнес он, поднимая взгляд на друга. — И я очень надеюсь, что все тени до единой сейчас с ней. Они защищают ее.

— Хорошо, — тихо отозвался Кай. Он прошел в комнату, опустился на край кровати, запустил пальцы в волосы. — Хорошо, пусть так и будет.

Зейн встал под пристальным взглядом друга. За несколько дней у него выработался странный ритуал. Кай будил его после кошмаров. Зейн, чувствуя себя пустым, подходил к столу, где Вивиан в последний визит написала ему на бумаге: «Я полюблю тебя. Обещаю».

Он перечитывал эту фразу десятки раз, водил пальцем по буквам, пытаясь представить, как она выводила их. А когда ненависть к себе достигала предела, Зейн уходил в ванную и вставал под ледяной душ, пока зубы не начинали стучать, а кожа не покрывалась мурашками.

Дальше день шел как-то сам по себе. Столовая. Уроки. Тренировки. Ночь. Снова желанный и печальный сон. Каждый день по кругу.

Сейчас Зейн снова подошел к столу. Провел рукой по желтоватой бумаге, пытаясь не думать о Вивиан и ее глазах. Не получалось.

— Неужели отец ничего не получил? — спросил он, не оборачиваясь. — Неужели этот похититель все еще молчит?

— Не знаю, Зейн, — Кай поднялся, подошел к другу, встал рядом. — Но тебе точно нужна помощь. Думаю, тебе стоит...

— Мне не нужна помощь! — Зейн резко обернулся, в глазах вспыхнул гнев, но тут же погас, сменившись усталостью. — Извини. Я не хотел...

— Знаю, — Кай положил руку ему на плечо. — Нужно узнать, можешь ли ты связаться с ней на таком расстоянии. Я знаю, что ты пытался, но, может, есть другие способы. Твои тени никуда не денутся. Но, может, у нас есть шанс?

Зейн молча смотрел на друга. Кай был прав. Как всегда, прав. Посоветоваться с кем-то стоило.

— Я тоже чувствую себя паршиво, ясно? — недовольно бросил Кай, убирая руку. — Моя сестра пропала. Моя милая и добрая Вивиан исчезла. Я не могу тянуть нас двоих к жизни. Нужно искать силы. Я чувствую, что в любой момент появится зацепка, и мы не задержимся в Академии. А пока мы в этом месте, ты можешь воспользоваться учителями, кото-

рые точно войдут в твое положение и ответят на все вопросы. У меня нет ментальной магии, нет теней. Я могу лишь атаковать и бороться за нее. А у тебя с ней связь. Обычно ты мне это говоришь... но соберись! Я понимаю, что все, что касается Вивиан, ты не удерживаешь в себе. Но никто не должен понять, насколько это слабая точка в твоём щите. Уяснил?

Зейн кивнул, чувствуя, как слова друга врезаются в сознание, пробивая корку отчаяния.

— Уяснил.

— Вот и отлично. — Кай хлопнул его по плечу и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Зейн быстро оделся, волосы кое-как пригладил рукой. Начищенная обувь глухо стучала по каменному полу коридоров.

Академия опустела. Те немногие студенты, что остались, провожали Зейна взглядами. Он шел, не глядя по сторонам, погруженный в свои мысли. Только шаги отсчитывали ритм: Ви-ви-ан, Ви-ви-ан, Ви-ви-ан.

В столовой пахло кашей и свежим хлебом. Зейн взял поднос с едой, автоматически положил то же, что всегда, и направился к своему столу.

Друзья уже были на месте. Элио крутил в руках ложку, не решаясь начать есть. Киран мрачно смотрел в окно. Луан листал какую-то книгу, но взгляд его скользил по строкам, не задерживаясь. Кай сидел с каменным лицом.

Зейн сел. Тишина за столом стала почти осязаемой.

— Как вы, парни? — не выдержал Элио, откладывая ложку. — То, что случилось, просто ужасно. Мы все переживаем.

— Да, — глухо ответил Кай, запихивая в рот кашу и начиная жевать с каким-то ожесточением.

— Надеюсь, она скоро найдется, — тихо сказал Киран. — Вивиан сильная. Она справится.

Никто не ответил.

К столу подошли две тонкие фигуры. Айлин держала поднос с едой, а Минси брела за ней, как тень. Девушка была почти неживой. Она теребила в руках какой-то платок и смотрела сквозь пространство.

— Можно, мы с вами сядем? — спросила Айлин, но уже ставила поднос на стол. — Луан?

Луан, смотревший на Минси с такой болью в глазах, что становилось не по себе, вздрогнул и быстро подвинулся, освобождая место рядом с собой.

— Я еле вытащила ее из комнаты, — тяжело выдохнула Айлин, глядя на подругу. — Бедняжка совсем не в состоянии. Восьмой день почти ничего не ест.

Минси опустилась на скамью, даже не взглянув на поднос. Ее пальцы продолжали теребить ткань, взгляд был устремлен в стену. Губы дрожали то ли от слез, то ли от беззвучных слов.

— Что с ней будет? — спросил Киран вполголоса. — Она же не в состоянии учиться дальше.

— Ее родителей уже оповестили, — Айлин осторожно поправила салфетку на подносе подруги. — Думаю, они скоро приедут за ней. Это вопрос дней.

Она взглянула на брата Вивиан:

— Кай... Как ты себя чувствуешь?

— Так, как будто мою сестру украли, — грубо ответил Кай, даже не повернув головы.

— Эй, полегче! — Киран схватил друга за плечо. — Мы все тут не в восторге. Она просто спросила.

Но Айлин уже не слушала их. Она наклонилась к Минси, взяла ложку, зачерпнула каши и поднесла к губам подруги.

— Поешь, пожалуйста, — тихо прошептала она. В голосе звучала мольба. — Ты живая, и еда тебе необходима. Ради Рори, если не ради себя.

— Но Рори нет... — отрешенно сказала Минси хриплым, севшим голосом. По щеке покатилась слеза, но девушка даже не заметила этого.

— Она бы очень не хотела, чтобы ты голодала, — мягко вставил Луан, пытаясь улыбнуться. Улыбка вышла жалкой. — Рори любила жизнь. И тебя любила. Она бы хотела, чтобы ты жила дальше.

Айлин благодарно кивнула ему, глубоко вздохнула, стараясь держать себя в руках.

В этой давящей тишине никто не хотел есть. Тарелки остывали, еда оставалась нетронутой. Но Зейну вдруг кое-что пришло в голову.

— Учитель Дервиши в Академии? — спросил он, резко поднимая взгляд.

— Думаю, да. — Луан нахмурился, припоминая. — У нас с ним сегодня урок после обеда. Я видел его утром в библиотеке.

— Точно. — Зейн рассеянно кивнул и резко поднялся, едва не опрокинув стул.

— Эй, ты куда? — Кай схватил его за рукав.

— Кое-что придумал! — Зейн выдернул руку и почти бегом направился к выходу из столовой.

— Хоть бы он придумал что-то стоящее, — с надеждой прошептала Айлин, глядя вслед принцу Лунного королевства.

Зейн летел по коридорам, едва не сбивая с ног редких прохожих. Сердце колотилось где-то в горле. Он не помнил, постучал или нет, когда ворвался в кабинет учителя Дервиши.

— Зейн? — Господин Дервиши поднял голову, удивленно приподнимая брови. Очки сползли на кончик носа.

Учитель сидел в полутьме за массивным дубовым столом. Вокруг громоздились стопки книг, свитки, какие-то странные приборы. Единственная свеча отбрасывала дрожащие тени на стены.

— Господин Дервиши, — Зейн перевел дыхание, пытаясь унять бешеный стук сердца. — Знаю, что ворвался без приглашения, но у меня срочный вопрос. Очень срочный.

— Раз срочный — говори, — Дервиши отложил книгу в кожаном переплете и жестом указал на кресло напротив. — Садись. Не люблю, когда надо мной нависают.

Зейн рухнул в кресло, подался вперед:

— Принцесса Солнечного Королевства пропала. Вы ведь слышали об этом?

— Конечно слышал, — кивнул учитель. — Об этом вся Академия гудит. Трагедия.

— Она близка мне. И моей семье, — Зейн замялся, но решил сказать прямо: — Мы помолвлены.

— Даже так? — Дервиши откинулся на спинку кресла, внимательно разглядывая ученика. — Впрочем, Солнечное Королевство всегда было тесно связано с Лунным. Политический брак?

— Нет, — Зейн покачал головой. — Не только. Не политический.

— Понимаю, — Дервиши сложил пальцы домиком. — Так в чем твой вопрос?

Зейн не желал говорить подробности своей личной жизни, но отчаяние притупило гордость.

— Вивиан для меня больше, чем просто принцесса, больше, чем друг, — осторожно начал он, подбирая слова. — Мы с детства имели тонкую связь, всегда понимали друг друга без слов. Я учил ее ментальной магии. Мы бывали в мыслях друг у друга. Я открыт для нее, как ни для кого другого. Но сколько бы я ни пытался сейчас с ней связаться — в ответ

тишина. Пустота.

Учитель Дервиши слушал внимательно, не перебивая. Глаза его за стеклами очков блестели в полумраке.

Зейн замолчал, не зная, стоит ли говорить о тенях, о странных снах, о том, что тени Вивиан приходят к нему. Решил умолчать. Пока.

— Вы можете помочь мне связаться с ней? — спросил он с такой надеждой в голосе, что самому стало неловко.

— Ты чувствуешь, что она жива? — вместо ответа спросил учитель.

Зейн кивнул. Сглотнул ком в горле.

— Да. Я знаю это. Чувствую здесь, — Он прижал руку к груди.

— Если вы и вправду были так близки, какая-то нить точно должна была образоваться. Ментальная связь — штука тонкая, но прочная. — Дервиши потер подбородок. — Ты чувствуешь, что ей что-то угрожает?

— Да, — Зейн сжал кулаки. — Я чувствую страх. Ее страх. И холод.

— Она тебе снится? — вдруг спросил господин Дервиши. Зейн вздрогнул.

— Каждую ночь.

— Если ваша связь такая прочная и тесная, — учитель размышлял вслух, — то это она пытается с тобой связаться. Что в этих снах?

— Каждый сон заканчивается тем, что она исчезает, —

Зейн нахмурился, пытаясь понять, куда клонит учитель. — Замечает меня и исчезает.

— Нет, это не главное, — Дервиши нетерпеливо махнул рукой. — Где происходит действие? Что вокруг? Она что-то говорит? Пытается передать сообщение?

— Она никогда не говорит, — покачал головой Зейн. — Но мы всегда в Лунном дворце. В моей спальне. В цветочном саду. В тех местах, где мы были вместе.

— Интересно, — Дервиши прищурился. — Не знаю, сознательно она это делает или нет, но она пытается с тобой связаться. Посылает образы мест, где ей было хорошо, где она чувствовала себя в безопасности. Это хороший знак.

— Хороший? — Зейн недоверчиво посмотрел на учителя.

— Это значит, что она жива и ее разум активен, — Дервиши поднялся, прошелся по кабинету. — Не стоит сильно радоваться, конечно. Она может просто думать о тебе, так же как ты о ней. Есть вероятность, что ее магию заблокировали.

— Заблокировали?

— У меня дома есть оковы, которые блокируют магию, — Дервиши остановился у окна. — Древние артефакты. Их надевают на пленников, чтобы те не могли колдовать. К сожалению, это слишком популярный способ держать кого-то в темнице. Я бы не удивился, если бы с Вивиан поступили так же.

— Но если магия заблокирована, она не может связаться со мной?

— Не может. Но сны — это не обязательно магия, — Дервиши повернулся к нему. — Сны — это подсознание. Его не заблокировать никакими оковами.

— Есть другой способ связи? — Зейн вскочил.

— Это весьма щепетильный процесс, — лениво ответил Дервиши, возвращаясь к столу. — Будь вы в браке, между вами образовалась бы нить. Брачная нить — очень мощная связь. По ней можно найти фэйри где угодно, почувствовать его состояние. Но вы не женаты, так что этот вариант отпадает.

Зейн стиснул зубы. В груди закипало отчаяние.

— Я вас понял, — Он резко развернулся к двери. — Спасибо за уделенное время.

— погоди, — голос Дервиши остановил его у самого порога. — Не торопись. Можно попробовать кое-что другое.

Зейн замер, не смея повернуться. Боялся, что надежда снова окажется ложной.

— У меня есть древняя свеча из черного воска, — сказал Дервиши, направляясь к высокому комоду в углу. — Редкая вещь. Диковинка в нашем мире.

Он открыл ящик, порывшись в нем и извлек небольшой сверток темной ткани.

— Эта свеча усиливает ментальный импульс, — Дервиши развернул ткань, показывая тонкую черную свечу, от которой веяло холодом. — Мы сможем немного побывать в разуме принцессы. Увидеть то, что видит она. Но не так, как

ты думаешь.

— А как? — Зейн шагнул ближе.

— Пламя отбросит тень, — Дервиши поднял свечу, рассматривая ее на свет. — И тень покажет что-то важное. То, что сейчас занимает мысли твоей принцессы.

— То есть если ее держат в темнице, мы увидим решетку? — не понял Зейн.

— Не совсем, — Учитель покачал головой. — Мы увидим символ. Знак. Решетку, если она в темнице. Цепь, если она в оковах. Или череп, если... — Он замолчал.

Зейн сжал губы.

— Я понял.

— Садись в кресло, — Дервиши указал на то же место. — Расслабься. Закрой глаза. Думай о принцессе. Не о том, что между вами связь. Не о своей тревоге. Только о ней. Нужно создать ее образ в сознании.

Зейн опустил в кресло, закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

— Дыши ровно, — услышал он голос учителя. — Представляй ее. Каждую мелочь.

Зейн с волнением начал вычерчивать образ Солнечной принцессы. Вспомнил, как она в прошлом году танцевала на балу в светлом зеленом платье, с распущенными волосами. Аккуратно причесанные пряди, нежная розовая кожа, тонкая шея. Грациозные руки, длинные ноги. Ее зеленые глаза с холодным оттенком, словно зелень в тени. Ее улыбку, от ко-

торой у него всегда замирало сердце. Ее невинную, чистую душу.

Он услышал, как чиркнуло кресало.

— Открывай глаза, — тихо сказал Дервиши. — Смотри на пламя. Думай о ней.

Зейн открыл глаза. Черная свеча горела ровным синеватым пламенем. Огонек колыхался, тянулся вверх, переливался разными оттенками.

Зейн смотрел на пламя, удерживая в голове образ Вивиян. Вспоминал ее смех. Ее прикосновения. Ее голос.

Пламя дрожало, и силуэты плясали на стенах, но ничего не происходило.

А потом свеча потухла.

Кабинет погрузился во тьму. Только слабый свет пробивался сквозь щель в шторах.

— Что это значит? — Голос Зейна прозвучал хрипло.

— Если бы я знал, — ответил учитель.

Щелчок пальцев, и свечи на столе зажглись снова. В кабинете стало светло, хоть и тускло.

Дервиши взял черную свечу в руки, повертел, разглядывая оплывший воск.

— Вы что-нибудь видели? — Зейн подался вперед, вцепившись в край стола.

— Я видел то же, что и ты, — ответил Дервиши. В голосе его звучало недоумение. — Чтобы это ни значило, признаков смерти мы не увидели. Это хорошо.

— Мы ничего не увидели, — с горечью возразил Зейн. — Сплошную темноту. Пустоту.

Он потер лицо ладонями. Надежда найти принцессу вспыхнула ярко и оказалась пустышкой. Злость разливалась по венам.

— Сплошная темнота! — вдруг воскликнул Дервиши с таким странным выражением, что Зейн замер. — Зейн!

— Свеча просто потухла.

— Вот именно! — Дервиши откинулся на спинку кресла, и в глазах его мелькнуло понимание. — Темнота у нас где?

Зейн нахмурился, пытаясь сообразить, куда клонит учитель.

— В темнице?

— В темнице, если там нет света. Да, — Дервиши подался вперед. — Но есть одно место, где тьма абсолютна.

Зейн смотрел на него, боясь дышать.

— В Королевстве Смерти, — тихо сказал Дервиши. — Там, куда не проникает ни один луч света. Где правят только тени.

Зейн побелел.

— Вы думаете... она там?

— Я ничего не думаю, — покачал головой учитель. — Но свеча погасла не просто так. Темнота, которую мы увидели — не пустота. Это место. Место, где нет света.

Зейн медленно поднялся. Ноги дрожали.

— Королевство Смерти, — повторил он. — Но оно закры-

то. Туда не войти и не выйти.

— Сказки часто оказываются правдой, Зейн, — Дервиши с жалостью посмотрел на него. — Я не говорю, что она там, но подумать стоит.

Зейн молча развернулся и вышел из кабинета. В коридоре он прислонился к стене, пытаясь унять дрожь.

Королевство Смерти.

Если Вивиан там — хуже места не придумаешь.

Глава 5. Остался 31 день. Навсегда

Тишина затягивалась, становясь невыносимой. Вивиан чувствовала, как под взглядом короля у неё подкашиваются колени, но держалась из последних сил, впиваясь ногтями в ладони. Цепи на запястьях тихо звякнули, выдавая её дрожь. Даже факелы, казалось, горели тише, боясь потревожить это напряжение.

— Я никому не кланяюсь, — прошептала Вивиан, но в тишине зала её голос прозвучал отчетливо.

Советник побагровел и привстал. Король Смерти медленно откинулся на спинку трона и улыбнулся, от чего у Вивиан свело живот. Он поднял руку, и его длинные пальцы с черными ногтями описали в воздухе ленивую дугу.

— Ты так горда, — произнёс он мягко, почти ласково. — Так уверена в своей правоте. Но давай-ка проверим, что о тебе думают те, кого ты любишь.

Вивиан не поняла, что он имеет в виду, но через секунду мир вокруг неё поплыл. Свечи моргнули, тени на стенах вздрогнули и начали удлиняться, тянуться к ней, обвивать ноги, руки, плечи. Холодные, липкие, они забирались под одежду, касались кожи, и от каждого прикосновения по телу пробегали мурашки.

А потом она услышала голоса, и Вивиан с ужасом начала узнавать их.

— Вивиан... — шёпот Аннет больно отозвался в груди.
— Вивиан, как ты могла? Ты же знала, что нельзя доверять чужакам. Ты предала нас. Предала своё королевство.

— Нет, — выдохнула Вивиан, зажмуриваясь. — Аннет, я не...

— Ты оставила нас, — перебил другой голос, высокий, звонкий, с нотками обиды. *Айлин*. — Я верила тебе, Вивиан. Я рассказывала тебе всё. А ты сбежала с этим принцем, даже не попрощавшись. Ты думала только о себе. Всегда только о себе.

— Айлин, нет, пожалуйста, — Вивиан покачала головой, пытаюсь высвободиться из теней, но они держали крепко. — Я не хотела...

— Дочка, — голос матери, тёплый, родной, но сейчас в нём звучала такая ледяная усталость, что у Вивиан остановилось сердце. — Ты опозорила нашу семью. Ты сбежала, не сказав ни слова. Ты оставила меня одну с этим хаосом. Разве я так тебя воспитывала? Разве я учила тебя быть предательницей?

— Мама! — закричала Вивиан, и слёзы хлынули из глаз.
— Я не хотела! Я не...

Но голоса накатывали волной, перебивая друг друга, и каждый новый удар был сильнее предыдущего.

— Вивиан, — глухой голос Дейка, её друга детства. — Я рисковал жизнью ради тебя. А ты сбежала с первым встречным. Ты предала меня, предала всех нас. Я не хочу тебя

знать.

— Дейк, прости, — прошептала Вивиан, и голос её сорвался. — Прости меня...

И последний голос — тот, что разбил её окончательно.

— Вивиан, — шёпот Зейна. Тёплый, родной, тот, к которому она так стремилась, сейчас он звучал иначе. — Я искал тебя. Я рисковал всем. А ты? Ты позволила им схватить себя. Ты была слабой. И теперь они используют тебя, чтобы добраться до меня. Это из-за тебя я в опасности. Это из-за тебя...

Вивиан захлебнулась воздухом. Она хотела закричать, что это неправда, что она не виновата, что она боролась, но голоса уже слились в один многоголосый хор, и каждое слово вонзалось в неё, как кинжал.

— Предательница.

— Это твоя вина.

— Ты всё разрушила.

— Мы отвернулись от тебя.

— Навсегда.

— Никто тебя не простит.

— Ты одна.

Тени сжали её горло, и Вивиан почувствовала, как её собственный голос исчез. Она открыла рот, но из него вырвался только беззвучный хрип. Колени подогнулись, и она рухнула на пол, не в силах больше держаться. Внутри всё кричало от боли, от чувства вины, которое заполнило каждую клетку

тела.

Голоса стихли так же внезапно, как и начались. Тени отпустили её, отступили обратно к стенам, оставляя Вивиан распластанной на холодных камнях. Она дрожала крупной дрожью, по щекам текли слёзы, а в груди билась только одна мысль: *они правы. Это я во всём виновата.*

Король Смерти наклонился вперёд, и его голос прозвучал почти сочувственно:

— Видишь, девочка? Даже те, кто любил тебя, отвернулись. Ты для них — чужая. Предательница. И только я могу дать тебе шанс искупить свою вину. Если, конечно, ты будешь вести себя хорошо.

Он выпрямился и махнул рукой:

— Садись за стол. И не заставляй меня повторять дважды.

Вивиан с трудом поднялась на дрожащие ноги. Она не поднимала глаз, боясь увидеть в пустых глазах короля своё отражение, ту самую предательницу, которой её только что назвали. Голова гудела, в ушах всё ещё звенел шёпот родных голосов, и она уже не знала, что правда, а что — игра этого чудовища.

Но одно она поняла точно: они отвернулись от неё. Все. Даже Зейн.

— Разговаривай с Его Величеством как подобает, — советник наконец обрёл голос, высоко подняв подбородок. Его тонкие губы искривились в брезгливой усмешке.

Вивиан злобно посмотрела на него. В её взгляде было

столько презрения, что советник невольно отшатнулся, но тут же разозлился на себя за эту слабость.

— Можете представиться, — более мягко проговорил мужчина, который привез сюда Вивиан. Он сидел в тени, и только сейчас Вивиан разглядела его. Она его не узнала, лишь удивилась его вежливому обращению и на мгновение задержала на нём взгляд.

Вивиан не желала раскрывать им свою личность. Она лишь сильнее сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Тело отдавало слабостью и дрожью. От недомогания кружилась голова, а перед глазами иногда всплывали тёмные пятна. Но она не позволяла себе упасть. Только не здесь. Только не перед ними.

— Девчонка, говори скорее, а то пожалеешь, — советник не скрывал своей злости. Он все еще стоял, опираясь костяшками о стол. — У меня мало терпения возиться с наглым отродьем.

Вивиан покачала головой, глядя прямо в его налитые кровью глаза.

— Может, ты тогда сам скажешь, для чего она здесь? — вмешался Виктор, резко поворачиваясь к отцу. Было видно, что он тоже на пределе. — Ты обещал рассказать, когда она появится здесь. Я жду. Уже вторую неделю жду, если ты не заметил.

— Я ничем тебе не обязан, — лениво бросил король, даже не глядя на сына. Его взгляд всё ещё был прикован к Вивиан.

Принцесса наблюдала за их перепалкой, замечая сходство их внешности. Те же острые скулы, тот же разрез глаз. Отец и сын. Но если в Викторе чувствовалась какая-то усталость, даже обречённость, то король излучал уверенность голодного хищника.

— Нет, ты объяснишь мне, — Виктор повысил голос, вставая. — Зачем тебе понадобилась какая-то девица из Лунного Королевства? Поближе никого не нашлось? Во всём мире не нашлось никого, кроме неё?

— Ты бы не разбрасывался словами, парень, — король наконец перевёл взгляд на сына и хищно улыбнулся, обнажая длинные клыки. — Как никак, семьей скоро станем.

Вивиан с опаской отшатнулась, хотя и сохраняла спокойное лицо. Сердце пропустило удар.

Семья?

Какая ещё семья?

Она инстинктивно сделала шаг назад, но цепи не позволили, и она лишь больно дёрнула запястья.

— Какой еще семьей? — не понял Виктор. Он уставился на отца, сдвинув брови к переносице.

— Это — невеста моего сына, Виктор, — король облизнул клыки. Язык был неестественно длинным и тёмным.

— Что ты несешь? — Виктор подался вперёд, сжимая кулаки. — Ты решил найти мне невесту? С какой целью? Чтобы ещё сильнее привязать меня к этому месту?

— Это не твоя невеста, — покачал головой король, усме-

хаясь. — Ты ведь не единственный мой сын. Или ты думал, что я остановился на твоей никчёмной матери?

— Точно, — Виктор откинулся на спинку стула, и тот жалобно скрипнул. В его голосе появилась горькая ирония. — Ты же не можешь в своих похождениях позаботиться о том, чтобы дети не появлялись на свет. Такой чести ты их не удостоишь. Так какого из братьев ждет эта девушка? Третьего? Четвертого? У тебя их, как я понимаю, целая деревня?

— Ты с ним не знаком, — спокойно сказал король, снова посмотрев на Вивиан. — В общем-то, как и я. Забавно, правда? Я ищу собственного сына больше ста лет, надеясь, что он мертв, а он всё это время жил и не знал обо мне.

— Кто-то все же вырос в здоровой среде, — усмехнулся Виктор, но в усмешке не было веселья. — Кто этот счастливчик? Может, мне стоит начать ему завидовать?

— Его мать оказалась не такой тупой, чтобы просто раздвигать передо мной ноги, — король усмехнулся, прикрывая глаза, словно вспоминая приятное время. — Она упрятала его слишком хорошо. Больше ста лет я искал его. И знаешь, где нашёл?

— Я уже завидую ему, — многозначно кивнул Виктор. — И где же?

— В Лунном королевстве, — с какой-то странной интонацией сказал король, растягивая слова. — Он принц.

— Принц? — Виктор вскинул брови. — Лунного королевства? У них же их несколько?

Вивиан тихо охнула. Она потеряла порядок мыслей. Что несет этот придурак? Сердце забилося где-то в горле. На этот раз Вивиан заметно дрогнула, и цепи звякнули громче.

Виктор с сочувствием посмотрел на Вивиан, отметив, что она совсем юная. Лет шестнадцать, не больше. Худенькая, бледная, с тёмными кругами под глазами. И в цепях, которые явно были ей велики.

— Зачем она тебе? — поинтересовался Виктор уже спокойнее. — Если ты нашёл сына, зачем тебе эта девчонка?

— Разумеется, чтобы познакомиться с сыном, — король снова расплылся в улыбке, и от этой улыбки веяло могильным холодом. — Узнал я, что мой мальчик очень дорожит этой девочкой. Так дорожит, что даже собирался на ней жениться. Сам выбрал, понимаешь? Сам. Это редкость в наши времена. — Он хмыкнул. — А я ведь даже не знал, что у меня такой романтичный сын. Надо же познакомиться с ним поближе. Через... общие интересы. Садись к нам за стол, девочка.

Вивиан продолжила стоять на месте, не понимая, что сейчас происходит. Не понимая, что она только что услышала. Зейн... его сын? Или Дейк? Нет. Нет, этого не может быть. Зейн не может быть сыном этого чудовища. Это ложь. Всё это ложь.

Король покрутил кистью руки, и тени, до этого неподвижно стоявшие у стен, ожили. Они подошли к Вивиан и подняли её за руки — холодные, бесформенные, но невероятно

сильные. Они понесли ее к столу, не касаясь пола. Вивиан чувствовала, как ледяной холод проникает сквозь одежду, как немеют плечи.

У стола тени убрали свои руки, грубо толкая ее вперед.

Не имея сил, Вивиан всё же упала, споткнувшись о собственную цепь. Она чудом не ударилась головой о край стола, и успела выставить руку. Но больно ударившись коленом о каменный пол, Вивиан захрипела, пытаясь сдержать крик.

— У нее же истощение, — недовольно проговорил Виктор, качая головой. — В крови магия заблокирована. Она еле стоит на ногах, а ты её швыряешь. Совсем последние крупички совести растерял?

— Если бы ты видел ее способности, не сильно бы возражал насчет оков, — парировал король. — Она опаснее, чем кажется.

— Мой отец придет за вами, — тихо из-под стола проговорила Вивиан, с болью сжимая челюсти. Голос её дрожал, но в нём слышалась накопившаяся злость.

— Что ты там вякаешь, девчонка? — советник подошел к ней, больно хватая за плечо. Его пальцы впились в тонкую ключицу. — Поднимайся и садись за стол. Король изъявил честь позвать тебя на ужин, а ты что?

— Пусть катится к черту, — выплюнула со всей злостью Вивиан, снова оказавшись на ногах благодаря грубому рывку советника.

— Что ты сказала? — советник побелел, боясь взглянуть

на своего короля. Его рука дрогнула.

— Пусть катится к черту, — повторила Вивиан, на этот раз глядя королю в глаза. — Прямо сейчас.

В зале повисла гробовая тишина. Даже тени замерли.

— Вижу, в твоём королевстве не учат покорности, — король терял терпение. Его голос стал ниже, опаснее. — Как ты смеешь так со мной говорить?

— Не смей говорить о моем королевстве, — шикнула Вивиан. — Ты вообще не имеешь права упоминать о нём. Ты недостойн.

— А что ты мне сделаешь? — король сложил руки на груди, наклоняя голову набок. В этом жесте лилась вся его усмешка. — Нагрубишь и кинешь веером в лицо? Или, может, позовешь папочку?

— Убью.

Король изучающе смотрел в лицо. Долго, пристально. Вивиан не отводила взгляда, хотя внутри всё дрожало.

— Тебе шестнадцать-то есть? — спросил он, бесцеремонно разглядывая ее с головы до ног и пропуская угрозу мимо ушей. Его взгляд задержался на тонких запястьях в цепях, на острой ключице, виднеющейся из-за ворота. — Худая слишком. Недокормили тебя там?

— Мы же не собираемся делать с ней чего-то запрещенного? — подал голос Виктор, глядя на отца с плохо скрываемым отвращением. — Только скажи, что нет.

— Смотря как будет себя вести, — многозначно ответил

король. — Да, девочка? Расскажешь нам о себе? Заодно и о своем женихе. Что ты о нём знаешь? Он тебе рассказывал о своём прошлом? О том, откуда он взялся?

Вивиан молча смотрела на него с нахмуренными бровями. Она так злилась, что почувствовала прилив сил. Голова перестала кружиться, а в груди разгорался огонь.

Чтобы ни говорил этот мужчина, она не верила ему. Зейн не может быть его сыном. Не может. Это просто попытка сломать её, запугать. То, что ему больше ста лет — совпадение.

— Ты мне чего-то не договариваешь? — с сомнением спросил Виктор, переводя взгляд с отца на девушку.

Но король проигнорировал его вопрос. Он взглянул на советника и коротко кивнул. Сосредоточенное лицо расслабилось, и появилась хищная ухмылка, от которой у Вивиан похолодело внутри. Она повернула голову к двери, чувствуя неладное.

Два темных рыцаря внесли в зал женщину. Они несли её, как мешок с зерном. Она была без сознания, потому что голова безвольно моталась в такт шагам. Светлые волосы свисали грязными патлами, прикрывая лицо. Одежда была настолько грязной, что невозможно было определить первоначальный цвет. Платье во многих местах порвалось, обнажая синюю в синяках кожу.

— Ну что, скажешь нам свое имя? — король усмехнулся, наблюдая за реакцией Вивиан.

Вивиан сжала губы, игнорируя его просьбу.

— Что ты хочешь? — устало спросил Виктор. — Объясни мне, что происходит. Зачем ты притащил сюда эту женщину?

— Начинайте, — громко приказал король, повернувшись к сыну. — Я всего лишь хотел поговорить с нашей гостьей. А она не хочет говорить. Приходится искать другие способы убеждения.

Виктор медленно повернул голову, наблюдая, как рыцари бьют женщину по лицу, чтобы она очнулась. Раз, другой, третий. Голова моталась из стороны в сторону.

— Гостей не похищают и не морят голодом, — парировал Виктор. — Действительно, почему же с тобой никто не хочет говорить? Может, потому что ты чудовище?

Король даже не обернулся.

Рыцари бросили женщину на стол, который прикатали с собой — массивный, деревянный, с ремнями по углам. Она со стоном упала, не пытаясь подняться, только слабо шевелила пальцами.

— Прошу, не надо, — прохрипела женщина. Голос был сорван, едва слышен.

Вивиан обеспокоенно посмотрела на короля, затем вновь на женщину. Она чувствовала, что привели её не просто так. Кто она? Почему она здесь?

Рыцари без колебаний задрали грязную юбку, обнажая толстые ноги, покрытые синяками и ссадинами. Некоторые синяки были старыми, жёлто-зелёными, другие — свежими, багровыми.

— Не помню, как ее зовут, но она обманула и переиграла меня, — сказал король задумчиво, словно речь шла о досадной помехе. — Тогда, сто тридцать семь лет назад. А я не люблю проигрывать. Я вообще никогда не проигрываю.

Вивиан вжала голову в плечи, чувствуя, как дрожат кончики пальцев.

— Я не намерен смотреть на это, — Виктор резко встал. Он был зол. Это читалось в напряжённых плечах и сжатых кулаках. — В который раз ты показываешь свою сущность. Я не хочу тебя видеть.

Он вышел из зала, громко хлопнув дверью. Вивиан на мгновение проводила его взглядом, но тут же снова перевела глаза на женщину. Ей хотелось отвернуться, закрыть глаза, заткнуть уши, но она не могла.

Король встал из-за стола, подошел к ней, схватил за ворот костюма, рывком поднимая ее. Ткань затрещала.

— А мы посмотрим, да, Ваше Высочество? — прошептал он возле самого уха. Его дыхание было холодным, пахло гнилью и старой кровью. — Знаешь, кто это?

Вивиан покачала головой, чувствуя, как крупная дрожь пробирает всё тело.

Король с силой сдвинул ей голову, держа за челюсть. Пальцы впились в щёки, заставляя смотреть прямо перед собой.

— Шлюха, родившая твоего принца, — прорычал король, и каждое слово падало в уши раскалённым свинцом. — Мать твоего ненаглядного Зейна. Та самая, которая украла его

у меня. Спрятала, отдала чужим, научила ненавидеть отца. Расскажешь ему потом, как сладко мы с ней поразвлекались? Передашь привет от папочки?

И он действительно повел ее посмотреть ближе, волоча за собой. Вивиан едва успевала перебирать ногами, спотыкаясь о собственную цепь, но король не давал упасть, держал крепко, почти ломая челюсть.

Тем временем рыцари содрали с женщины последнюю одежду. Она лежала на столе, голая, худая до невозможности, с выступающими рёбрами. Вивиан увидела у них в руках что-то непонятное — стальную конструкцию с винтами и острыми лепестками, похожую на раскрывающийся бутон чудовищного цветка. Каждый лепесток был заточен, как бритва.

Сквозь спутанные пряди волос Вивиан увидела почти синее лицо со впалыми щеками и совсем бездушными глазами. Но даже сквозь эту синеву, даже сквозь грязь и кровь она увидела что-то знакомое. Тот же разрез глаз, та же линия скул. Как у Зейна.

В ней на секунду промелькнуло: а что, если король не врёт? И мать Зейна сейчас лежала на этом столе. Вивиан замерла, перестав дышать.

Один рыцарь держал женщину за руки, прижимая к столу, а другой грубо раздвинул ей ноги. Женщина попыталась сопротивляться, дёрнулась, но сил хватало лишь на сдавленный всхлип. Рыцарь, не обращая внимания на её сопротив-

ление, вставил в неё стальную конструкцию. Женщина заби-
лась.

Вивиан в страхе попыталась отвести взгляд.

— Смотри! — прорычал король, встряхнув Вивиан так, что клацнули зубы. — Ты будешь смотреть! Будешь видеть всё! Сейчас начнется самое интересное.

— Нет, нет, пожалуйста, — шептала женщина, пытаясь сфокусировать свой взгляд на ком-то, кто мог бы помочь. Её глаза на мгновение встретились с глазами Вивиан. В них была такая бездна отчаяния, что Вивиан показалось, она сейчас упадёт в обморок.

Рыцарь начал крутить рычаг, который торчал из конструкции. Раздался мерзкий металлический скрежет, от которого закрипели зубы. Вивиан не знала, что именно они делают, но она была в ужасе. Страх сковал тело так сильно, что она перестала чувствовать пальцы. По лицу текли слезы, но она даже не замечала их.

Рыцарь всё крутил и крутил рычаг, и наконец женщина закричала, что, казалось, стены задрожали. Кровь тонкой струйкой потекла по внутренней стороне бедра.

— Остановитесь, умоляю, — просила женщина, задыхаясь. — Смерти... дайте мне смерть...

— Быстрее, — приказывал король, не отпуская Вивиан. — Крути быстрее, тварь!

Рыцарь ускорился, раскручивая рычаг с остервенением. Вивиан плакала навзрыд, желая только не слышать этих кри-

ков. Но они проникали в самое нутро, разрывая душу на части, впиваясь под кожу раскалёнными иглами.

Металл со скрежетом начал раскрываться внутри женщины. Вивиан смотрела, не в силах закрыть глаза. Король держал её за затылок мёртвой хваткой. Сначала треск, это разрывались мышцы. Затем хруст, это ломались кости таза, не выдерживая давления распирающих стальных лепестков.

Кровь хлынула рекой. Она залила стол, закапала на пол густыми тёмными каплями, растеклась лужей, впитываясь в камни.

Лепестки «цветка» медленно раздвигались, разрывая плоть изнутри. Вивиан видела, как кожа на животе женщины начала неестественно вздуваться буграми, как под ней проступали очертания металлических прутьев, прокладывающих себе путь сквозь внутренности. Один лепесток прорвал кожу сбоку, острый кончик показался наружу, обогранный кровью.

Женщина выгнулась дугой, её рот открылся в беззвучном крике, потому что голос уже сорвался. Из уголка губ потекла кровавая пена — она прокусила язык насквозь. Глаза закатились, обнажив одни белки.

Через какое-то время металлическая конструкция раскрылась полностью, разрывая женщину на части. Кровавое месиво из ошмётков тканей, мышц и внутренностей выплеснулось наружу, заливая всё вокруг. Кости таза хрустнули с тошнотворным звуком, не выдержав давления. Вивиан уви-

дела краешек чего-то скользкого и тёмного. Часть кишечника, вывалившуюся в образовавшуюся полость, смешанную с осколками костей.

К сожалению, женщина всё еще была жива. Она уже не кричала, а издавала булькающий, утробный звук, похожий на хрип умирающего животного. Её тело билось в конвульсиях, руки скребли по столу, оставляя кровавые полосы ногтями, сдирая кожу до мяса. Вивиан смотрела, как разрываются ткани, как течёт её кровь, превращая таз женщины в кровавое месиво.

Она чувствовала, как руки короля разжимаются, и ощущала его тяжелое дыхание у своего уха, его возбуждение. Вивиан обмякла без поддержки, падая на колени. Её вырвало желчью, потому что желудок был пуст. Она опустила голову, пытаясь развидеть то, что сейчас произошло, но перед глазами всё равно стояла эта картина.

— В темницу ее, — махнул рукой король, отбрасывая Вивиан взглядом, как надоевшую игрушку. Его пальцы уже торпливо дергали пряжку ремня, расстёгивая штаны. — Вивиан видела, как он переступил через упавшие штаны, направляясь к женщине. Кровь всё ещё вытекала из развороченного тела, образуя на полу огромную лужу, а её крики стихли, превратившись в тихий, угасающий хрип.

Вивиан в ужасе зажмурилась, ожидая, чтобы её скорее унесли. Но она всё же слышала влажные, чавкающие звуки, которые издавал король, входя в ещё не остывшую плоть.

Стоны удовлетворения, которые он издавал, смешивались с последними вздохами умирающей.

Тени снова сомкнулись вокруг Вивиан. Они подхватили её, потащили прочь из этого зала, по каменным коридорам, вниз по бесконечным лестницам, мимо зарешеченных камер с жалобными голосами, мимо крыс, шныряющих в темноте. Вниз, во тьму, полную запаха сырости, гнили и человеческих экскрементов.

Её бросили на солому в вонючей камере. Солома была старой, прелой, кишашей насекомыми. Цепи звякнули, ударившись о каменный пол.

— Зейн, — прошептала Вивиан в темноту, и голос её сорвался.

— *Моя драгоценная Вивиан.*

Она свернулась калачиком, обхватив себя руками. Цепи больно впивались в запястья, но она не замечала боли.

Перед глазами всё ещё стояло синее лицо женщины с глазами Зейна и металлические лепестки, распускающиеся в кровавом месиве. А в ушах всё ещё звучали крики, чавкающие звуки и довольное дыхание короля.

Вивиан зажмурилась изо всех сил, но это не помогало. Это было внутри неё. Навсегда.

Глава 6. Осталось 29 дней. Имя

Вивиан вглядывалась в темноту, и ей начинало казаться, что тени вернулись. Они все также подчинялись ей, танцевали по первому требованию, но где-то на окраине сознания, в игре уставшего мозга, они будто бы снова развлекали ее. Воображение, голодное до света и красок, отчаянно пыталось в этой крошечной тьме дорисовать хоть что-то. Словно она была слепой, и пальцы тщетно пытались заменить глаза.

В короткие минуты пробуждения, когда забытие отпускало, она заставляла себя двигаться. Вивиан ходила по своей маленькой темнице. Пять шагов в длину, три в ширину. На ощупь водила пальцами по шершавому холодному камню стен. Было тяжело, холод пробирал до костей, но она старалась взять себя в руки. Пусть пара жалких приседаний и была жалкой пародией на изнурительные тренировки в Лунном Королевстве, но это было важно. Это было доказательством для самой себя, что она еще жива, что она не сдалась, а ее тело не умерло.

Но чаще всего Вивиан просто плакала. Плакала беззвучно, уткнувшись лицо в колени, не зная, что делать. Она физически чувствовала, как умирает. Чувствовала, как исчезает, тает с каждым днем. Руки, которыми она ощупывала свое тело, находили лишь острые кости. Живот и вовсе, казалось, прилип к позвоночнику. От холода ее бросало не просто в

дрожь, тело дергалось в нездоровых конвульсиях, которые она не могла контролировать.

Она часто пыталась вспомнить, когда в последний раз ела. Но память, как и все остальное, отказывалась работать. Воспоминания о еде были словно из другой жизни, где существовали запах жареного мяса и вкус сладкого крема. Сейчас же в реальности была только вода и сухой, черствый хлеб, который оставляли за решеткой.

Где-то вдалеке слышались шаги. Вивиан насторожилась. Это случалось каждый день, но она давно потеряла счет времени и не знала, утро сейчас или глубокая ночь. Она с трудом повернулась лицом к решетке, вглядываясь в непроглядный мрак коридора. Темные рыцари ходили часто, их шаги были тяжелыми и уверенными, но в полной темноте они ориентировались лучше любых тварей. Если же случался обход, с ними всегда шел старичок — смотритель, обычный фэйри, которому был необходим свет. И Вивиан всегда оборачивалась, чтобы увидеть этот огонек. Чтобы хоть на миг почувствовать тепло живого огня на своем лице. Сейчас факел казался ей чем-то невероятно родным, почти живым.

Небольшой свет и вправду появился. Сначала робкое оранжевое пятно вдали, которое росло, приближаясь к ее темнице с каждым шагом.

Правда, вместо привычного сторбленного старичка в сопровождении пары рыцарей, она увидела Виктора.

Вивиан сжалась. Она вспомнила, что именно он привез ее

сюда. Из-за него она здесь страдает, умирает заживо в этом каменном мешке.

Виктор остановился у решетки, его лицо, освещенное снизу пламенем факела, было хмурым, но спокойным. Он открыл дверь, и та противно скрипнула, впуская его внутрь. Вивиан почувствовала исходящее от него тепло, но сейчас она опасалась всех, кто был рядом с ней. Всех, кто был частью этого страшного места. Она инстинктивно вжалась в угол, собрав остатки сил, чтобы сесть и посмотреть ему в лицо.

— Я не обижу тебя, — голос Виктора прозвучал в тишине неожиданно мягко. Он помедлил, заметив, как она сжалась в комок. — Я... Я не мой отец.

Вивиан следила за каждым его движением, готовая ко всему. Но при этом она жадно смотрела на огонь, пляшущий на факеле, который он доверил держать теньям. Виктор, словно понимая это, опустился на корточки напротив нее, на безопасном расстоянии.

— Я принес тебе кое-что, — сказал он негромко.

Свет от факела упал на пол между ними, и Вивиан с каким-то щемящим облегчением увидела, как тени послушно кружились вокруг его основания. На миг ей показалось, что она снова чувствует свою магию, но это было лишь эхо, игра света.

Виктор тем временем достал из-под плаща большой сверток, а затем скинул с плеч сам плащ.

— Здесь прохладно, да? — он огляделся, будто холод можно было увидеть глазами. — Держи.

Он медленно встал и, сделав осторожный шаг, укрыл ее плечи своей накидкой. Ткань была тяжелой, пахла дымом, лошадьми и еще чем-то чужим, но таким теплым. Вивиан зажмурилась и укуталась в плащ, как в самое теплое одеяло на свете, чувствуя, как по телу разливается спасительное тепло.

— Понимаю, ты не говоришь. Я бы сам не стал с собой разговаривать, — Виктор попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой и виноватой. — Я принес еды. И чай. Ты наверняка очень проголодалась.

Голод отозвался в животе болезненным спазмом, Вивиан сглотнула, не в силах оторвать взгляд от того, как Виктор раскладывает на каменном полу принесенное. Несколько небольших глиняных горшочков, плотно закрытых крышками, и небольшая крынка, из которой шел пар.

— Угощайся, — он протянул ей ложку. — Я твой должник.

Вивиан больше не могла терпеть. Голод оказался сильнее страха. Она протянула дрожащую руку и взяла ложку. Запах, ударивший в нос, когда Виктор открыл первый горшочек с супом, был таким сильным и ярким, что у нее закружилась голова. Ей вспомнился дворец, где Зейн всегда отдавал ей свой десерт. Она много думала о принце в последнее время. Память возвращалась урывками, и она часто размышляла, что было бы, если бы Зейн простил ее в тот вечер. Осталась

бы она в его комнате? Пошел бы он гулять с ней? Что он чувствует сейчас? Думает ли о ней?

— Здесь есть суп и мясо с картофелем, — типо пояснил Виктор, видя, как она замешкалась. — Ты любишь сладкое? Это, конечно, не десерт, но с чаем...

Он развернул еще один небольшой сверток из чистой ткани, в котором оказались три медовых пряника.

Вивиан придвинула к себе горшок с супом и начала есть. Ложка за ложкой, обжигаясь, не чувствуя вкуса, только тепло и соль. Она опустошила горшок с супом и, не заметив, как, перешла к мясу, разминая его ложкой в густой подливе. Запивала все это горячим, чуть сладковатым чаем из крынки и чувствовала, как жизнь тонкой струйкой возвращается в ее измученное тело.

— Вкусно? — осторожно поинтересовался Виктор.

Вивиан, наконец оторвавшись от еды, взглянула на него и кивнула. Голос, охрипший от долгого молчания, все же сорвался с губ:

— Почему ты помогаешь мне?

Виктор выдохнул с облегчением, услышав ее голос.

— Ты не должна была тут оказаться, — ответил он просто. — Мой отец любитель придумывать изощренные планы, чтобы манипулировать всеми вокруг. Прости, но я не понимаю, зачем именно ты ему нужна.

Вивиан жадно допивала чай, грея о крынку озябшие пальцы.

— Если мой старик не врет, — продолжил Виктор, — то твой жених и вправду мой брат. Как его зовут?

Вивиан подняла глаза. Тепло еды и напитка немного растопило лед в душе. Она совсем не произносила это имя вслух здесь, в этом аду.

— Зейн, — выдохнула она. — Зейн де Витт.

Виктор понимающе кивнул. В его взгляде мелькнуло что-то странное.

— Раз он открыто считает тебя своей невестой, то ты не простая служанка... — начал он рассуждать вслух и тут же осекся, заметив, как напряглась девушка. — Прости, если я... Я просто пытаюсь понять происходящее.

Вивиан помолчала, глядя на умирающие угольки факела. Сейчас, согревшись и наевшись, страх отступил, уступив место тупой усталости. Но вопрос был задан, и она решила, что терять ей уже нечего.

— Я принцесса Солнечного Королевства, — тихо, но твердо сказала она.

Виктор замер. Его глаза расширились от удивления, рот приоткрылся. Нет. Он не верил. Он смотрел на исхудавшую, грязную девушку в лохмотьях, забившуюся в угол сырой темницы, и не мог сопоставить этот образ с тем, что только что услышал.

Вивиан Торрес. Принцесса Солнечного Королевства.

Она сидела в темнице Королевства Смерти.

— Боги... — только и смог выдохнуть Виктор, и в его го-

лосе впервые прозвучал настоящий ужас. Ужас от того, в какую бездну втянул их его отец.

Глава 7. Осталось 23 дня. Мясо

Лязгнул засов, и двое тёмных рыцарей бесцеремонно втащили её в проход. Цепи снова зазвенели, впиваясь в запястья, но она не сопротивлялась. Она позволяла тащить себя куда угодно. Всё равно.

Её привели в другой зал — меньше предыдущего, но такой же мрачный. Свечи горели тускло, отбрасывая длинные, дрожащие тени. В центре стоял низкий каменный алтарь, испещрённый глубокими бороздами, похожими на следы от клинков. Вдоль стен висели цепи с крючьями, и от них пахло ржавчиной и старой кровью.

Король Смерти стоял у алтаря, спиной к ней. Он медленно повернулся, когда рыцари втолкнули Вивиан внутрь.

— А, наша гостья, — произнёс он с лёгкой усмешкой. — Ты, наверное, думала, что представления закончились? О нет, дорогая. Мы только начали знакомиться.

Вивиан подняла на него пустой взгляд. В нём не было ничего, кроме бесконечной усталости.

— Делай что хочешь, — прошептала она.

— Вот как? — король приподнял бровь. — Тогда я покажу тебе кое-что поинтереснее. Ты уже знаешь, как умирать под камнями. Но есть и другие способы.

Он щёлкнул пальцами, и тени на стенах снова ожили. Они скользнули к Вивиан, подхватили её и грубо швырнули на

каменный алтарь. Она ударилась спиной, выдохнув от боли, и в тот же момент холодные, бесформенные пальцы теней прижали её руки и ноги к камню, растягивая в разные стороны. Цепи звонко ударились о поверхность, и Вивиан почувствовала, как её тело оказывается полностью обездвижено.

Король неторопливо подошёл к алтарю. В его руке материализовался меч с лезвием, которое мерцало в темноте. Он провёл пальцем по острию, и на кончике выступила капля чёрной крови.

— Этот клинок не убивает, — сказал он задумчиво. — Он режет. Режет очень тонко и очень глубоко. И ты будешь чувствовать каждый разрез, каждое движение, каждую клетку, которая отделяется от тебя. Но ты не умрёшь, пока я не позволю. Твоя душа будет оставаться в этом теле, даже когда от него ничего не останется, кроме горки мяса. Понимаешь, в чём прелесть?

Вивиан судорожно сглотнула. Внутри неё что-то взорвалось, захотелось кричать, но тело не слушалось. Только пальцы судорожно сжимались в кулаки.

— Я хочу, чтобы ты запомнила это чувство, — продолжал король, поднимая меч. — Каково быть разобранной по частям, но при этом всё ещё чувствовать, всё ещё быть *собой*. Это поможет тебе стать покладистее, когда мы познакомимся с моим сыном.

Он занёс клинок.

— Начнём с пальцев.

Первый удар был точным и быстрым. Лезвие вошло в запястье Вивиан, не перерезая сухожилия, а проходя ровно между костями, отделяя кисть от предплечья. Она не сразу поняла, что произошло. Только когда тёплая кровь хлынула на камень, а рука перестала слушаться, она закричала, срывая голос.

— Хорошо, — одобрительно кивнул король. — Громче.

Второй удар пришелся в левую руку. Вивиан видела, как её пальцы дёргаются в агонии, отделённые от тела, и сознание начало мутиться от боли, но тьма не приходила. Она была полностью ясна, как в кошмаре, от которого нельзя проснуться.

— Нет... — прохрипела она. — Остановите...

— Остановить? — король рассмеялся. — Мы только начали!

Он рубил снова и снова. Отсекая куски её тела: сначала предплечья, потом плечи, потом ноги. Каждый удар был выверенным, и Вивиан чувствовала, как сталь проходит сквозь мышцы, ломает кости, отделяет плоть от плоти. Кровь заливала алтарь, стекая в борозды и образуя тёмную лужу на полу. Но она не умирала. Она чувствовала каждую отсечённую часть, которая больше не принадлежала её телу.

Король отрубил ей ноги по колени, и она увидела, как её собственные ступни лежат отдельно, а пальцы ещё подёргиваются. Боль была такой всепоглощающей, что она уже не могла кричать, только хрипеть, захлёбываясь кровью, кото-

рая текла из горла.

— Ты видишь себя? — спросил король, занося меч для нового удара. — Ты — просто набор кусков, принцесса. Ты всего лишь мясо.

Он разрезал живот, неглубоко, чтобы вывалились внутренности. Вивиан видела, как её кишечник скользит по камню, влажный и тёплый, и чувствовала, как мир сужается до пульсирующей боли, которая не прекращалась ни на мгновение.

Она уже не могла говорить. Только мычать, издавать булькающие звуки, пока кровь заполняла лёгкие. Но она всё ещё была жива. Жива, чтобы чувствовать, как король продолжает рубить её тело, превращая её в месиво из костей и плоти.

Прошло то, что казалось вечностью. Он отсекал кусок за куском, пока от Вивиан не осталась только грудная клетка и голова, лежащие на камне в луже крови. И в этой грудной клетке всё ещё билось сердце. Вивиан чувствовала каждое его сокращение, каждый толчок, выгоняющий из неё остатки жизни.

Король остановился. Он вытер клинок о свой плащ и наклонился к её лицу, искажённому агонией.

— Запомни это, девочка, — прошептал он. — Запомни, как легко я могу превратить тебя в ничто. И в следующий раз, когда ты осмелишься дерзить мне, я сделаю это по-настоящему. Но сначала ты будешь смотреть, как я делаю это с твоими любимыми.

Он щёлкнул пальцами, и мир вокруг Вивиан разлетелся на осколки.

Она лежала на полу другого зала. Цепи всё ещё были на её запястьях, одежда была цела, тело невредимо. Но она чувствовала каждую иллюзорную боль. Руки ныли там, где их уже не было, ноги горели огнём, а живот скручивало от призрачных спазмов. Она не могла дышать, не могла думать, и слёзы текли из закрытых глаз.

Король стоял над ней, глядя сверху вниз.

— *Это было не по-настоящему... это было не по-настоящему...* — твердила она про себя.

Глава 8. Осталось 22 дня. Огонь

Виктор знал, что его отец — худшее, что носит на себе земля. Хуже, чем все монстры, вместе взятые. За свою жизнь он видел разных тварей, выползающих из теней и трещин между миром и адом, но ни одна из них не сравнилась бы с существом, которое он вынужден был называть отцом. Это был самый злой и жестокий фэйри из всех, кого он знал. Виктор ненавидел его настолько, что даже сейчас, пробираясь по холодному коридору, поймал себя на мысли, что сжимает в кармане не ключ, а воображаемую рукоять ножа.

Он отогнал это видение. Не время.

Сначала — Вивиан.

Живых душ во Дворце Смерти было меньше десятка, и все они, включая Виктора, прятались по углам, стараясь не попадаться под руку хозяину. Зато темные рыцари блуждали на каждом этаже, в каждом коридоре. Монстр любил окружать себя другими монстрами, не знающими ни чувств, ни жалости. Их доспехи тихо позвякивали в такт тяжелому шагу, а в пустых глазницах шлемов горел холодный огонь.

Виктор замер, услышав шаги. Ритмичные, тяжелые. Двое.

Он вжался в стену и приказал своим теням накрыть его с головой. Те послушно растеклись по фигуре липкой, непроницаемой мглой. Рыцари прошли в полуметре от него, ветерок от их движения шевельнул волосы на затылке Викто-

ра. Один из них, кажется, замедлил шаг, повернув голову в его сторону. Виктор задержал дыхание и скользнул в его раздум, где не было ничего, кроме приказа: «Патрулировать». Он слегка подтолкнул сознание рыцаря, внушая мысль, что коридор пуст.

Рыцарь моргнул огнем и пошел дальше.

Виктор выдохнул, когда шаги стихли. Он уже неделю ходил по этой тонкой грани, но каждый раз страх леденил кровь. Зато это того стоило. Вивиан больше не напоминала тень. В этой непроглядной темнице у нее горели глаза. Он не знал, от чего именно, от надежды, от злости или просто от света свечей, которые он ей приносил, но этот огонь согревал его самого.

Впервые в жизни Виктор чувствовал себя нужным. Пусть даже в таком странном, опасном образе тайного тюремщика.

Он достал из-за пазухи тяжелый ключ, найденный в камерке у зрителя, и бесшумно отпер камеру. Петли, смазанные чьей-то жирной заботой, не скрипнули.

Вивиан сидела в углу на каменном полу, кутаясь в его плащ. Когда лязгнул засов, она подняла голову, и на бледном лице расцвела слабая, но искренняя улыбка.

— Ты пришел, — тихо сказала она, и в голосе послышалось облегчение.

— Я же обещал, — Виктор прикрыл за собой дверь и быстро опустился рядом с ней на корточки. От каменных стен веяло могильным холодом. Осень уже наступила, и да-

же здесь, глубоко под землей, это чувствовалось. — Я принес свечи.

Он выложил перед ней глиняный горшочек, сверток с хлебом, кусок вяленого мяса и флягу с элем, а следом — три тонких восковых свечи.

— Только не зажигай сразу, — предупредил он, понижая голос до шепота. — Смотритель начнет обход через час. Зажжешь, когда он уйдет.

Вивиан кивнула, принимая сверток. Ее пальцы, холодные и тонкие, на мгновение задержались на его ладони. Виктор поспешил отвести взгляд.

— А ещё я украл это, — он криво усмехнулся, вытащил из кармана небольшой ключ и помахал им в воздухе, как добычей. — Полностью снять оковы нельзя, там отцовская магия. Но ослабить их — вполне. Он ничего не поймет, а тебе будет легче.

Он потянулся к кандалам на ее запястьях. Металл был холодным и каким-то липким на ощупь, словно впитывал тепло. Виктор сосредоточился, вставил ключ в едва заметную скважину и повернул. Раздался тихий щелчок, и оковы чуть расширились, освобождая запястья.

— Спасибо, Виктор, — голос Вивиан дрогнул, а глаза, действительно, горели. В них стояли непролитые слезы.

— Пустяки, — буркнул он, пряча ключ обратно. Пустяки? Он рисковал жизнью, пробираясь сюда каждый вечер, но слышать эту искреннюю благодарность было важнее страха.

— Я помогу тебе, — добавил он уже серьезно, взяв Вивиан за руки. Ее кожа была ледяной, и он машинально начал согревать ее пальцы в своих ладонях. — Я помогу выбраться отсюда. Совсем.

Слова вырвались раньше, чем он успел подумать. Он и сам не заметил, как сильно прикипел к этой девчонке. Виктор старался не думать о ней днем, когда бродил по замку, но стоило закрыть глаза, как он видел ее лицо в полумраке камеры. Это пугало его сильнее, чем темные рыцари.

Вивиан мягко высвободила руки.

— Не рискуй собой, — твердо сказала она. — Ты и так делаешь для меня слишком много. Зейн не остановится. Он найдет меня, где бы я ни была. А тебя...

— Он мой отец, — перебил Виктор, сжимая губы. — Меня он не тронет. Не сейчас. Ему нужно, чтобы я был жив. Пока нужен.

Он говорил это уверенно, но в душе не был убежден. Отцовская жестокость не знала границ, даже когда дело касалось крови.

Вивиан промолчала, только покачала головой, глядя на него с грустью и благодарностью.

Виктор посмотрел на огонек факела. Время на исходе. Он хотел ей кое-что сказать. Последние пару дней он думал об этом все чаще. Мысль была безумной, опасной, но другого выхода он не видел.

— Вивиан, — начал он, помедлив. — Я хочу написать бра-

ту.

Она удивленно вскинула брови.

— Зейну? Ты с ума сошел?

— Другому. Еще одному брату. Морту, — выдохнул Виктор, словно признаваясь в преступлении. — Он... он не такой. Он бы помог. Я хочу рассказать ему, где ты. Попросить совета. Я не знаю, как тебя вытащить отсюда, тут слишком много охраны, а отец может в любой момент залезть тебе в голову. Но если Морт придумает план, если мы объединимся...

Вивиан смотрела на него со страхом. Она была слишком напугана, чтобы поверить в такое. Идея написать брату Виктора, сыну того, кто её запер здесь, казалась безумием.

— Виктор... я не знаю. Это опасно. Если письмо перехватят...

— Я буду осторожен, — перебил он. — Мне просто нужно знать, что у тебя будет шанс. Даже если отец решит покопаться в твоём разуме, пусть он не найдет там плана побега. Пусть все планы будут у меня и у Морта.

Вивиан долго молчала, теребя край его плаща. Потом тихо спросила:

— Ты правда думаешь, что он захочет мне помочь? Твой брат?

Виктор вспомнил Морта, кто защищал его от отцовского гнева, пока мог.

— Думаю, он захочет насолить отцу, — криво усмехнулся

Виктор. — А это уже половина дела.

Он встал. Вивиан доедала похлебку, и ему нужно было уходить, пока не началась смена караула. Каждый раз уходить было тяжело, видя, как она провожает его взглядом из своего каменного мешка.

— Мне пора, — сказал он нехотя, подходя к выходу.

Рука уже легла на холодный металл засова, как вдруг из полумрака донеслось:

— Виктор.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Спасибо за свечи, — голос Вивиан был тихим, но в этом холоде он прозвучал как самый теплый звук на свете.

Виктор только сильнее сжал рукоять засова, толкнул дверь и шагнул в коридор, полный теней и опасностей. В груди у него разгорался крошечный, теплый огонек. Такой же, как те три свечи, что остались в камере.

Ради этого огня стоило рискнуть всем.

Глава 9. Русалка и ангел

Ночь тянулась бесконечно, обматывая руки и ноги липкой и душной паутиной. Кай ворочался в кровати, сбрасывая тонкое одеяло, потом натягивая обратно. Простыня сбилась в комок под боком, мешая лежать ровно, но сил расправить ее не было. Мысли о сестре жгли изнутри сильнее любой лихорадки. Он снова и снова прокручивал в голове тот день: как Вивиан смеялась утром за завтраком, как махнула ему рукой, уходя на разговор с Зейном, как он даже не подумал тогда пойти с ней. А если бы пошел? Если бы оказался рядом? Смог бы он что-то изменить?

Лунный свет пробивался сквозь щель в шторах, рисуя на полу бледную полосу. Кай следил за ней взглядом, пока глаза не начинали слезиться. Он перевел взгляд на соседнюю кровать, где спал Зейн.

Друг лежал неподвижно, расслабленно, и его дыхание было глубоким и ровным. Он наслаждался тем особенным сном, который приходит только после сильного успокоительного. На тумбочке рядом с его кроватью сиротливо белела пустая кружка. Кай знал этот отвар, Зейн как-то давал ему понюхать сухую смесь. Сборник трав с Острова Жизни, от которого веяло покоем. Надо бы и Каю попросить.

Надо бы просто заставить себя перестать думать, сомкнуть веки и провалиться в спасительное забытие, но сто-

ило закрыть глаза, как перед внутренним взором возникала Вивиан. Где она сейчас? Сидит в темном подвале, связанная? Бродит по незнакомому лесу, пытаясь найти дорогу домой? Или хуже, лежит где-нибудь в овраге, и дожди засыпают ее землей? От этой мысли Кай резко сел на кровати, хватая ртом воздух, словно выныривая из ледяной воды.

— Прекрати, — прошептал он сам себе, сжимая виски ладонями. — Она жива. Она должна быть жива.

Но голос разума твердил другое: прошел месяц. Целый месяц без единой весточки. Даже если бы ее держали в плену, похитители потребовали бы выкуп. Даже если бы она заблудилась в магическом провале, ее след можно было бы найти с помощью артефактов. Но ничего. Пустота. Мертвая земля, которая отказалась дать хоть какую-то зацепку.

Отец рассказывал в письме, что обыскал полкоролевства. Кай мысленно видел, как отец хмурится, диктуя письмо, как лично прочесывал деревни в Солнечных землях и тайно, под видом купца, заезжал в Лунное Королевство. Он отправил лучших экспертов-артефакторов в Академию, чтобы те исследовали тот злополучный участок. Но Кай уже был там. Он ходил по тому месту, где в последний раз видели Вивиан, рассмотрел все вдоль и поперек. Смотрел на серую, безжизненную землю, которая не желала прорасти даже сорняками. Следы, если они и были, смыли проливные дожди, что бушевали всю ту неделю после ее исчезновения. Словно сама природа решила замести все улики.

Когда за окном забрезжил рассвет, Кай сдался. Бессмысленно мучить себя дальше. Он резко поднялся, чувствуя, как затекшее тело протестует против резких движений, натянул рубашку, сунул ноги в штаны, нащупал ступнями холодные сапоги.

Он бесшумно вышел в коридор. В общежитии стояла особенная утренняя тишина, когда даже половицы скрипят приглушенно, словно стесняясь нарушить сон студентов. Кай спустился на второй этаж. Его шаги сами собой замедлились, когда он подошел к знакомой двери.

Комната двести шестьдесят два.

Он толкнул дверь, и она оказалась не заперта. Внутри пахло затхлостью и сухими цветами. Кай сделал несколько шагов внутрь и замер, оглядываясь.

Каждая вещь здесь кричала о сестре. На туалетном столике стояла расческа с запутавшимся в зубчиках светлыми волосками, рядом баночка с кремом для рук, которым Вивиан пользовалась каждый вечер. Кай взял баночку, отвинтил крышку и вдохнул. Горло сжалось спазмом.

На полке у кровати лежала стопка книг. Кай провел пальцем по корешкам. Уголки страниц были загнуты, на полях карандашные пометки ее аккуратным почерком. Кай открыл книгу на закладке. Глава о древних ритуалах с тенями. У Кая перехватило дыхание. Что она искала?

Он медленно прошелся по комнате, касаясь платья, висевшего на спинке стула. Кай сел на край ее кровати, провел ла-

донью по прохладному покрывалу. Мысли путались, но одна билась настойчиво: эти вещи — доказательство. Она была здесь. Она жива. Пока есть эти мелочи, есть надежда.

Открывшаяся дверь заставила его вздрогнуть и вскочить на ноги.

В проеме ванной комнаты стояла Айлин. На ней была простая ночная рубашка, прикрытая накинутым на плечи теплым платком. Темные волосы растрепались после сна, падали на лицо тяжелыми прядями. Глаза, темные, цвета аметиста, смотрели удивленно.

— Кай? — тихо сказала она. — Доброе утро.

Он почувствовал, как краска стыда заливает щеки. Застигнутый на месте почти преступления. Что она подумает? Что он сумасшедший, что бродит по чужим комнатам на расвете?

— Хм... Доброе утро, — выдавил он, переминаясь с ноги на ногу, как мальчишка.

Айлин машинально выглянула в коридор, проверяя, нет ли свидетелей. Пусто. Сплетни в общежитии имеют свойство просачиваться сквозь стены. Если кто-то увидит, что принц Солнечного Королевства зашел сюда... Айлин представила себе лицо отца, когда до него дойдут эти слухи. Его ледяное письмо, полное гневных упреков, и приказ немедленно возвращаться домой. От перспективы стать женой какого-нибудь мерзкого лорда из Королевства Дождей и Бурь по спине пробежал неприятный холодок.

Но, несмотря на страх, она подошла к Каю. Айлин глубоко вздохнула, ловя его запах. Виноградная сладость, смешанная с чем-то чистым, солнечным. Ее сердце пропустило удар.

— Надеюсь, я не отвлекаю тебя, — глухо произнес Кай, проходя к столу Вивиан. Его голос звучал отстраненно.

— Нет. Сегодня же выходной, — ответила Айлин.

— Точно, — отозвался Кай, и в этом слове было столько пустоты, что Айлин захотелось подойти и встряхнуть его за плечи.

Она подошла ближе, встала рядом, глядя, как он водит пальцем по пыльной поверхности стола.

— Я думала убрать здесь, — тихо сказала Айлин. — Чтобы, когда Вивиан вернется, все было чисто.

Кай молча кивнул, не отрывая взгляда от стола.

Когда Вивиан вернется.

Слова Айлин звучали как молитва, в которую он отчаянно пытался верить. Утреннее солнце залило комнату золотистым светом. Лучи упали на волосы Кая, и они засветились. Черты лица смягчились, глаза стали светлее.

— Ты похож на ангела, — вырвалось у Айлин прежде, чем она успела прикусить язык. Слова повисли в воздухе, и она замерла, чувствуя, как краска заливает щеки. Кай удивленно моргнул, отвлекаясь от своих мыслей, и повернулся к ней. Его брови удивленно приподнялись.

— Что?

Щеки Айлин вспыхнули еще сильнее, но отступать было

поздно. Она вздернула подбородок, стараясь выглядеть уверенно.

— Ну... ты такой светлоглазый, с солнечными волосами. Они на солнце прямо светятся, как нимб. Настоящий принц Солнечного Королевства, — пояснила она, с вызовом глядя на него, и внутри нее разлилось тепло, потому что на секунду в его глазах появилось что-то, кроме боли, и, кажется, легкое смущение.

— Не могу ответить тебе тем же, — хмыкнул он, и в его голосе проскользнула прежняя ирония, которую она так любила.

Айлин тут же вскинулась, сложив руки на груди в защитном жесте.

— Это почему же?

— Я не могу назвать тебя звездой.

— Я принцесса Королевства Звезд! — возмутилась она, прищулив фиолетовые глаза. Возмущение было наполовину наигранным, наполовину настоящим. — Это мое прямое предназначение!

— Но ты не выглядишь, как звезда, — Кай развел руками, и уголки его губ дрогнули в улыбке.

В душе он понимал, что лжет. Айлин была ярче любой звезды. Она вспыхивала эмоциями, приковывала взгляд, заставляла сердце биться чаще. Но разве можно дотронуться до звезды? Она была слишком живой, слишком близкой... слишком реальной для такого далекого, холодного образа.

Айлин застыла с открытым ртом, ее лицо полыхало от гнева. Кай, глядя на нее, не сдержал улыбки. Она была прекрасна в своем возмущении, темные глаза мечут молнии, губы поджаты, а щеки пылают.

— Что? Никто не говорил тебе такого? — спросил он, чувствуя, как тяжесть в груди на миг отпускает. — Ладно, мне нравятся твои волосы. — Он кивнул на темные пряди, рассыпавшиеся по плечам. — Как у русалки.

— Я не русалка! — топнула ногой Айлин, но в ее голосе послышались смешливые нотки. — У русалок хвосты и они живут в воде!

— Видишь, тебе ничем не угодить. Обижаешься на сравнение со звездой, обижаешься на сравнение с русалкой. Кем же тебя можно назвать?

— Принцессой, — назидательно подняла палец Айлин. — Просто принцессой.

— Скучно.

Их взгляды встретились. Но тут Кай перевел взгляд в окно, и улыбка мгновенно сползла с его лица. Плечи напряглись. Айлин нахмурилась, подошла и встала рядом, проследив за его взглядом.

Внизу, во внутреннем дворе Академии, копошились несколько фигур в форменных плащах Солнечного Королевства. Они склонились над участком газона, что-то измеряли длинными линейками, записывали в блокноты, собирали образцы почвы в стеклянные банки, аккуратно подписывая

каждую. Среди них Кай узнал сутулую фигуру профессора артефактов — седой старик с лупой в глазу. Эксперты отца.

— Что они делают? — тихо спросила Айлин, хотя уже догадывалась.

Кай молчал. Он смотрел на них так, словно от их действий зависела его жизнь. Зависела на самом деле. Если они найдут хоть что-то, магический след, остаточную энергию, частицу ткани, у них появится зацепка. Если нет...

— Кай, — позвала она.

Он не слышал. Он был уже не здесь. Айлин видела, как в его зеленых глазах появляется то самое потерянное выражение, которое пугало ее больше всего. Сейчас он уйдет от нее, уйдет к этим экспертам, будет стоять над ними, задавать вопросы, на которые нет ответов, смотреть на мертвую землю и молча винить себя. Она понимала это так же ясно, как чувствовала биение собственного сердца.

Не думая, повинуясь какому-то внутреннему порыву, который был сильнее страха и доводов рассудка, она шагнула к нему и обняла. Ее руки сомкнулись у него за спиной, прижимаясь к теплой рубашке. Айлин прильнула всем телом, чувствуя, как под тканью перекачиваются напряженные мышцы. Кай вздрогнул так, словно его ударили током. Все его тело замерло, превратившись в камень.

— Айлин... — выдохнул он почти беззвучно.

Она ничего не ответила, только прижалась щекой к его груди. Сквозь тонкую ткань принцесса слышала, как бешено

колотится его сердце, боялась поднять глаза и увидеть в них осуждение. Его запах окутал ее с головой, заставил на мгновение забыть обо всем.

— Мне пора, — с трудом выдавил Кай, но ноги словно приросли к полу. Он не отстранялся.

— Поговори со мной, — попросила она, не разжимая рук. Ее голос дрожал.

— О чем?

— О чем думаешь.

Долгая пауза. Сердце под ее щекой билось все так же часто. Кай медленно, словно через силу, поднял руку и положил ей на спину. Просто положил, не прижимая, но этого прикосновения было достаточно, чтобы у Айлин перехватило дыхание.

— О том, что мы совершаем ошибку, — наконец, твердо сказал Кай.

Айлин знала это. Знала каждой клеточкой, каждым нервом. Это было неправильно, опасно и глупо. Он — принц Солнца, она — принцесса Звезд, и между их королевствами мир. Ее отец мечтает выдать ее замуж с выгодой, но она ничего не могла с собой поделать. Впервые в жизни Айлин обнимала парня, и это ощущалось одновременно пугающе неверным и до одури правильным. Ей хотелось навсегда сохранить на своей коже этот сладкий, солнечный запах, это тепло, эту близость.

— Айлин, — позвал он снова, и в его голосе появилась

настороженность, словно он пытался удержать ситуацию под контролем, но контроль ускользал. Его пальцы на ее спине чуть заметно дрогнули.

— Скажи, — прошептала она, качнув головой, продолжая тереться щекой о его грудь. — Скажи, о чем ты переживаешь на самом деле.

Кай молчал так долго, что Айлин показалось, он не ответит. Тишина давила на уши, только их сердца бились в унисон.

— О том, что Вивиан мертва.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Айлин почувствовала, как к горлу подступает ком, а на глаза наворачиваются слезы. Она сильнее прижалась к нему, словно пытаясь защитить их обоих от этой мысли.

— Это неправда, — выдохнула она, но в ее голосе не было прежней уверенности.

— Мы не знаем, — эхом отозвался Кай. — Месяц, Айлин. Целый месяц. Даже если бы она была в плену, похитители уже дали бы о себе знать. Даже если бы она бродила в глухом лесу, маги нашли бы связь. А тут — ничего. Пустота. Мертвая земля, которая не хочет ничего говорить.

Спорить было нечем. Айлин только крепче сжала руки у него на спине.

— Кай, — прошептала она, утыкаясь носом в его рубашку.

— Айлин?

— Кай.

— Айлин.

— О чем ты думаешь еще? — она хотела вытащить его из этой черноты, заставить думать о чем-то другом, пусть даже о ней, об их ошибке. О чем угодно, лишь бы в его глазах снова появился свет.

— О том, что мы делаем, — его голос был ровным, но она чувствовала, как он борется с собой. Его рука на ее спине сжалась в кулак, потом расслабилась.

— Я тоже, — выдохнула Айлин. — Я тоже думаю об этом и не знаю, как перестать.

— Айлин... — в третий раз позвал он. И в этот раз его голос прозвучал как предупреждение, как мольба. — Мне пора.

Он мягко, но решительно взял ее за плечи и отстранил от себя. На секунду их взгляды встретились. В его светлых глазах Айлин увидела бурю чувств. Его лицо было так близко, что она видела каждую ресницу, каждую тень под глазами.

Кай быстро вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Айлин осталась стоять посреди комнаты, обхватив себя руками. Там, где только что были его ладони, кожа все еще горела. Запах винограда витал в воздухе, смешиваясь с запахом сухих цветов и пыли.

— Что мы делаем? — эхом отозвался в тишине ее собственный вопрос.

Глава 10. Осталось 15 дней. Секрет

За решёткой стоял Виктор. Он не был похож на тех, кто приводил её в этот подвал. Не было в нём ни грубой силы палача, ни слепой жестокости стражи. Он стоял спокойно, почти неподвижно, и смотрел на Вивиан, пока та спала.

Его рука поднялась, и в темноте блеснул ключ. Замок на решётке щёлкнул с тошнотворно-знакомым звуком.

Он вошёл в камеру бесшумно. Остановился прямо перед ней.

— Ты должна быть сильнее, — сказал Виктор.

Он наклонился. Его холодные пальцы коснулись её запястий. Вивиан вздрогнула, но не проснулась.

Виктор провёл пальцем по краю оков. Там, где его палец касался металла, что-то происходило. Металл становился тоньше. Слабее.

А в её сознании, словно чужой след, осталась одна мысль:
Они не должны знать. Это наш секрет.

Глава 11. До завтрака

Сжимая и разжимая кулаки, Кай злился на себя и свою проклятую слабость. Он мерил шагами коридоры Академии, не в силах успокоиться, не в силах даже пропустить мысль. Костяшки пальцев побелели от напряжения. Он ненавидел чувство, когда мысли путаются, превращаясь в липкую паутину, а в груди разрастается колючий ком, который невозможно ни проглотить, ни выплюнуть.

Он всегда знал, как развлекаться. Городские девчонки, которых не заботила их репутация, всегда принимали Кая. Их легкие улыбки, жаркие ночи и никаких обязательств на утро. Никаких записок с признаниями, никаких требований представить родителям. Идеальная схема, проверенная годами.

Ни одна из них не вызывала в нем и сотой доли той тревоги, что поселилась в груди с того самого объятия.

Айлин.

Кай остановился у окна, упершись лбом в холодное стекло. За окном медленно кружились первые осенние листья, но он их не видел. Перед глазами стояло другое: ее лицо в тот момент, когда она обняла его. Ее глаза, полные тревоги и спокойствия одновременно. Она хотела узнать, что беспокоит его, а Кай был не против.

— *Ты похож на ангела.*

Ангел. Какого черта?

С первого курса она была просто другом для него и Зейна. Веселая, дерзкая, которая могла заткнуть любого парня в споре, но при этом носила платья, от которых у Кая почему-то пересыхало в горле. Пропажа сестры изменила их обоих, сплотила в общей горе, заставила смотреть друг на друга иначе, искать поддержку там, где раньше искали только повод для подкола.

Трудно было отрицать, но Каю нравились их споры, нравилось, как она закатывала глаза на его шутки и тут же находила язвительный ответ, заставляя его ухмыляться, нравилось, как она вскидывала подбородок, когда он пытался поддеть ее, и смотрела с вызовом. Их своеобразный флирт был игрой без правил, которая не приносила плодов.

Не приносила ровно до тех пор, пока она не обняла его.

Не приносила, пока он не поймал себя на мысли, что хочет повторить это.

— Черт, — выдохнул Кай, отталкиваясь от окна.

Кай не боялся ответственности. Он готов был принять корону, вести армию в бой, отвечать за жизни тысяч людей, принимать решения, от которых зависит будущее королевства, но он не хотел ничего серьезного в личных делах. Не важно, касалось ли это минутных желаний или пожизненных обязательств.

С Вивиан все было ясно с самого ее рождения. Де Витт — древний род, сильные маги, верные союзники. Как только девочка появилась на свет, родители уже решили: она будет

предназначена кому-то из наследников. Политика чиста, как слеза младенца. Никаких чувств, никаких сомнений — просто контракт, скрепленный печатями.

Кай, будучи единственным принцем, всегда был в центре других интересов. Отец с детства вдавливал: *«Ты будешь королем. Не хочешь, не готов, не способен — неважно. Ты родился первым, ты наследник, твое право и твое проклятие»*.

Проблема правления, однако, крылась в деталях. Кай грезил армией, тактикой, мечом, запахом походного костра и пороха. А королю не следовало проводить слишком много времени на плацу, забывая о троне. Король должен сидеть в кабинете, разбирать бумаги, принимать послов и, главное, обеспечить королевство наследником.

Главная проблема, главный камень преткновения, чтобы стать полноценным королем, необходимо жениться. Официально, при народе, с благословения небес и одобрения советников.

Если Кай давно смирился с неизбежностью правления, то связать свою жизнь с кем-то по-настоящему он был не готов. Почему в нем жил этот страх перед близостью, перед настоящими отношениями, этого он не понимал и предпочитал не копать так глубоко.

Не сейчас. Не этим утром. Не думая о ней.

Ранним утром в коридорах академии было пусто. Магические светильники горели вполсилы, создавая причудливые

тени на стенах. Утренняя прохлада пробирала до костей, заползала под тонкую ткань рубашки, заставляя кожу покрываться мурашками.

Кай шел быстрым шагом, чеканя шаг по каменным плитам. Тишина давила на уши, оставляя его наедине с мыслями. Именно того, чего он хотел избежать.

Возле озера горел яркий свет, от которого исходило сильное тепло. Столы были завалены склянками, образцами, книгами, раскрытыми на середине. При появлении принца один из мужчин в заляпанном темным халате поспешно поднялся, едва не опрокинув стул.

— Ваше Высочество, — мужчина склонил голову так низко, что Кай увидел залысину на макушке.

— Доброе утро, господин, — сухо поприветствовал Кай, проходя к центральному столу. Он смотрел на сверток с землей, что выкопали прямо оттуда, где стояли темные рыцари. Черная, спекшаяся масса, больше похожая на камень, чем на почву. — Что-то известно? Докладывайте.

— Нет, Ваше Высочество, — ученый устало покачал головой. Мешки под глазами выдавали бессонную ночь. — Мертвая земля. Мы провели все возможные тесты, но результаты одни и те же.

— О чем вы? — Кай нахмурился, подходя ближе.

— Магия Королевства Смерти, — тихо ответил мужчина, понижая голос до шепота, словно боялся, что стены имеют уши. — Это точно что-то темное, древнее. Мы нашли следы

эманаций, которых не видели раньше, но не можем определить источник.

— Тени? — Кай обернулся так резко, что ученый вздрогнул. В голове тут же всплыл образ Зейна. Борьба с тьмой, которую он проигрывает с каждым днем.

— Возможно, тени, — ученый осторожно взял в руки образец, завернутый в защитную ткань. — Но, Ваше Высочество, насколько мне известно из древних манускриптов, тени имеют иную природу. Они высасывают жизнь, иссушают, но не окаменывают. А здесь... — он развернул ткань, показывая Каю спекшийся комок. — Посмотрите. Это не просто мертвая земля. Это окаменевшая плоть мира.

Кай взял образец. Тяжелый, холодный, абсолютно безжизненный. Он напоминал кусок вулканической породы.

— Вы сможете разобрать их? — принц поднял взгляд на ученого. В его глазах читалась мрачная решимость. — Мне нужно знать, с чем мы имеем дело. Это угроза не только принцессе. Если это расползется дальше...

— Мы сделаем все возможное, Ваше Высочество, — ученый поклонился. — Но нам нужен маг с сильной темной магией. Обычные методы здесь бессильны. Ритуалы, реактивы — ничего не работает. Нужен тот, кто чувствует эту материю, кто может говорить с ней на одном языке.

Кай помрачнел. Стиснул челюсти до скрежета зубов.

Он не знал никого с темной магией. Никого, кому можно доверять. Знал лишь Зейна, но тот и сам с собой совладать не

мог, не то что с древними артефактами смерти. Приводить его сюда, к этому образцу все равно что поднести спичку к пороховой бочке.

— У вас есть темные маги в штате? — спросил Кай, хотя знал ответ.

— Будем вызывать из других королевств, — коротко ответил ученый, давая понять, что разговор окончен. В его тоне не звучала усталость и легкое раздражение, ему нужно было работать, а не отчитываться перед наследником. — С вашего позволения, Ваше Высочество, нужно заканчивать с замерами.

Кай кивнул и направился дальше, даже не попрощавшись.

Ноги сами понесли его дальше по территории Академии. Он не хотел возвращаться в спальню, не хотел сидеть в тишине и снова думать. Думать о Вивиан. О темной магии. О Зейне. О долге.

И снова — об Айлин.

Кай шумно шагал, не заметив, как пришел в кристальный парк. Утренний свет только начинал золотить верхушки кристаллов, отчего свет делился на яркие цвета. Тишина здесь была особенно живой, наполненной шепотом ветра и чарующей мелодией кристаллов.

Он прошелся по гравийной дорожке, слушая хруст под ногами. Мысли бегали без разбору, цепляясь друг за друга, как пьяные в темном переулке.

— Ваше Высочество!

Кай замер. Сердце пропустило удар.

Этот голос он узнал бы из всего проклятого королевства.

Резко обернувшись, он увидел Айлин. Она бежала к нему по дорожке, и гравий разлетался из-под ее туфель. Волосы развевались за спиной темным синим пламенем, щеки покраснелись от быстрого бега и утреннего холода. На ней было легкое светло-голубое платье и не застегнутое пальто.

Она запыхалась. Остановилась в паре шагов, хватая ртом воздух, и смотрела на него так, словно от этого разговора зависела ее жизнь.

— Ты чего? — Кай нахмурился, чувствуя, как внутри что-то переворачивается. — Пожар? Война? Или просто решила устроить утреннюю пробежку?

— Кай, — выдохнула она.

Он не успел ничего ответить.

Айлин рванула вперед, сокращая расстояние, и прежде чем Кай сообразил, что происходит, прижалась своими губами к его губам.

Это было не похоже ни на что. Ее губы мягкие, но настойчивые, горячие вопреки утреннему холоду. Она целовала его так, словно ждала этого момента всю жизнь. Ее руки обхватили его шею, пальцы зарылись в волосы на затылке, притягивая ближе.

Кай на мгновение замер. Разум кричал остановиться. Это катастрофа! Разум перечислял причины, почему это неправильно, невозможно, запрещено.

Но тело...

Тело отреагировало быстрее. Его руки сами легли ей на талию, прижимая к себе. Он не целовал, он отвечал. Отвечал жадно, зло, отпуская ту самую тревогу, что копилась внутри днями и ночами. Вкус чего-то сладкого и нежного, ее дыхание, смешанное с его, жар ее тела сквозь тонкую ткань, это пьянило сильнее самого крепкого вина.

Кай углубил поцелуй, чувствуя, как она выдыхает ему в губы что-то похожее на всхлип. Ему понравилось. *Боги*, ему безумно понравилось.

И именно эта мысль ударила наотмашь, отрезвляя лучше ледяной воды.

Запах.

Через несколько часов проснется Академия. Студенты. Преподаватели. Их друзья. Все, у кого есть нос, все, кто обладает хоть каплей магии, поймут. Его запах на ней.

Запах принца Солнечного Королевства на принцессе Королевства Звезд.

Катастрофа. Политическая, дипломатическая, личная катастрофа.

Кай резко отстранился, делая шаг назад. Он тяжело дышал, грудь вздымалась, сердце колотилось где-то в горле. Айлин стояла перед ним, раскрасневшаяся, с чуть припухшими губами и абсолютно счастливым выражением лица.

— Ты с ума сошла? — выдохнул Кай. Голос сорвался на хрип. — Совсем с ума сошла?!

Айлин широко улыбнулась.

— Сошла бы, если бы не сделала этого, — заявила она тоном, не терпящим возражений.

— Что ты натворила?! — Кай запустил обе руки в волосы, сжимая их у корней. Он готов был закричать или засмеяться, или поцеловать ее снова. — Ты понимаешь, что теперь будет? Мой запах! Твой отец! Мой отец! Совет! Боги, Айлин!

— Я тебе не нравлюсь? — спросила она. И в ее голосе прозвучало незамутненное удивление. Она действительно не понимала реакции Кая.

— Что? — Кай уставился на нее сквозь пальцы. — При чем здесь это?!

— При том. Я спросила: я тебе не нравлюсь? — она сложила руки на груди и ждала ответа.

— Мне никто не нравится! — выпалил Кай. — Я вообще ни с кем не собираюсь... У меня нет времени на это! На вас на всех!

— Ладно, — спокойно ответила Айлин.

— Просто ладно? — Кай опустил руки, нахмурившись. — Что значит это твое ладно?

— На вопрос, нравлюсь ли я тебе, ты ответил, что тебе никто не нравится, — Айлин шагнула к нему. Один шаг, сокращающий расстояние, от которого Кай пытался сбежать. — Но я чувствовала твой ответ, Кай. Я чувствовала каждую секунду этого поцелуя. Могу поспорить на что угодно, ты хотел этого так же сильно, как и я. А может, и сильнее.

— Что за чушь... — начал Кай, делая шаг назад.

— Не отступай, — перебила она. — Не надо. Только не от меня.

Кай замер. Она стояла так близко, что он чувствовал тепло ее тела. Ее глаза, фиолетовые, глубокие, с манящими крапинками, смотрели без страха и смущения.

— Думаешь, раз ты принцесса, тебе все должны? — огрызнулся он, пытаясь спрятаться за грубостью.

— Я принцесса. И нет, я не думаю, что мне все должны, — она ткнула его пальцем в грудь. — Но я точно знаю, что ты должен мне нормальный первый поцелуй. Не этот, украденный на бегу, посреди кристального парка, когда я не в своем лучшем наряде. Настоящий поцелуй.

Кай моргнул. Потом еще раз.

— Ты... Ты серьезно сейчас?

— Абсолютно.

Вдруг она заметила, что он стоит в одной рубашке, совершенно не подходящей для осеннего утра. Его руки были холодными, когда он касался ее.

— Боги, ты замерзнешь! — воскликнула она. — Идиот! Где твой плащ? Где пальто? Ты вообще думаешь головой?

— Я? Я идиот? — Кай даже растерялся от такой смены темы.

— Пошли, — она схватила его за рукав.

— Куда?

— В мою комнату. Согреваться, — сказала Айлин, и на

ее губах расцвела опасная ухмылка. — Я с тобой еще не закончила.

Глаза Кая расширились.

— В твою... что?

— Комнату. Я покажу дорогу, если забыл.

— Я знаю, где твоя комната! — возмутился Кай. — Но я туда не пойду!

— Почему? Боишься?

— Я ничего не боюсь!

— Тогда пошли.

Она потащила его за собой, и Кай, сам не понимая как, пошел. Ноги словно перестали ему подчиняться.

— Ты хоть понимаешь, что теперь будет? — зашипел он, догоняя ее. — Что уже есть?!

— Очень даже понимаю, — беззаботно отозвалась Айлин, цокая каблучками по камню.

— Я не хочу умирать от рук моего или твоего отца! — Кай схватил ее за локоть, разворачивая к себе. — Я серьезно, Айлин! Твой папаша — фэйри с тяжелым характером и очень острым мечом!

— Мой папаша обожает любых свободных принцев, — отмахнулась она.

— Обожает как союзников, а не как... — Кай запнулся.

— Как кого? — она приподняла бровь.

— Не важно!

— Важно, — она подалась вперед. — Как кого, Кай?

— Как того, кто... — он снова запнулся, краснея. — Кто целует его дочь!

— Ах это, — Айлин махнула рукой. — Переживет.

— Ты не понимаешь!

— Я все понимаю, Кай. Я не дуручка.

Они остановились у двери с номером двести шестьдесят два. Айлин отпустила его рукав и повернулась, вставая между ним и дверью.

— Слушай сюда, наследный принц, — тихо сказала она.

— Я знаю, что ты боишься, но не моего отца и не скандала. Ты боишься того, что сейчас между нами. Боишься, что это случилось. И оно настоящее.

— Я ничего не боюсь, — повторил Кай, но голос предательски дрогнул.

— Боишься. И это нормально. Но знаешь что?

— Что?

— Мне плевать.

Айлин улыбнулась и открыла дверь. Шагнула внутрь, потом обернулась.

— Так ты зайдешь? Или будешь стоять тут до вечера и пугать всех своим похоронным видом?

Кай смотрел на нее, на свет из окна, падающий на ее волосы, на улыбку, от которой у него внутри все переворачивалось, на руку, которой она придерживала дверь.

— Я... — начал он.

— До завтрака еще есть время, — перебила она. — Часа

два. Много можно успеть.

— Что ты имеешь в виду под много можно успеть? — голос Кая сел до шепота.

— Поговорить, — Айлин сделала невинное лицо. — Ты о чем подумал?

— Я... ни о чем.

— Врешь, — она рассмеялась. — Но это ничего. Заходи. Кай сделал шаг вперед. Потом еще один. Остановился на пороге.

— Айлин, — серьезно сказал он. — Если я зайду, обратной дороги не будет. Ты понимаешь?

— Я надеюсь, что не будет, — она встретила его взгляд. — Я на это и рассчитываю.

— Твой отец убьет меня.

— Мой отец будет прыгать от счастья, что я наконец-то выбрала кого-то побогаче, а не гоняюсь с книжками по академии.

— А мой?

— А твой... — она задумалась. — Твой переживет. Он же король. У него нервы крепкие.

Кай выдохнул. И шагнул через порог.

Дверь за его спиной закрылась с тихим щелчком.

— Ну вот, — Айлин отступила на шаг, разглядывая его. — А ты боялся.

— Я не боялся, — упрямо повторил Кай, оглядывая комнату. Совсем недавно он был тут. Книги на столике, платье,

небрежно брошенное на кресло, открытое окно.

— Боялся, — она подошла ближе. — Но это ничего. Я тоже боялась.

— Ты? — он удивленно посмотрел на нее. — Ты производишь впечатление фэйри, который вообще не знает, что такое страх.

— Произвожу, — она кивнула. — Потому что научилась не показывать. Но ты — другое дело. С тобой я не хочу при-
творяться.

Кай молчал, разглядывая ее. В утреннем свете она была другой. И от этого еще прекраснее.

— Что теперь? — спросил он хрипло.

— А теперь, — Айлин взяла его за руку и потянула к креслу, — садись и рассказывай. Почему ты так боишься близости? Почему бегаешь от настоящего?

— Я не бегаяю, — попытался возразить Кай, но она усадила его в кресло и села на подлокотник, оказавшись почти вплотную.

— Бегаешь, — она поправила выбившуюся прядь его волос. — У нас есть время. Два часа до завтрака. И, — она улыбнулась той самой улыбкой, от которой у Кая подкашивались колени, — я умею слушать и задавать правильные вопросы.

Кай смотрел на нее и впервые за долгое время ему захотелось остаться.

— С чего начнем? — спросил он тихо.

— С самого начала, — ответила Айлин. — С того момента, когда ты понял, что значит быть принцем.

Кай выдохнул.

Глава 12. Жива

«Я не знаю, кто именно прочтет эти строки, но сделал всё, чтобы письмо попало в нужные руки и в безопасное место. Вивиан не в курсе, что я пишу вам. Она бы никогда не позволила.

Она сейчас во дворце Королевства Смерти. Знаю, как это звучит, и именно поэтому, прежде чем вы решитесь на отчаянный шаг, прошу — дочитайте до конца.

Я не сказал ей об этом письме. Она из тех, кто скорее будет молча терпеть, чем позволит другим рисковать собой. Я пробыл с ней совсем немного, но даже этого хватило, чтобы понять: она удивительная. Светлая. Добрая. И она бы никогда не попросила вас о помощи, если бы знала, чем вы можете за это заплатить.

Несмотря на то, что само нахождение во дворце Смерти внушает ужас, я делаю всё возможное, чтобы ей здесь было легче, чтобы она не чувствовала себя совсем уж покинутой. Если бы она могла говорить с вами, она бы сказала: «Не волнуйтесь, у меня всё хорошо». Так что позвольте мне сказать это за неё.

А теперь — главное. Я готовлю её побег. Я помогу ей выбраться. Но для этого мне нужно, чтобы вы доверились мне. Пожалуйста, умоляю вас всем сердцем, не идите на дворец с армией. Не развязывайте войну. Не ищите нас. Я

спрячу её так, что сам Король Смерти не найдёт, и приведу к вам целой и невредимой. Возможно, к тому моменту, как вы получите письмо, мы будем уже далеко за пределами королевства.

Пожалуйста, подождите. Ради неё.

С уважением и надеждой, Виктор Дервишии»

Айлин не помнила, как нашла письмо в своей комнате. Руки двигались сами собой, пока она сжимала в руках лист бумаги. Тонкий, почти невесомый лист бумаги, который весил сейчас больше целого мира.

Она села на кровать и только тогда позволила себе выдохнуть.

И разрыдалась.

В груди начала теплиться надежда.

Вивиан жива.

Айлин легла, глядя в высокий потолок. Она плакала навзрыд, зажимая рот ладонью, словно это остановит её истерику. Слезы катились по щекам, падали на платье, на письмо, которое она так и не выпустила из рук.

Вивиан жива.

Она жива, она где-то там, в этом страшном Королевстве Смерти, но она жива. Она дышит. Она пишет письма, вернее, этот Виктор пишет за нее, но он пишет о ней, и значит, она есть. Она существует. Она не превратилась в безжизненное тело, не ушла в туман, из которого нет выхода.

Айлин представила живую Вивиан с ее золотистыми во-

лосами, как у Кая, с ее упрямым взглядом, с ее привычкой кусать губы, когда она о чем-то задумывается, представила, как та сидит где-то в темнице, или не в темнице, судя по письму, этот Виктор постарался устроить ее получше, и думает о своих друзьях. Наверное, думает.

— Мы найдем тебя, — пообещала Айлин, вытирая слезы рукавом. — Слышишь? Мы обязательно найдем тебя.

Вивиан жива.

Она улыбнулась сквозь слезы впервые за долгое время, а потом посмотрела на письмо в своих руках, и улыбка померкла. Зейн. Кай. Они должны знать. Они имеют право знать. Сейчас же, не откладывая ни на минуту.

Айлин еще раз вытерла лицо, пригладила волосы, одернула платье. Она должна выглядеть достойно, когда сообщит им эту новость, должна быть сильной, потому что они все нуждаются в этой силе, и вышла из комнаты.

Коридоры Академии казались бесконечными. Айлин шла быстро, почти бежала, и каждый шаг отдавался эхом в пустых переходах. Ночь уже опустилась на землю, факелы горели тускло, отбрасывая дрожащие тени на стены, но Айлин не замечала ничего.

Словно призрак, она скользила по коридорам с опущенной головой, быстро вытирая все еще набегающие слезы.

Она постучалась.

Тишина.

Постучала снова.

За дверью послышался шум. Казалось, кроме двух принцев в комнате находился кто-то еще.

Дверь открыл Элио с широкой улыбкой. Видимо, до этого они сумели найти что-то веселое в это тяжелое время. Он увидел глаза Айлин и понял, что-то случилось. Что-то важное.

— Айлин?

Он сделал шаг назад, пропуская ее, и его взгляд сразу упал на мягкое письмо в ее руках.

Компания ребят сидела, занимая всю кровать Кая и стулья. Кто-то развалился на полу, подложив подушки. Айлин мельком подумала, что они наконец-то смогли разговорить ребят, вытащить их из той черной пустоты, в которой они пребывали после известия о пропаже Вивиан.

Но сейчас у Айлин были другие планы.

Ее плечи тряслись, а слезы катились, падая на воротник платья, оставляя темные разводы на дорогой ткани. Улыбки парней поникли одна за другой, сменяясь беспокойными взглядами.

Кай поднялся, забыв про друзей. Подходя к принцессе, он уже видел только ее, такую потерянную и хрупкую.

— Эй, что произошло? — тихо спросил он, стараясь вести себя как обычно, хотя внутри уже все оборвалось.

Но Айлин не ответила. Она просто прижалась к нему, тихо всхлипнув, уткнувшись носом в его плечо. Письмо осталось между ними.

Кай прижал Айлин к себе, закрывая руками от мира, от озадаченных взглядов, от всего, что могло сделать ей больно. Его ладонь легла на затылок, прижимая ее ближе.

— Тебя кто-то обидел? — сказал Кай, глядя на ее копну темно-синих волос. И тут же погладил их. — Только скажи кто.

Элио переглянулся с Зейном. Тот сидел неподвижно и выглядел недоуменно. Никто не понимал, что сейчас происходит.

— Если что, я не выучил язык плача, чтобы понять, о чем ты, — попытался пошутить Кай, заглядывая ей в лицо. Но голос дрогнул. — Айлин, пожалуйста.

— Вивиан жива, — сквозь всхлипы сказала Айлин. Слова прозвучали глухо, но в наступившей тишине их услышали все. — Она жива.

Она достала письмо и протянула куда-то в пустоту, не глядя.

В комнате повисла тишина, такая плотная, что, казалось, можно было услышать, как падает пыль.

Кай не хотел отпускать ее, но и не пришлось. Зейн оказался рядом быстрее, чем кто-либо успел моргнуть. Он схватил письмо так резко, что бумага жалобно хрустнула.

Он внимательно прочел. Элио подошел и встал рядом, читая через плечо. А Киран, Роан и Луан сидели, глядя на них в ожидании. Даже Дейк, который обычно держался в стороне от всех, был здесь и подошел ближе.

— Что там? Можете прочитать вслух? — спросил Ронан, подаваясь вперед. Его обычно спокойное лицо выражало нетерпение.

Элио прочел все письмо, поглядывая на Зейна. Голос его звучал ровно, но когда он дошел до подписи, на мгновение запнулся.

С уважением, Виктор Дервиши

В голове Зейна бушевала буря.

Какого черта какой-то Виктор заботится о Вивиан?

Как он смеет говорить о том, что узнал ее?

«Думаю, она бы хотела сказать вам, что с ней все в порядке» — откуда ему знать, чего она бы хотела?

И какого черта его фамилия Дервиши?

Элио начал читать вслух, крепко сжав руку Зейна на предплечье. Тот даже не почувствовал. Слишком сильным было внутреннее напряжение.

— Нам нужно остыть и подумать, да, друг? — сказал Луан Зейну. Они были в одной группе, и только двое в комнате знали кое-кого еще с фамилией Дервиши. — Зейн, ты слышишь меня?

— Я убью их всех, — пообещал Зейн. Голос прозвучал пусто. — Каждый, кто прикоснулся к ней.

— И мы обязательно поможем тебе с этим, но нам нужно придумать план, — сказал Киран. Он встал, прошелся по комнате, разминая затекшие ноги. Он всегда лучше думал в движении. — Кай, может, отпустишь милашку Айлин? Она

уже успокоилась.

Все смотрели озадаченно. Айлин все еще висела на Кае, и тот не делал попыток ее отстранить.

— Да она уже полностью пропахла нашим Каем, без обид, — сказал Элио, взглянув на Айлин. Обычно такие шутки заставляли ее краснеть и отскакивать. Но она лишь крепче обняла Кая и нахмурилась, бросив на Элио взгляд исподлобья.

— Позже, — произнес Кай, посмотрев на Зейна поверх головы Айлин. — Мы не можем сидеть тут.

— Не можем, — кивнул Зейн. Он невидящим взглядом смотрел в стену, перебирая в голове варианты.

— То есть письмо мы полностью игнорируем? — спросил Элио. — Я, конечно, хочу, чтобы Вивиан поскорее вернулась домой, но этот Виктор не кажется мне таким уж плохим.

— Ты это понял по одному письму? — хмыкнул Дейк, оживившись. Он подошел к брату, встал рядом, плечом к плечу, как в детстве, когда они вдвоем противостояли отцу или учителю по оружию. — Что нам делать?

Зейн промолчал. Он все еще смотрел в одну точку.

— Давайте смотреть по известным фактам, — начал Киран. — Первое: Вивиан жива. Это главное. Повторите это себе, потому что последние дни мы все думали иначе. — Он обвел взглядом присутствующих. — Второе: она во дворце Королевства Смерти. Третье: у нее там появился какой-то друг с фамилией Дервиши, который хочет помочь ей сбежать. И, судя по письму, он достаточно близок к ней, чтобы

знать, что она не захотела бы подвергать нас опасности.

— Друг? — резко перебил Зейн. Он наконец оторвал взгляд от стены и посмотрел на Кирана. В глазах полыхнуло что-то опасное. — Мы не знаем, кто он такой. Эта фамилия... Тиеран Дервиши наш преподаватель по ментальной магии. Думаете это совпадение?

— Тогда зачем писать письмо и предупреждать не соваться? — возразил Элио. — Если бы они хотели заманить нас в ловушку, они бы написали: «Приходите скорее, Вивиан ждет вас, мы ее не держим». Или вообще ничего бы не писали. А тут — *«умоляю, не приходите»*. Это не похоже на приманку.

— Элио прав, — неожиданно подал голос Луан. — Это письмо пахнет искренностью. Посмотрите, как он пишет о ней. *«Я стараюсь сделать все, чтобы ей было не так плохо»*. *«Думаю, она бы хотела сказать вам, что с ней все в порядке»*. Звучит как тот, который... ну, которому она небезразлична.

Зейн дернул головой, словно от пощечины.

Ему физически было неприятно слышать, что какой-то незнакомец заботится о Вивиан, узнал ее, пишет письма о ней. Хотя кто бы этого не сделал? Вивиан была той, к кому невозможно остаться равнодушным. Это Зейн знал лучше всех. Именно это бесило больше всего — что кто-то другой тоже это понял.

Он провел рукой по лицу, пытаясь собраться.

— Ладно, — Зейн взял себя в руки. Голос прозвучал

хрипло, но тверже. — Допустим, он искренен. Допустим, он действительно хочет помочь. Но мы не можем просто сидеть и ждать. Мы даже не знаем, когда он планирует побег. Сегодня? Через месяц? Через полгода?

— А если его раскроют? — тихо спросила Айлин, все еще не отходя от Кая. Она наконец подняла голову, и все увидели ее покрасневшие, опухшие от слез глаза. — Если король узнает о его планах? Вивиан тогда никто не поможет. А этот Виктор... он рисковал, отправляя письмо. Если его поймут...

— Именно, — Зейн щелкнул пальцами. — Мы не можем полагаться только на этого Виктора. Мы должны идти. Идти сами.

— Но письмо... — начал Роан.

— Я помню, что там написано, — отрезал Зейн. Он прошелся по комнате, задевая плечом стоящих. — *«Не приходите со стражниками и войной»*. Но слепое подчинение неизвестному просителю — не наш путь. Мы не знаем его. Мы не знаем, сможет ли он выполнить обещанное. Мы должны подготовиться.

Он подошел к столу, сгреб со стола какие-то бумаги и начал рисовать схему. Рука двигалась резко, линии выходили слишком жирными.

— Смотрите. Королевство Смерти находится здесь, — он ткнул пальцем в импровизированную карту. — Граница открытая, но охраняется скалами. Если мы пойдем открыто,

с флагами и герольдами, нас заметят за три дня пути. Если пойдем малым отрядом — нас могут перехватить и перебить, как только пересечем границу. Нужен компромисс.

Кай, наконец, мягко отстранил Айлин, но продолжал держать ее за руку, большим пальцем поглаживая костяшки. Он подошел к Зейну, встал рядом, вглядываясь в набросок.

— Ты предлагаешь разделиться?

— Да. Мы идем с маленькой армией. Отборные бойцы. Те, кто умеет двигаться тихо и бить точно. И главное, с зачарованным оружием, — Зейн поднял взгляд на брата. — Дейк, сможешь пробраться в оружейную?

Дейк незамедлительно кивнул.

— В арсеналах точно есть старые запасы. Зачарованными клинками с серебряной нитью не используют для обычных походов. Но их нужно проверить, зачарование могло ослабнуть. Серебро тускнеет, руны стираются.

— Сколько времени нужно, чтобы привести их в порядок?

— Если поднять всех магов по оружию... День, может, два.

— У нас нет двух дней, — вмешался Элио. Он подошел к окну, выглянул наружу, будто мог увидеть там Королевство Смерти. — Каждый день Вивиан в том дворце — это риск. Ты сам знаешь, что обычно делают с пленниками.

— А если мы придем неподготовленными, мы все подохнем, и ей это не поможет, — жестко ответил Зейн. Он повернулся к брату. — Дейк, дай магам сутки. Ровно сутки. Пусть работают без отдыха. Я хочу, чтобы через двадцать четыре

часа у нас было сто единиц готового оружия. Мы выступаем через день на рассвете.

— А большая армия? — спросил Луан.

— Идет следом, с отставанием в полдня пути, — Зейн провел вторую линию на карте, параллельно первой. — Достаточно, чтобы не создавать пыли на дороге, но достаточно близко, чтобы успеть, если что. Если мы попадем в засаду или если дворец окажется укреплен сильнее, чем мы думаем, они подоспеют. Если все будет тихо, они останутся в резерве у границы.

— И мы можем встретить Вивиан по пути, — добавил Кай. — Если этот Виктор действительно выполнит обещание и выведет ее. Они могут идти на запад, к нейтральным землям, а мы — на восток. Встретимся где-то посередине.

Зейн кивнул, но его челюсть была сжата так сильно, что желваки ходили ходуном. Видно было, как под кожей перекатываются мышцы.

— Мне не нравится этот парень, — процедил он сквозь зубы.

— Тот факт, что он написал письмо о твоей невесте? — усмехнулся Киран. Он умел разряжать обстановку даже в самые напряженные моменты. — Или то, что он, возможно, уже с ней познакомился и подружился? А может, она ему даже улыбнулась?

— Киран, — предостерегающе сказал Элио.

— И то, и другое, — Зейн резко развернулся. Глаза горе-

ли. — Она там одна, в плену, напуганная, а какой-то... Дервиши... — он выплюнул эту фамилию, словно ругательство, — строит из себя героя. Заботится о ней, узнает ее. Это... — он сжал кулаки до хруста.

— Это то, что должен был делать ты, — тихо закончила Айлин.

Все замерли.

Айлин смотрела на Зейна без осуждения, но с какой-то горькой понимающей грустью.

— Ты злишься не на него, Зейн. Ты злишься на себя. Потому что тебя там нет, а он есть. Потому что он может быть рядом с ней, а ты — нет. И потому что боишься, что она... привяжется к нему.

Зейн застыл. Казалось, он даже перестал дышать.

— Эй, — Кай шагнул к Айлин, но она остановила его жестом.

— Я не осуждаю, — продолжила она мягко. — Я просто хочу, чтобы ты понимал. Вивиан там одна. Ей страшно. И если этот Виктор — единственный, кто протянул ей руку, пусть даже он враг, пусть даже его фамилия Дервиши... она за него ухватится. Потому что она борется за жизнь. И мы должны быть благодарны ему, что он эту руку протянул.

Повисла долгая пауза.

Киран кашлянул. Роан отвел взгляд. Даже Элио, который обычно находил слова в любой ситуации, молчал.

Зейн медленно выдохнул. Напряжение не ушло, но стало

другим — не взрывным, а глубоким, внутренним.

— Ты права, — сказал он наконец. Голос сел почти до шепота. — Ты права, Айлин. Я... я просто не знаю, как с этим справиться.

— Справишься, — Кай положил руку ему на плечо. — Мы все справимся. Неважно, кто он. Важно, что он, кажется, на нашей стороне. Если бы не он, мы бы до сих пор думали, что Вивиан мертва. Мы бы не знали, где она. Мы бы не могли ничего сделать. А теперь — можем.

Зейн сбросил его руку, но в глазах мелькнуло что-то похожее на согласие.

— Знаю. Но когда я ее увижу... — он сжал кулаки.

— Ты скажешь ей спасибо, что она жива, и будешь рядом, — закончила за него Айлин, все еще шмыгая носом. — А не будешь выяснять, кто с ней там подружился. А если этот Виктор будет рядом, ты пожмешь ему руку. Потому что он заслужил.

Все в комнате удивленно посмотрели на нее. Айлин редко возражала Зейну, особенно в таком тоне. Но сейчас в ней чувствовалась какая-то новая сила — сила фэйри, который только что обрел надежду и не позволит никому эту надежду разрушить.

— Она права, — неожиданно поддержал Элио. — Сейчас не время для ревности, друг. Время для действий.

Зейн провел рукой по лицу, устало выдыхая. Тени под глазами стали заметнее, он не спал нормально с того самого дня.

— Хорошо. Вы правы. Все вы правы. — Он посмотрел на Дейка. — Занимайся оружием. Подними всех, кого сможешь. Роан, Луан, отправляйтесь с Дейком и соберите людей. Только тех, кому доверяете как себе. Если весть о нашем походе дойдет до Королевства Смерти раньше нас, мы потеряем не только преимущество. Мы потеряем *ее*.

Роан и Луан переглянулись и синхронно кивнули.

— А если этот Виктор уже начал операцию? — спросил Киран. — Пока мы тут собираемся, оружие проверяем, отбираем рыцарей, он может вывести Вивиан, и они пойдут навстречу большой армии, а не нам. Или нарвутся на патруль. Или заблудятся. Мы же даже не знаем, какой маршрут он выбрал.

Зейн замер. Эта мысль пришла ему в голову только сейчас, и от нее похолодело внутри.

— Тогда мы должны разделить отряд, — быстро сказал он, возвращаясь к карте. — Основная группа идет к границе, как и планировали, с оружием и припасами. А мы... — он обвел взглядом Кирана, Элио и Кая. — Мы пойдем быстрее. Легкие, без обоза. Минимум вещей, максимум скорости. Вперед, на перехват.

— Это безумие, — покачал головой Роан. — Граница Королевства Смерти — не прогулка. Там твари, магия и патрули. Вчетвером вы долго не продержитесь.

— Значит, будем осторожны, — пожал плечами Зейн. — Лучше мы встретим опасность лицом к лицу и вовремя, чем

упустим ее из-за своей медлительности.

— Я с вами, — подал голос Дейк.

Зейн покачал головой:

— Ты нужен здесь. Кто-то должен привести основную армию, если с нами что-то случится. И проследить за оружием. Без тебя маги разбегутся или сделают все спустя рукава.

Дейк хотел возразить, но встретился взглядом с братом и понял: это не обсуждается.

Айлин, все это время молча слушавшая, вдруг подошла к столу и положила руку на письмо, которое так и лежало развернутым. Бумага была теплой от множества рук, края немного загнулись.

— Зейн, — тихо сказала она. — Посмотри сюда.

Он подошел, наклонился.

— Видишь? — она провела пальцем по строчкам. — *«Я позаботился, чтобы его доставили в нужное и безопасное место»*. Он не просто отправил письмо. Он нашел способ передать его нам. Рисковал. И *«искренне умоляю»* — он не приказывает, не требует. Просит. И подпись — *«с уважением»*. Этот Виктор... он действительно заботится о ней. Может, стоит довериться ему хотя бы в том, чтобы не лезть напролом? Хотя бы чуть-чуть?

Зейн посмотрел на нее долгим взглядом. Потом перевел взгляд на письмо, на неровные строчки.

— Этот Виктор писал в спешке, — заметил подошедший Луан. — И в страхе. Видите кляксы? И буква «в» в начале

строки смазана — он останавливался, думал. Это не хладнокровный план. Это крик о помощи.

— Или хорошая актерская игра, — буркнул Зейн, но уже без прежней уверенности.

— Актер бы постарался писать красивее, — усмехнулся Киран. — Чтобы произвести впечатление. А это похоже на правду.

Зейн молчал долго. Все смотрели на него, ожидая решения.

— Я доверюсь ему ровно настолько, чтобы не начать войну раньше времени, — наконец сказал он. — Мы не ударим первыми. Мы не пересечем границу с флагами и трубами. Но я не оставляю ее судьбу в руках незнакомца. Извини, Айлин. Я не могу.

Айлин вздохнула, но кивнула. Она понимала. На месте Вивиан она бы хотела, чтобы за нее боролись также упорно. Чтобы за нее шли на край света, даже если это глупо и опасно.

— Тогда выступаем через сутки, — подвел черту Кай. Он взял со стола чистый лист и быстро набросал список. — Зейн, Элио, Киран и я идем вперед. Берем только легкое оружие, еду на три дня, воду, теплые вещи — в горах холодно даже летом, а сейчас осень проходит вовсю. Остальные — с основной армией, с отставанием в полдня. Дейк, оружие должно быть готово через двадцать часов. Ровно через двадцать, понял? Роан, Луан, вы отвечаете за порядок в рядах.

Никакой самостоятельности, никаких героев-одиночек. Если кто-то отобьется от группы — бросаете, не останавливаясь. На кону жизнь Вивиан. Айлин...

Он посмотрел на нее мягче. Очень мягко, так, как смотрел только на нее.

— Айлин остается здесь.

— Что? — возмутилась она. Глаза вспыхнули. — Нет! Я не останусь! Я имею право!

— Да, — твердо сказал Кай. Он взял ее за плечи, заставляя смотреть в глаза. — Имеешь. Но кто-то должен координировать с этим берегом. Если с нами что-то случится, ты единственная, кто сможет достучаться до моего отца и получить подкрепление. Ты единственная, кому он может доверит без вопросов. Ты нужна здесь, Айлин. Не меньше, чем мы там.

Айлин хотела поспорить, но увидела в глазах Кая нежелание командовать.

— Пожалуйста, не заставляй меня волноваться еще и за тебя. Пожалуйста, будь в безопасности.

— Хорошо, — сдалась она, и голос дрогнул. — Но если вы не вернетесь раньше, чем за две недели, я сама поведу армию. Я найду вас, даже если придется перевернуть каждое королевство.

— Договорились, — улыбнулся Кай, неловко касаясь ее руки. — Две недели.

Зейн уже не слушал их. Он смотрел в окно, на темнеющее

небо, на первые звезды, загорающиеся над горизонтом. Где-то там, за горами и лесами, за границей, в проклятом дворце Королевства Смерти, Вивиан жива. Она дышит, она смотрит на те же звезды, она ждет. И он сделает все, чтобы вернуть ее.

Даже если для этого придется пройти через само Королевство Смерти.

Даже если придется сразиться с армией мертвых.

Даже если придется пожать руку этому Виктору.

А этот Виктор... что ж, если он действительно помог ей, если он действительно выведет ее живой и невредимой, Зейн, возможно, даже скажет ему спасибо.

Возможно.

После того как выбьет из него пару зубов за фамильярность.

— Выдвигаемся через сутки на рассвете, — повторил он, поворачиваясь к остальным. В голосе зазвенела сталь. — Всем готовиться. И помните: мы идем за ней. Мы вернем ее. Любой ценой.

— Любой ценой, — эхом отозвались остальные.

Айлин сжала в руке письмо, прижимая к груди, будто это было единственное, что связывало их с Вивиан. И впервые за многие дни в ее сердце затеплилась надежда.

Настоящая, живая надежда.

Глава 13. Осталось 10 дней. Сосуд

Вивиан обмякла на руках темного рыцаря, позволив своему телу стать безжизненным грузом. Голова безвольно качалась в такт шагов стражника, руки повисли плетьюми, веки тяжело прикрыли глаза, но за ними лихорадочно двигались мысли. Это был первый раз, когда её вывели из темницы в трезвом уме, и она не собиралась упускать ни единой детали.

Сквозь узкую щель между ресницами она жадно впитывала каждый поворот коридора. Стены здесь были сложены из чёрного, будто обожжённого камня, в котором иногда поблёскивали прожилки кварца, напоминая застывшие вены.

Факелы с чёрным пламенем крепились прямо к стенам, и их свет делал её плотнее, осязаемее.

Вивиан старалась запомнить каждую дверь, каждую развилку, каждый тупик, в который сворачивал её безмолвный страж.

— *Левый коридор, три двери, потом направо,* — мысленно проговаривала она, чувствуя, как холод пробирается под одежду.

В плаще Виктора, в сырой темнице, она ещё могла согреться, ложась подальше от стены и кутаясь в плотную ткань. Но сейчас, висая на рыцаре, словно мешок с провизией, холод вернулся с утроенной силой. Это было само дыхание замка, мёртвое и ледяное, пробирающее до самых костей.

За спиной каждого рыцаря тянулся едва заметный шлейф чёрного дыма. Тени у их ног извивались, словно черви, почуявшие добычу. Вивиан смотрела на это без страха. Она вдруг задумалась: похожи ли тени, что живут в ней, на эти? Те самые тени, что Зейн называл проклятием, а король Смерти — силой. Она попыталась прислушаться к себе, но внутри была только глухая пустота.

— *Зейн...* — мелькнуло в голове.

Она вспомнила его руки, тёплые и живые, совсем не такие, как эта мёртвая хватка. Вспомнила, как он однажды сказал: *«Тени не должны управлять тобой. Ты должна управлять ими»*. Но как управлять тем, чего ты даже не чувствуешь?

Рыцарь резко свернул, и Вивиан едва не ударилась головой о косяк. Она закусил губу, чтобы не вскрикнуть, и заставила себя расслабиться. Скоро. Скоро за ней кто-нибудь придет.

Наконец, они вышли к высоким двустворчатым дверям из почерневшего металла. Вивиан узнала зал, где король восседал на троне из сплетённых костей. Она прикрыла глаза, позволяя телу обмякнуть окончательно. Кровь прилила к голове, в ушах зашумело, к горлу подступила тошнота, но сейчас это было даже на руку.

— Оставьте здесь, — раздался вальяжный, тягучий голос короля. Он сидел на троне, подперев щеку рукой, и даже не смотрел в их сторону.

Рыцари послушно разжали руки. Вивиан грубо швырнули на каменный пол, и она, не сдерживаясь, тихо застонала, не столько от боли, сколько чтобы поддержать образ сломленной пленницы. Голова ударилась о холодный камень, и перед глазами на мгновение вспыхнули белые круги.

— Вставай, девчонка, — голос короля прозвучал лениво, но в нём уже чувствовалось раздражение. Обычно он был более терпелив, наслаждаясь её страданиями. Что-то вывело его из себя заранее.

— Не могу, — прохрипела Вивиан, не поднимая головы. Губы пересохли, язык казался ватным.

— Что ты там шепчешь? — король подался вперёд, и его тень на стене вдруг дёрнулась, словно живая. Впрочем, она и была живой.

— Вставай, девчонка, — повторил противный, скрипучий голос советника. Вивиан узнала бы его из тысячи, маслянистый и вонючий.

— Лучше не испытывать моё терпение, — холодно добавил король, и в его словах прозвучала неприкрытая угроза.

Голова кружилась, но Вивиан заставила себя медленно подняться. Сначала на локтях, затем, опираясь на дрожащие руки, села. Она смотрела исподлобья, пряча за маской слабости лихорадочную надежду. Пальцы незаметно коснулись пола, проверяя, не отзовутся ли тени. Ничего.

Король спустился с трона. Его шаги не издавали ни звука, он словно плыл над полом, и его чёрный плащ тащился

за ним бесконечным шлейфом. Он остановился напротив, и Вивиан поразились тому, как мало он замечал деталей. Он видел перед собой лишь досадную помеху, а не живое существо.

Холодная, как лёд, рука обхватила её горло. Когти... Вивиан поклялась, что секунду назад их не было. В один миг ногти удлинились и заострились, впиваясь в нежную кожу. Из горла вырвался сдавленный крик.

— Безмозглая девка, — прошипел король, с лёгкостью поднимая её в воздух. Ноги Вивиан оторвались от пола, и она повисла, вцепившись обеими руками в его запястье.

— Отпустите! — прохрипела она, дёргаясь. Но его пальцы сжимались всё сильнее, перекрывая дыхание.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — спросил король, и в его глазах, чёрных, как сама бездна, заплесало самодовольство.

— Нет, — едва слышно выдохнула Вивиан.

— Врёшь.

— Нет, — повторила она, чувствуя, как темнеет в глазах.

— Ты врёшь, — в его голосе появилось какое-то странное, почти детское упрямство. Он наклонил голову, разглядывая её, словно забавную игрушку. — Как ты себя чувствуешь в моём замке? Ничего не происходит с твоим телом?

— О чём... вы говорите? — каждое слово давалось с трудом.

— Не притворяйся!

Паника ледяной волной захлестнула Вивиан. Неужели он узнал? О свободе, которую дал ей Виктор? О том, что её силы начали возвращаться? Или... о том, что тени уже ползают рядом?

— Думаешь, я не чувствую? — прошептал король, приблизив своё лицо к её. От него пахло пеплом и чем-то сладковатым, приторным. — В моём замке всё пропитано смертью. А ты... ты всё ещё живая. И это начинает меня раздражать.

— Отпустите, — повторила Вивиан, чувствуя, как слёзы выступают на глазах не то страха не то от нехватки воздуха.

— Хочешь захватить этот мир? — вдруг спросил он, и его голос упал до шёпота. В пустом зале, где не было никого, кроме неживых стражей и безмолвного советника, этот шёпот прозвучал как гром среди ясного неба.

— Что вы несёте? — Вивиан с трудом сфокусировала взгляд. — Я... ничего... не хочу...

— Ты всего лишь сосуд, — ответил король, и в его голосе прозвучало отвращение.

Он разжал пальцы, и Вивиан рухнула на пол, едва успев выставить руки. Острые каменные крошки впились в ладони.

— Жалкий сосуд, чьё предназначение — наполниться и умереть, — бросил король, отходя от неё. Он вытер руку о плащ, словно прикоснулся к чему-то мерзкому.

Вивиан лежала на холодном полу, хватая ртом воздух. В

голове пульсировала боль, а мысли путались.

Сосуд?

Наполниться и умереть?

О чём он говорит?

— Ступай за мной, — бросил король через плечо и скрылся в одном из темных проходах за тронном.

Вивиан с трудом поднялась. Ноги дрожали, мир качался, но она заставила себя идти, игнорируя мерзкий взгляд советника. Каждый шаг давался с трудом, но она не хотела показывать слабость.

Коридоры за тронным залом были похожи на лабиринт, узкие, извилистые, с низкими сводами, где эхо разносило каждый звук. Вивиан то и дело спотыкалась, цепляясь за неровности пола, но король не оборачивался. Он шёл впереди, и его плащ стелился по камням, словно чёрная река.

Наконец, они вышли на каменный балкон, нависающий над пропастью. Вивиан зажмурилась от яркого света. После полумрака замка даже серое небо казалось ослепительным. Ветер ударил в лицо, холодный и резкий, но она с благодарностью вдохнула его, чувствуя, как лёгкие наполняются свежим воздухом.

Король стоял у края, глядя куда-то вдаль. Его профиль на фоне неба казался высеченным из камня — острые скулы, тонкие губы, глубоко посаженные глаза. Вивиан вдруг подумала, что Зейн похож на него только в моменты гнева: та же жёсткая линия рта, тот же ледяной блеск в глазах. Но в Зей-

не всегда было что-то живое, тёплое, чего она не чувствовала сейчас.

— Знаешь, я знал, что так будет, — сказал король, не обращившись. — Ты догадываешься, почему оказалась здесь?

— Чтобы вы посмотрели на Зейна? — тихо предположила Вивиан. — Чтобы сделать ему больно?

Король рассмеялся без тени веселья.

— Мне плевать на него, — ответил он равнодушно. — По всему миру разбросаны десятки моих отпрысков, но я не считаю их своими детьми. Его мамаша оказалась слишком смелой, спрятав ребёнка в королевской семье. Это её единственная заслуга.

— Тогда зачем я вам?

Король медленно повернулся и посмотрел на неё в упор. В его глазах не было ненависти, только холодное, расчётливое любопытство.

— Вам запрещено быть вместе, — сказал он, и в его голосе прозвучала абсолютная, не терпящая возражений истина. — Свет и тень не могут идти рядом. А тем более рожать на свет таких же уродцев. Магия должна быть чистой. Твои родители не смотрели, кому отдают тебя?

— Моя ментальная магия хорошо уживалась с его, — сказала Вивиан, чувствуя, как внутри закипает злость. Она сжала кулаки, чтобы скрыть дрожь. — Мы дополняли друг друга.

— Дополняли? — король усмехнулся. — А ты хорошо его

знаешь? Он уже тебя испачкал?

Вивиан почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Ты уже испачкалась, — парировал король, и в его глазах мелькнуло отвращение. — Тени легко приняли тебя. Я чувствую их. У вас уже была близость?

— Хватит! — выкрикнула Вивиан, и её голос эхом разнёсся по скалам.

— Мне и нет дела до этого, — лениво бросил король, и в его тоне сквозь равнодушие пробилось раздражение. — Я хочу сохранить мир. Или то, что от него осталось. Разве тени тебя не ломают? Зейн отрицает их, за что платит болью и силами. А ты... ты принимаешь их. И это делает тебя опасной.

Вивиан вглядывалась в лицо короля, пытаясь уловить хоть малейшее сходство с Зейном. Та же линия скул? Тот же изгиб бровей? Нет. В короле было что-то чужое, мёртвое, чего она никогда не видела в своём принце. Зейн сражался со своей тьмой, ненавидел её, а этот... этот наслаждался ею.

— Что вы хотите со мной сделать? — спросила Вивиан, решив не задавать вопросов, на которые он всё равно не ответит.

— Убить, — король пожал плечами с такой непринуждённостью, словно речь шла о том, какой сегодня подать обед.

— Чем я опасна? — её голос дрогнул, но она заставила себя стоять прямо.

— Слишком много вопросов, девчонка, — раздражённо бросил король. — Я не из тех, кто будет перед смертью рас-

крывать все секреты.

Он махнул рукой, и из проёма показались двое темных рыцарей. Они двигались медленно, но неумолимо, их пустые глазницы смотрели прямо на Вивиан.

Король, не оборачиваясь, обошёл их и скрылся в темноте коридора. Последнее, что она увидела, его усмешку, холодную и самодовольную.

Вивиан отступила к краю балкона. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбилось. Она краем глаза взглянула вниз, и у неё закружилась голова. Внизу, далеко внизу, чернели острые скалы, и ветер гудел в ущелье, словно предвкушая падение.

— Не подходите! — крикнула она, выставив вперёд дрожащие руки.

Рыцари не умели слушать. Они приближались, и их тяжёлые шаги гулко отдавались в камне.

Драться бесполезно — Вивиан понимала это. Она вспомнила, как пыталась ударить одного из них в темнице, её кулак лишь разбился о каменную плоть. Они не чувствовали боли, не знали страха. Они были продолжением воли короля, его руками.

— *Но у меня есть тени,* — вдруг подумала она. — *Зейн говорил, что они часть меня. Что они подчиняются мне.*

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить то странное чувство, которое возникало раньше, когда она позвала их. Тот холод, что пробежал по венам. Ту силу, что проснулась

внутри.

— *Я здесь,* — прошептала она, обращаясь к пустоте. — *Я не боюсь вас. Вы — мои.*

Рыцари сделали ещё шаг. До них оставалось не больше трёх метров.

Вивиан опустилась на корточки, чувствуя, как холодный ветер треплет её волосы. Она вытянула руку вперёд, пытаясь представить, как тени откликаются на её зов.

— Идите ко мне, — прошептала она. — Защитите меня. *Пожалуйста.*

Один из рыцарей наклонился.

Вивиан почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. Словно лопнула туго натянутая струна.

А затем — поток.

Ледяной, мощный, неудержимый.

Тени хлынули из неё, словно прорвав плотину, и она вскрикнула от неожиданности.

Чёрные щупальца, густые, как смола, обвили её тело, создавая кокон. Она видела, как рыцари занесли руки для удара, но тени уже подхватили её, поднимая над полом.

— Что... — только и успела выдохнуть Вивиан, как раздался оглушительный треск.

Балкон под её ногами раскололся. Каменные плиты лопнули, как яичная скорлупа, и Вивиан вместе с обломками рухнула вниз.

Крик застрял в горле. Ветер со свистом разрывал одежду,

каменная крошка летела в лицо. Вивиан зажмурилась, чувствуя, как тени сжимаются вокруг неё всё плотнее, не оставляя просвета.

Она летела в полной темноте, и единственное, что она слышала, был грохот падающих камней и собственное бешено колотящееся сердце.

Удар.

Тени приняли его на себя, но даже сквозь их защиту Вивиан ощутила, как что-то хрустнуло в плече.

Её шар из теней покатился по земле, врезаясь в скалы, подпрыгивая на кочках, пока наконец не столкнулся с огромным валуном.

Вивиан вылетела из кокона, больно ударившись спиной о камни.

Она лежала, глядя в серое небо, и не могла пошевелиться. В ушах стоял звон, лёгкие горели, а по лицу текла тёплая кровь из рассечённой брови.

— *Жива*, — пронеслось в голове.

Я жива.

Она попыталась подняться, но руки и ноги не слушались. Всё тело дрожало мелкой дрожью, и каждый вдох отдавался болью в рёбрах.

— Помогите, — прошептала она сорванным голосом. Губы пересохли, язык казался ватным. — Кто-нибудь...

Она услышала шаги. Кто-то бежал к ней, перепрыгивая через обломки, тяжело дыша.

— Вивиан! — голос Виктора раздался совсем близко, и она с трудом повернула голову.

Он вынырнул из облака пыли, взволнованный, с дикими глазами. Увидев её, он на мгновение замер, оглядывая груды камней, среди которых она чудом осталась жива.

— Вивиан! — повторил он, бросаясь к ней.

— Я... здесь, — прохрипела она, пытаясь улыбнуться.

Виктор опустился рядом, осторожно приподнял её за плечи. В его глазах мелькнуло удивление, когда он увидел, как последние клочья теней сползают с её тела, исчезая в камнях.

— Ты... ты использовала их? — спросил он, не веря своим глазам.

— Они сами... — Вивиан закашлялась, чувствуя привкус крови. — Сами пришли.

— Нам нужно срочно уходить, — сказал Виктор, подхватывая её за талию. — Можешь идти?

Вивиан попыталась встать, но ноги подкосились, и она повисла на нём.

— Не могу... — прошептала она, чувствуя, как темнеет в глазах.

— Придётся, — Виктор подхватил её на руки, стиснув зубы. — Если он узнает, что ты жива и тени слушаются тебя... он не остановится.

Она кивнула, прижимаясь к нему и чувствуя, как он быстро идёт вперёд, унося её прочь от обломков.

Я жива.

Я справилась.

Тени услышали меня.

И где-то глубоко внутри, сквозь боль и слабость, теплилась надежда. Если она смогла позвать тени сейчас, то сможет и потом. А значит, у неё есть шанс выжить.

И вернуться к Зейну.

Глава 14. Исповедь

Всё было готово к тайному выходу за Вивиан.

Дейк стоял у окна в гостевых покоях и смотрел, как последние вечерние тени выползают из углов комнаты. За спиной тихо переговаривались Роан и Луан. Их голоса звучали приглушённо. Так разговаривают привыкшие, которые знают, что каждое слово может стать последним.

— Клинки проверили? — спросил Роан, не поднимая головы от карты, разложенной на столе.

— Трижды, — ответил Луан, затягивая ремень на ножнах. — Но если нас засекут, клинки не помогут. Королевская стража в четыре раза многочисленнее.

— Не засекут, — бросил через плечо Дейк, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, чем он себя чувствовал. — Я провёл вас во дворец как дальних родственников. Никто не задал лишнего вопроса.

Роан поднял голову и с одобрением кивнул.

— Держи это при себе, мальчик, — сказал он, протягивая Дейку кинжал с тёмной рукоятью.

Дейк взял оружие. Ладонь привычно легла на гладкую рукоять. Тёплая. Почти живая.

Оружие раздобыли. Войско разбудили, три сотни фэйри уже ждали условного сигнала в лесу за восточными воротами. Выход назначили на рассвете. Дейк старался не подавать

виду, но внутри всё сжималось в тугую, болезненный узел. Если кто-то донесёт отцу — а во дворце уши были даже в мраморных стенах, — тот не остановится. Не станет слушать оправданий. Не поверит, что это делалось ради спасения чужой жизни.

Дейк хорошо знал отца и никогда не перечили ему. Никогда. Это всегда делал Зейн. Старший брат принимал на себя весь гнев, все тяжёлые разговоры, все королевские тяготы. А Дейк просто стоял рядом.

Младший.

Послушный.

Тот, кого не замечают, пока он не нарушит приказ.

Но сейчас, стоя у окна и чувствуя тяжесть кинжала за поясом, Дейк ощутил странное, пугающее и одновременно пьянящее чувство. Словно в груди разливалось что-то тёплое, почти болезненное, похожее на жар после первого глотка крепкого вина.

Он вырос.

И это не могло не радовать.

Дейк отошёл от окна, задев плечом край тяжёлой шторы. Роан поднял голову, коротко кивнул, и этот жест без лишних слов почему-то успокоил.

— Ложись, — сказал Луан, не оборачиваясь. — Рассвет наступит быстрее, чем ты думаешь.

Дейк ждал рассвета, совсем не желая спать. Но друзья брата... они были примером. Опытные воины. Каждое их дви-

жение говорило о том, что они прошли через такое, о чём Дейк даже не догадывался. Шрамы на руках Луана. Седые пряди в чёрных волосах Роана. Они не хвастались боями. Они просто жили так, будто война была их родным домом. Дейк подумал, что стоило ходить в походы с другими принцами раньше. Может, так они стали бы приятелями.

Он не верил им. Не мог за несколько часов проникнуться доверием к чужакам. Но Зейн доверил им выбрать воинов, значит, на то была причина. Зейн никогда не ошибался. Ни разу.

И Дейк заставил себя поверить в братский выбор.

Он лёг на узкую кушетку, накрылся плащом и долго смотрел в тёмный потолок. Мысли лезли в голову назойливыми мухами. А что, если не успеем? А что, если Вивиан уже... А что, если отец узнает раньше, чем мы выйдем из ворот?

Тревога путалась в сознании, перетекала в сон, распадалась на бессвязные обрывки лиц и голосов.

Успеем. Должны успеть.

На рассвете Зейн встретил часть войска, которое приблизилось подозрительно близко к академии.

Сотня всадников в тёмных доспехах замерла на небольшом холме, наблюдая за спящими башнями. Зейн видел их чёткие силуэты на фоне розовеющего неба. Ветер доносил слабый запах лошадиного пота и стали.

Его это мало волновало.

Не сейчас.

Зейн всю ночь думал об этой фамилии.

Дервиши.

Она въелась в мысли, как заноза, с каждым движением причиняющая боль. Он ждал утра, сдерживая себя, чтобы не убить своего преподавателя. Того самого, кого уважал. Чьи уроки посещал с интересом, а не по принуждению. С кем спорил о тактике и чьи советы всегда ставил выше других.

Он умолял себя разобраться.

То, что кто-то мог быть связан с пропажей Вивиан, сносило голову. Мысли путались, в висках стучала кровь, а перед глазами всё время вставало её лицо. Спокойное, с лёгкой улыбкой, какой она улыбалась только ему. Её голос, когда она называла его по имени. Её руки на его лице в последние дни вместе.

Зейн приказывал себе держать в руках все свои чувства.

Мечтал, чтобы холодный ум вернулся. Но холодный ум молчал, уступая место глухой, животной ярости, которая клочкотала где-то под рёбрами и требовала выхода.

Он всю ночь ворочался. Смял простыни в комок. Сбросил подушку на пол. Вставал, пил воду прямо из кувшина, не чувствуя вкуса, смотрел в окно на звёзды, которые медленно гасли одна за другой.

— Да чтоб тебя, — прошептал он в темноту, сжимая кулаки. — Чтоб тебя, Дервиши.

А когда солнце залило комнату золотистым, ещё робким светом — подорвался одеваться. Рубашка натянулась на пле-

чах. Сапоги зашнуровались почти без участия сознания.

Было ещё рано. Но Зейн не раз тренировался с Тиера-ном Дервиши. Тот всегда вставал с рассветом. Эта привычка въелась в преподавателя за сотни лет, он сам как-то обмолвился об этом между ударами на тренировочном полигоне, когда Зейн спросил, почему он всегда такой свежий на утренних занятиях.

— С рассветом просыпается и совесть, и тело, — ответил тогда Тиеран, вытирая пот со лба. — А без совести жить проще, но скучнее.

Утренняя прохлада касалась кожи, заставляя мурашки бежать по рукам и спине. Зейн не мог унять дрожь в кулаках. Сжал их так, что костяшки побелели. Разжал. Снова сжал. Кровь прилила к пальцам, окрашивая их в розовый.

Нет.

Я не буду бить преподавателя.

Он почесал костяшки тыльной стороной ладони о штанину и глубоко выдохнул. Пар вырвался изо рта маленьким облачком. Дрожь не унималась, но он был готов. Готов к тому, что сейчас он что-то узнает. Правду или ложь, но хоть что-то.

Коридоры академии были пусты. Только редкие слуги шаркали по углам, низко кланяясь и пряча глаза. Зейн шёл быстро, почти бежал. Сердце колотилось где-то у горла.

Он ощущал присутствие учителя в кабинете ещё до того, как подошёл к двери. Какая-то особая тишина стояла за массивной дубовой дверью. Живая. Как будто внутри кто-то

ждал.

Зейн постучал.

— Войдите, — раздался глухой голос. Немного хриплый. Невыспавшийся.

Зейн толкнул дверь.

Тиеран Дервиши сидел в своём тёмном кресле, которое помнило сотни учеников. Шторы были плотно закрыты, словно он не желал пропускать сюда утро. В кабинете пахло старыми книгами, пылью и чем-то горьким, похожим на полынь. На столе догорала свеча, оставляя после себя лужицу воска и чёрный, обугленный фитиль.

— Зейн? — удивился Тиеран, сразу глядя на часы. Его бровь поползла вверх. — Ты... рано. Что-то случилось?

Зейн был напряжён с головы до ног. Каждая мышца казалась натянутой струной, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Он навис над столом, хмуро глядя на преподавателя, уперев ладони в столешницу. Тот выглядел удивлённым. В самом деле удивлённым без притворства, без театральности. В тёмных глазах мелькнуло искреннее недоумение.

— Вы от меня что-то скрываете? — спросил Зейн. Голос прозвучал жёстче, чем он хотел.

Тиеран откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди. Кожа старого кресла жалобно скрипнула.

— Зачем мне что-то скрывать от тебя? — Его лицо нахмурилось, на лбу пролегла глубокая складка. — Мы всегда

говорили прямо. Или я что-то пропустил?

— Не знаю, — ответил Зейн, и его пальцы впились в край стола. — Может, чтобы запутать меня и спокойно украсть Вивиан?

В кабинете повисла тишина. Такая густая, что можно было резать ножом. Даже свеча, казалось, перестала трещать.

Тиеран медленно выпрямился. Его глаза потемнели, из тёмно-карих превратились в почти чёрные.

— Ты уверен в том, в чём обвиняешь меня? — спросил он тихо.

— Виктор Дервиши вам о чём-то говорит? — Зейн усмехнулся, но усмешка вышла язвительной, почти злой.

Тиеран задумался.

Его взгляд ушёл в сторону, застыл на тёмном пятне на стене. Правая рука преподавателя медленно, почти неосознанно, сжалась в кулак. Левая легла на подлокотник, пальцы впились в потёртую кожу.

Он скрывал часть своей жизни. Тщательно и долго. Как прячут яд под языком. Но даже от самого себя невозможно убежать навсегда.

— Виктор? — переспросил Дервиши, и в его голосе прорезалось что-то неуверенное. То, чего Зейн никогда не слышал в этом уверенном, спокойном голосе. — Подожди...

Зейн достал письмо. Пальцы дрожали, но он не позволил себе замешкаться. Резким движением прижал бумагу к столу.

— Читайте.

Тиеран склонился. Читал долго. Слишком долго для того, кто видел сотни документов за минуту. Зейн следил за его лицом, ловя каждую перемену выражения. Сначала недоумение. Потом узнавание. Потом что-то тёмное, тяжёлое, то, что преподаватель попытался спрятать, но не успел. Его губы сжались в тонкую нитку.

— Вы должны мне ответить, — сказал Зейн, и его голос зазвучал глухо, почти угрожающе. — Иначе вам придётся иметь дело с королями главных королевств в этом мире.

Он не блефовал. В его тоне не было ни капли сомнения.

Тиеран поднял голову. Взгляд стал тяжёлым.

— Ты не представляешь, во что ввязываешься, Зейн, — тихо сказал он. — Не представляешь даже на четверть.

— Тогда объясните.

В этот раз Тиеран задумался подольше. Гораздо дольше. На целую вечность, растянувшуюся на несколько секунд. Зейн увидел, как поменялось его лицо, словно под кожей прошла судорога, словно он прикоснулся к чему-то, что пытался забыть много лет. Сотни лет.

— Я не желаю об этом говорить, — наконец произнёс преподаватель отрывисто.

Зейн медленно обошёл стол. Каждый его шаг гулко отдавался в тишине кабинета. Он навис над креслом, заслоняя собой тусклый свет свечи. Тень упала на лицо Тиерана, разделив его на две половины — светлую и тёмную.

А потом его губы раздвинулись в улыбке, обнажающей клыки.

— Вы обязаны рассказать мне всё, что знаете, — прошептал он, наклоняясь к самому уху Тиерана. От его дыхания волосы преподавателя чуть шевельнулись. — Если не хотите считаться без вести пропавшим.

Он не шутил. Тиеран знал это. Чувствовал исходящую от принца чистую ярость, которая не знала преград. Но не испугался. Только прищурился, и в уголках его глаз появились мелкие морщины.

Они смотрели друг другу в глаза. Каждый думал о своём. Тиеран — о том, как далеко готов зайти, чтобы сохранить свои тайны. Зейн — о том, как далеко готов зайти, чтобы их раскопать.

Терпение принца улетучивалось с каждой секундой.

— Кто такой Виктор? — потребовал он, и в его голосе прозвучало что-то первобытное.

Тиеран вздохнул. Неужели пришло время сбрасывать с плеч груз, который нёс десятилетиями. Даже стол, казалось, скрипнул под тяжестью этого вздоха.

— Если я правильно помню... — Он потёр переносицу, вспоминая, закрыл глаза на мгновение. — То Виктор приходится мне одним из племянников.

Зейн опешил. На мгновение его лицо потеряло всю воинственность, став просто удивлённым. Рука, сжимавшая письмо, ослабла.

— Племянником? — переспросил он. Голос сел. — Вы из Королевства Смерти?

Тиеран кивнул.

Один короткий, почти незаметный кивок. Но он сказал больше, чем тысяча слов. Преподаватель не хотел, чтобы кто-то узнал об этом. Никто. Никогда. Он построил новую жизнь на пепле старой, и сейчас этот пепел снова начал тлеть. Но правда имеет обыкновение вылезать наружу в самые неподходящие моменты.

— Из какой вы семьи, господин Дервиши? — Зейн прищурил глаза, сканируя лицо Тиерана, как открытую книгу, пытаясь прочесть между строк.

Тиеран помолчал. Его пальцы барабанили по подлокотнику короткий, нервный ритм.

— Я второй принц Королевства Смерти. — Он произнёс это так, будто выдавливал из себя яд. — Эпиал — мой старший брат. Король... — Тиеран сделал паузу, и Зейн заметил, как дёрнулся кадык на его горле, как напряглись желваки. — Король Королевства Смерти.

Зейн сжал письмо под своей рукой. Края бумаги затрещали, грозя порваться окончательно. Он чувствовал, как злость стремительно заполняет тело от кончиков пальцев до макушки, до самых корней волос. Всё это казалось странным и ненастоящим. Словно он провалился в чужой сон, в чужой кошмар, из которого не было пробуждения.

— Зейн, — Тиеран подался вперёд, и его голос стал мягче,

почти умоляющим. Впервые за всё время разговора. — Я никак не связан с тем, что случилось с твоей невестой. Ты должен мне поверить.

— Почему я должен вам верить? — прошипел Зейн, но в его тоне уже не было прежней уверенности. Только боль. Только страх, который он пытался спрятать за злостью.

— Потому что я сотни лет назад покинул дом, желая забыть всё, что с ним связано, — сказал Тиеран, и его глаза вдруг стали очень старыми. В них отразилась целая жизнь, от которой он сбежал. — Я ненавидел своего брата. Я хотел жить нормально. Начать новую жизнь. И начал. Всё равно трон принадлежал ему. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — И если Вивиан у него... то я сильно сочувствую тебе.

Зейн сглотнул. Он попытался сказать что-то, но из горла вырвался только хрип.

— Потому что шанс, что она мертва, очень велик, — продолжил Тиеран, и каждое его слово падало на пол, как камень, как приговор. — Эпиал никогда не любил держать кого-то долго. Его нетерпение губило всех. Всех, кто попадал в его руки.

— Виктор, — перебил Зейн, не в силах слушать дальше. — Ему можно доверять?

Тиеран покачал головой. Медленно. С горечью, которая копилась столетиями.

— Я не знаю. — Он посмотрел куда-то сквозь Зейна, в своё далёкое прошлое, где маленький мальчик бегал по хо-

лодным каменным залам. — Когда я уходил, он был ещё ребёнком. Совсем маленьким. — Тиеран разжал кулак и посмотрел на свою ладонь, словно надеялся увидеть там ответ. — Как он мог вырасти нормальным с таким отцом? — Тиеран усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Эпиал — самый худший из всех, кого я встречал. Мальчишка был сам по себе. Вокруг никого. Лишь отец и холодные камни.

Зейн отпустил письмо. Оно упало на пол и медленно развернулось, как белый цветок, распустившийся на ветру.

Он стоял и молчал. Потому что не знал, что сказать. А в голове билась одна мысль, холодная, как лезвие ножа.

Вивиан в руках безумца. И времени почти не осталось.

Глава 15. Убежище

Вивиан посмотрела вниз, на свои руки, на землю под ногами и впервые за долгое время не почувствовала тяжести. Ошейник, который давил на горло дни и ночи напролет, исчез. Она провела пальцами по шее, ощущая гладкую кожу, и это чувство свободы было почти неправильным, почти пугающим после стольких дней в заточении. Где-то в груди зародилась странная легкость, но вместе с ней пришло головокружение. Резкий прилив энергии ощущался во всем теле, магия проснулась после долгого сна. Или это было из-за падения с высоты? Вивиан посмотрела на обломки вокруг, на пыль, которая еще не осела, и не могла поверить, что это она сотворила все это.

— Не думал, что наш план побега придется приводить в исполнение так скоро, — голос Виктора прозвучал где-то рядом, и Вивиан повернула голову. Он стоял, засунув руки в карманы, и оглядывал разрушенную стену, груды камней, которая еще недавно была частью королевского замка. В его голосе слышалось что-то между восхищением и усталостью. — Ты могла бы предупредить.

— Я не контролирую это, — Вивиан пожала плечами, и тут же пожалела, по телу пробежала мелкая дрожь. Внутри нее теперь бушевало что-то огромное и непонятное. Магия пульсировала где-то глубоко, словно проснувшийся зверь, и

Вивиан не знала, сможет ли удержать его в узде.

— Ничего не болит? — Виктор прищурился, внимательно вглядываясь в ее лицо, в походку, в каждое движение. Он анализировал, просчитывал, Вивиан видела это по тому, как его глаза бегали по ее фигуре, оценивая повреждения.

— Нет, — покачала головой она, но почему-то не смогла встретиться с ним взглядом. Тело казалось чужим, слишком легким и одновременно слишком тяжелым.

— У тебя лицо бледное, — недоверчиво проговорил Виктор, глядя на нее в упор. Он сделал шаг ближе, и Вивиан инстинктивно отступила. — Ты можешь мне сказать, ладно? Не геройствуй. Я видел, как магия выжигает фэйри изнутри, если сдерживать ее слишком долго.

— Я... не могу, — смутилась Вивиан, отворачивая голову. Щеки предательски порозовели на бледном лице, единственное пятно цвета во всей этой серой пустоши.

— Не можешь что? — не понял Виктор, и в его голосе проскользнула тревога. — У тебя идет кровь? — Он окинул взглядом ее бедра.

— Я не ранена, — Вивиан крепче обхватила себя руками. Ветер на вершине обломков, где они стояли, был холодным, но не это заставляло ее дрожать.

— Я не про это, — сам смутился Виктор, внезапно поняв, куда могла уйти его мысль. Он отвел взгляд и потер затылок — жест, который Вивиан уже начала узнавать. Он делал так, когда чувствовал себя неловко. — Ну... там. Ладно, извини.

Забудь, что я спросил.

— Что? Нет! — Вивиан готова была провалиться сквозь землю. Боги, о чем он подумал?! Кровь прилила к лицу, и теперь она, наверное, была пунцовой от макушки до ключиц. — Я просто чувствую себя, будто меня скоро стошнит! И голова кружится. И руки трясутся. И...

— Ох, это... — Виктор облегченно выдохнул, и уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. Напряжение в плечах спало. — Это нормально. Ну, говорить об этом и чувствовать. Твоя магия долго сидела взаперти. Резкий прилив может вызвать головокружение и рвоту. Постарайся сильно не радоваться и не злиться. Перепады настроения тоже плохо сказываются на магии. Она сейчас как дикая лошадь, дернешь поводья не в ту сторону, и понесет.

— Постараюсь, — усмехнулась Вивиан. Это звучало забавно. Не радоваться после побега из темницы, не злиться после всего, что с ней сделали, хотя чувств никаких не было. Вообще. Только странная пустота и эта дрожь, которая не проходила. — Что нам теперь делать? Мы не можем оставаться здесь.

— Отец захочет тебя убить, — осторожно сказал Виктор, и его лицо стало жестче, скулы заострились, а глаза сузились. Он говорил о своем отце так, словно речь шла о стихийном бедствии, а не о живом существе. — Поэтому я веду тебя в одно укромное место. Единственное, где ты будешь в безопасности.

— Он будет искать меня? — Вивиан посмотрела в сторону замка, откуда все еще поднимались клубы пыли. Казалось невероятным, что будучи такой хрупкой, как она, можно было причинить столько разрушений.

— Думаю, да, — кивнул Виктор, бросив быстрый взгляд на дымящиеся руины. — Ты разрушила четверть его замка. Будет трудно это игнорировать. Отец не из тех, кто прощает такие оскорбления. Если кто-то посмел ударить по его гордости, он будет мстить до последнего.

— А что будет с тобой? — Вивиан вдруг испугалась не за себя. Виктор рисковал всем. Он мог потерять все — положение, безопасность, возможно, *жизнь*.

— Я доставлю тебя в деревню, а сам вернусь и сделаю вид, словно вернулся из вылазки вовремя, — он говорил буднично, словно речь шла не о смертельном риске, а о скучной работе. — Скажу, что ничего не видел, ничего не слышал. Отец поверит. Я никогда не давал ему повода сомневаться.

— Меня все же вырвет, — перебила Вивиан, останавливаясь. Желудок скрутило резко, не спрашивая разрешения. Мир перед глазами качнулся, и она успела сделать только два шага в сторону, прежде чем ее согнуло пополам.

Она согнулась над землей, держа руками передние пряди, чтобы те не упали в грязь. Тело сотрясилось от спазмов, но вышло совсем немного, в темнице почти не кормили, а Виктор приходил с едой вечером. Какой-то жалкий кусок хлеба утром, кружка воды на ночь. Этого было недостаточно даже

для того, чтобы нормально вырвать.

— Это так ужасно, — простонала Вивиан, когда приступ отпустил. Она выпрямилась, вытерла рот тыльной стороной ладони и почувствовала, как горло жжет кислотой. — Можешь не смотреть? Это отвратительно.

— Мы идем к лошади. Боюсь, это не последний раз и оставиваться придется много, — усмехнулся Виктор. Он достал из кармана платок и молча протянул ей.

— Какой стыд, — прошептала Вивиан, вытирая рот и чувствуя, как горит лицо. Принцесса Солнечного Королевства, блюющая на камни в Королевстве Смерти.

Великолепно.

Отец был бы так горд.

— Поторопимся. — Виктор уже шел вперед, и его шаги были быстрыми и уверенными. — Лошадь ждать не любит.

Виктор оглянулся на дворец, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь пыльную мглу, которая все еще висела в воздухе, оседая на одежду и волосы, делая их серыми. Но он был уверен, что отец сначала обдумает дальнейший план. Отец не был импульсивным, он любил просчитывать ходы, взвешивать риски. К счастью, король не знал, куда Виктор поселил мать.

В округе было много деревень, куда король сначала заглянет. И его темные рыцари работают быстро со своим нюхом, как у гончих.

Деревня, в которой жила мать Виктора, была ничем не

примечательной. Такой же, как и все. Только немного севернее.

— Мой дед — лекарь, он осмотрит тебя, — сказал Виктор, когда они подошли к лошади. Та всхрапнула, косясь на Вивиан темным глазом и перебирая копытами по камням.

— Они не будут против? — Вивиан с сомнением посмотрела на животное. Она не садилась в седло уже очень давно, с тех самых пор, как покинула Лунный дворец. — Твоя мать... и дед. Они не выгонят меня?

— У них есть выбор? — Виктор посмотрел на Вивиан, и та снова смутилась под его прямым взглядом. В его словах не было угрозы, только констатация факта.

— Спасибо, что помогаешь. Правда, — Вивиан опустила глаза. — Я не знаю, что бы делала без тебя. Наверное, лежала бы сейчас под камнями.

Виктор кивнул, забираясь в седло с привычной легкостью, которой делает это каждый день. Он протянул руку Вивиан.

Она залезла и села сзади, крепко обхватив Виктора за талию, как только они рванули вперед. Пришлось вцепиться мертвой хваткой, конь сорвался с места быстрее, чем она ожидала, и если бы не сильные руки принца, она бы точно полетела на землю.

Вивиан любила лошадей.

В Лунном дворце у нее была своя, белая кобыла по имени Рена, а в Солнечном — Мрак.

Сейчас Вивиан боялась скорости, с которой несся конь

Виктора. Боялась, что не удержится. За его спиной не видно было, что их ждало впереди. Только ветер свистел в ушах, вышибая слезы и заставляя волосы бить по лицу. Витиеватые горные тропинки заставляли желудок сжиматься каждый раз, когда копыта скользили по камням.

Холод пробирал до костей. Чем выше они поднимались, тем становилось хуже. Воздух становился тоньше, и каждый вдох отдавал ледяной болью в груди. Вивиан чувствовала, как пальцы немеют, как нос перестает чувствовать запахи, как мысли становятся вязкими и медленными.

— Сколько нам добираться? — крикнула Вивиан, вытянувшись, чтобы ее голос не унес ветер. Губы онемели, слова выходили с трудом.

— Несколько часов! — крикнул в ответ Виктор, не оборачиваясь. Его голос был ровным — холод ему был нипочем. — Если лошадь не выдохнется!

Из-за ветра и шума копыт разговаривать было бесполезно. Вивиан не хотела двигаться и смотреть, как быстро сменяются пейзажи: серые скалы сменялись черными, черные — бурыми, и все это мелькало перед глазами, вызывая тошноту. Она дышала глубоко и медленно, чтобы снова не вывернуть желудок наизнанку. Пальцы замерзли так сильно, что она почти не чувствовала их, и держаться становилось все труднее.

Природа Королевства Смерти была суровой — голые скалы, которые видны как на ладони на многие мили вокруг.

Никаких растений и деревьев. Только серая, черная, бурая порода, острые пики и глубокие ущелья. Ни единой травинки, ни кустика, только камень и холод.

Когда Вивиан читала про Горный город в книгах, которые ей приносили в детстве, то представляла себе зеленые горы с незнакомыми цветами и деревьями, журчащие ручьи и уютные долины. Может быть, даже водопады. Здесь не было ничего, кроме каменных глыб, острых, как зубы древнего чудовища. Трудно было представить, как выглядели деревни в этом королевстве. Теперь она могла увидеть это своими глазами.

— Спрячь руки под жилет, — крикнул Виктор, почувствовав, как сильно она дрожит. Он ощутил вибрацию через спину. — Ты вся дрожишь!

— Все нормально, — соврала Вивиан, стараясь не стучать зубами. — Мне не холодно. — Зубы предательски клацнули, выдав ее с головой.

Виктор недовольно покачал головой, боясь, что она просто выпрыгнет из седла или потеряет сознание от холода. Тонкие руки Вивиан были скреплены в замок на его животе, она держалась так крепко. Взяв поводья в одну руку, он дернул свой жилет вверх, а затем накрыл руки Вивиан сверху, удерживая их в тепле. Ткань была грубой, но теплой — пропитанной теплом его тела.

Принцесса напряглась. Каждую мышцу свело, словно ее ударило током.

Сейчас происходило что-то неправильное.

Вивиан покраснела, чувствуя, как лицо покрылось жаром. После холода это было почти болезненно, как если бы она сунула руки в горячую воду после снега.

В голове всплыл Зейн.

Его лицо, его глаза, его требовательный, собственнический голос. Если бы он увидел это... Если бы он увидел, как близко она сидит с Виктором и держит руки под его одеждой, он бы убил его. Без колебаний. Не думая о последствиях. А потом закрыл бы Вивиан в комнате на всю оставшуюся жизнь «для ее же безопасности».

Почему-то такая перспектива не пугала. Совсем. Вместо всего, что произошло за последние недели, Вивиан была согласна вернуться в Лунный дворец и сидеть в комнате. С Зейном.

Она снова и снова вспоминала его лицо, его губы, его руки, его запах и чувствовала, как оцепенение, сковавшее сердце после похищения, начинает оттаивать. Кажется, то, что она сказала в их последнюю встречу, начинало сбываться. Или уже сбылось.

И Вивиан улыбнулась, зная, что никто не увидит ее улыбку. Только холодный ветер да серые скалы.

Лошадь начала уставать, дыхание стало прерывистым, шаги тяжелыми, и Виктору пришлось попустить поводья, позволяя ей перейти на шаг. К счастью, деревня была уже близко. Он узнавал эти тропы даже с закрытыми глазами. Каж-

дый камень, каждый поворот.

Вырезанная каменная роща встречала своих гостей молчаливым величием. Большие каменные глыбы, которые когда-то были вырезаны в каменные деревья. Голые грубые ветки больше походили на иглы, чем на настоящие ветви. Местные мастера не стремились к красоте, только к сходству. Но в этом было что-то свое.

Вивиан с интересом наблюдала за местной природой, забыв на миг о холоде. Ей вдруг захотелось спросить, кто это сделал, зачем, сколько времени ушло. Но язык не поворачивался.

Голова болела от ледяного ветра, но Вивиан была закрыта от него широкой спиной Виктора, а руки лежали в тепле его жилета. К счастью, под жилетом была рубаша из толстой шерсти, и ткань грела почти как одеяло. Если бы не это, она бы уже превратилась в ледышку.

— Здесь кто-то живет? — с сомнением спросила Вивиан, когда они проехали по дорожке среди домов, больше похожих на пещеры, врезанные в скалы. Ни одного окна — только низкие дверные проемы и редкие дымоходы, из которых вился дым. — Я имею в виду — постоянно? Фэйри живут в этих... норах?

— Конечно, — кивнул Виктор, натягивая поводья. — Понимаю, что для тебя это возмутительно, но в наших краях это норма. Мы строим из того, что есть. А здесь есть только камень.

— Не правда, — соврала Вивиан, хотя именно это и подумала. — Просто... я не привыкла видеть такое. Королевство Смерти всегда скрыто от общего мира. Мы ничего не знаем о вас и вашей жизни. Только слухи и старые легенды. И ни одна легенда не рассказывала про каменные дома без окон.

— Отец считает, что это глупо собираться чаще, чем раз в сто лет, — сказал Виктор, и в его голосе проскользнула горечь. — Он... Ты и сама видела. Он не любит гостей. Не любит, когда кто-то смотрит на его королевство.

— Почему ты живешь с ним? — спросила Вивиан тихо. — У тебя же есть мать. Ты мог бы жить здесь. С ней. В этой деревне. Никто бы не узнал.

— Сам не знаю, — Виктор пожал плечами, но движение вышло резким, почти злым. — Кто-то из его детей рос во дворце, кто-то рядом, в деревнях. Я не понимаю, как он делил всех своих отпрысков. Обычно все его сыновья, кто жил во дворце, сразу сбегали, как только становились совершеннолетними. Собирали вещи и исчезали в ночи. Никто не возвращался.

— Сыновья? — переспросила Вивиан осторожно, чувствуя, что наступает на тонкий лед. — Дочерей не рождалось у короля? Совсем?

— Ты уверена, что хочешь слышать ответ? — неловко спросил Виктор, и в его голосе появилось странное напряжение. Он сжал поводья, желая прогнать воспоминания.

— Ладно... — Вивиан решила не настаивать. — А ты по-

чему не сбежал? Сколько тебе лет?

— Кажется, сто пятьдесят девять или сто шестьдесят. — Он сказал это так непринужденно.

— Ты не помнишь, сколько тебе лет? — она не поверила своим ушам. В Лунном королевстве каждый день рождения был событием.

— А почему я должен помнить? — Виктор обернулся к ней через плечо, и его лицо выражало искреннее недоумение. — Дни идут, годы идут. Какая разница, сколько их прошло?

Вивиан опешила. Открыла рот, закрыла. Снова открыла.

— День рождения — это праздник! — воскликнула она, и голос ее сорвался на высокие ноты. — Каждый год единственный день, который только для тебя. Собирается вся семья, гости. Во дворце устраивают бал. Подарки, музыка и сладости. Это волшебство.

— Звучит не очень весело, — сказал Виктор равнодушно, и Вивиан не поняла, шутит он или говорит серьезно. — Много шума. Много фэйри. Я не люблю, когда на меня смотрят.

— Я обязательно позову тебя на свой день рождения, — улыбнулась Вивиан, и в этой улыбке впервые за долгое время не было вынужденности. Она была настоящей. — Тебе очень понравится. Обещаю. Я лично прослежу.

Но улыбка быстро сползла. Будут ли вообще праздники в жизни Вивиан? Увидит ли она еще Лунный дворец? Своего отца и мать? Брата? Зейна? Или все, что осталось в про-

шлом, навсегда ушло, и теперь ее будущее — это каменные пещеры и холодные скалы?

— Я приму твоё приглашение, — Виктор попытался улыбнуться в ответ, заметив изменившееся настроение. — Если ты так настаиваешь.

Лошадь поворачивала в промежутках между каменными домами, такими узкими, что Вивиан могла коснуться обеих стен, если бы вытянула руки. Вивиан с интересом наблюдала за жителями, которые не особо обращали внимания на чужаков. Несколько женщин, закутанных в платки, перебирали что-то в корзинах. Дети — бледные, с темными волосами — бегали по улицам, играя в какую-то игру. Никто не пялился, не показывал пальцами. Для них она была просто гостьей, ещё одной прохожей.

Это принесло облегчение.

— Мы приехали, — наконец сказал Виктор, остановившись у одной из пещер, ничем не отличавшейся от других. Такая же серая дверь, такой же дымоход, такие же ступеньки.

Виктор помог Вивиан слезть с коня. Она чуть не упала. Ноги затекли и не слушались после долгой дороги, мышцы болели от напряжения. Он подхватил её под локоть, удержал. Привязал поводья к каменному столбу, заменявшему забор — простой грубый камень с торчащим железным кольцом. Принцесса неловко переступила с ноги на ногу, пытаясь вернуть чувствительность онемевшим конечностям.

— Постучишь в дверь? — предложил Виктор, кивнув на

низкий дверной проем. — Дедушка не любит, когда я вхожу без стука.

Вивиан кивнула. Сделала шаг, второй.

Каменный забор — просто ряд валунов, сложенных друг на друга, каменные ступеньки, выбитые в скале, каменный дом, врезанный в гору — все из серого, холодного камня. Было неуютно находиться в этой безжизненной массе. Вивиан почувствовала, как тоска сжимает сердце, так не похоже на светлые залы Солнечного и Лунного дворца, на мрамор и золото, на цветы в вазах и шелк на окнах.

На ватных ногах Вивиан подошла к подобию двери. Тоже каменной, но с грубой металлической ручкой, нагретой солнцем.

Стук, который должен был глухо пропасть в камне, звонко застучал по металлической пластине. Вивиан удивленно взглянула на Виктора, но тот не понял ее удивления.

Дверь открылась. Высокая женщина с платком на голове, повязанным на затылке, выглянула наружу и с удивлением уставилась на гостей. Она была бледной, с глубокими морщинами вокруг глаз и губ, но глаза у нее были молодые — яркие, живые, того же оттенка, что и у Виктора.

— Виктор, — радостно сказала она, выходя к сыну. Она обняла его, нежно улыбаясь, и Вивиан заметила, как размягчилось лицо принца — исчезла жесткость, усталость осталась, но теперь она была другой, почти домашней. — Как же я рада тебя видеть, — говорила женщина, взяв сына за плечи

и отстранившись, чтобы рассмотреть его лицо. — Ты долго не приезжал. Я волновалась. Каждую ночь молилась.

— Были дела, — сказал Виктор, глядя на Вивиан. — Мам, это Вивиан. Моя... гостья.

— Вивиан, — повторила женщина, повернув голову к гостье. Она смотрела с интересом, изучала. — Вивиан. Красивое имя. Виктор, ты приехал показать невесту? — В ее глазах загорелся озорной огонек, и она улыбнулась шире.

— Нет, мама, — недовольно сказал Виктор, и уши его покраснели, Вивиан заметила это, даже несмотря на холод. — Вивиан нужно спрятать. Это самое безопасное место, которое я знаю. Мой отец...

— Не говори ничего про него, — перебила женщина, и теплота в ее голосе остыла. Она перевела внимание на девушку. — Вивиан. Меня зовут Элида. Ты голодна? Плохо себя чувствуешь? Тебе срочно нужно помыться и переодеться. Откуда же вы приехали такие? Выглядишь как после битвы.

— А как она должна выглядеть, просидев в темнице? — парировал Виктор. — Постарайся не донимать ее разговорами. Хорошо? Ей нужен отдых, а не допрос.

— А ты? — Элида посмотрела на сына с надеждой. — Останешься на ужин? Я зарежу курицу. У нас есть свежая зелень.

— Мне нужно ехать, а ты иди в дом, — Виктор покачал головой, и в его взгляде мелькнуло сожаление. — Не могу. Если меня хватятся... — Он не договорил. — Вивиан, не

переживай ни о чем. Здесь тебя не обидят. Хорошо?

— Да, — тихо кивнула она, чувствуя, как паника сжимает горло при мысли, что Виктор сейчас уедет. Он был единственной знакомой ниточкой в этом чужом мире. Единственным, кто говорил с ней не как с врагом или добычей.

— Твои силы вернулись, — неловко сказал Виктор, понизив голос, чтобы мать не слышала. — Пообещай мне, что не будешь их использовать для связи.

— Но... — начала Вивиан, вспомнив о Зейне. Она могла бы позвать его. Всего одно сообщение, и он узнает, где она. Примчится. Спасет.

— Это опасно, — строго перебил Виктор, понимая, что мать все еще здесь. Он взял Вивиан за плечи, заставив смотреть на него. — Магия привлекает внимание. Темные рыцари отца чувят ее за много миль. Если ты воспользуешься ею, они найдут тебя раньше, чем твой принц успеет сесть на коня. Мам, иди в дом.

Женщина улыбнулась, бросила последний любопытный взгляд на Вивиан и все же вернулась в дом, притворив за собой дверь.

— Зейн спасет меня, — с надеждой произнесла Вивиан. Она верила в это всем сердцем. Не могла не верить. Если бы она перестала верить, то что бы у нее осталось?

— Нам не нужна война, — возмущенно парировал Виктор, и в его голосе прорезалась жесткость. — Просто пообещай. Я же сказал, что доставлю тебя домой. Страшное — по-

зади. Не усложняй. Дай мне время.

— Обещаю, — помедлив, сказала Вивиан. Она была слишком воодушевлена возвращением магии и надеждой на дом, но Виктор хотел ей помочь. Она не должна подводить его. Не после всего, что он сделал для нее.

— Спасибо, — кивнул Виктор, и напряжение в его плечах чуть спало. Он убрал руки. — Ладно, беги в дом. Ты вся дрожишь. И... береги себя.

Вивиан провожала его взглядом до коня, заметив, как устало он выглядит. Мешки под глазами, ссутуленная спина, впалые щеки.

Когда он вообще спал в последний раз?

И ел?

Снимая с плеч дублет, в котором ей было теплее, чем в тренировочном костюме, Вивиан пошла за Виктором.

— Держи, — сказала она, протягивая одежду. Ветер тут же пробрал до костей, но она не пожалела. — Тебе нужнее. И спасибо за все. За то, что не оставил меня там.

Виктор кивнул, одеваясь. Дублет пришелся ему впору. Он запахнулся, и лицо его стало чуть менее изможденным.

Он был чем-то расстроен или просто очень устал, потому что не сказал ни слова. Просто молча развернул коня и ускакал обратно по каменистой тропе, быстро скрывшись из виду за поворотом.

Холодный ветер прошиб кожу, заставляя Вивиан поспешить в дом. Она почти бегом преодолела несколько ступеней

и толкнула дверь.

Но там Элида оказалась не одна. Она стояла рядом со стариком с длинной седой бородой и глубоко посаженными глазами, и они о чем-то спорили. Вернее, спорила Элида, а старик только качал головой и разводил руками, бормоча что-то недовольное.

— Здесь безопасно! — возмущенно крикнула она. — Отец, ты же не выгонишь девушку на мороз? У нее нет ни еды, ни крова, ни теплой одежды!

Старичок хотел что-то сказать, но обратил внимание, что Вивиан стоит в дверях, обхватив себя руками и дрожа.

— Добрый день, — тихо сказала она, скрывая неуверенность за вежливостью. — Извините, что беспокою. Я ненадолго.

— Проходи, деточка, — позвала Элида, бросив на отца победоносный взгляд. — Отец, это Вивиан. Она проживет с нами несколько дней. И не спорь.

Мужчина точно был не рад гостям. Не представился, даже не сделал вид, что она может остаться. Только стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Вивиан так, словно она была вражеским захватчиком. Или чумой.

— Спасибо, что позволили остаться, — дрожащим голосом сказала Вивиан, пытаясь напрячь тело, чтобы оно перестало трястись. Получалось плохо. Зубы стучали, как кастаньеты.

— Ты голодна? Хочешь горячий чай? — предложила Эли-

да, оттесняя отца плечом. — У меня есть травяной сбор, согревает лучше любого одеяла.

Вивиан не знала, что ответить, чтобы не чувствовать себя неудобной. «Да» — значит, обуза. «Нет» — солжет, и желудок выдаст ее снова громким урчанием.

Старик фыркнул и вышел из дома, хлопнув дверью так, что задрожали стены и с потолка посыпалась мелкая каменная крошка. Элида проводила его расстроенным взглядом, вздохнула и покачала головой.

— Наверное, будет лучше, если я откажусь, — сказала Вивиан, сжимаясь под тяжестью момента. — Не хочу стеснять вас. Кажется, вы поссорились из-за меня. Я могу пойти в другое место...

— Нет, ты что, — Элида махнула рукой, и на ее лице снова засветилось тепло. — Отец не может простить мне мою юность. Он на дух не переносит то, что Эпиал разрушил мою жизнь, и я осталась одна с сыном. Он испытывает стыд и вину за меня. Думает, что недоглядел, не уберег, отпустил туда, куда не надо. А теперь любой, кто связан с дворцом, вызывает у него гнев.

Вивиан запомнила — короля зовут Эпиал. Насколько ей это пригодится в будущем, она не знала, но знание никогда не бывает лишним. Она повторяла про себя это имя, чтобы не забыть.

Не забыть перерезать ему горло.

— Простите, что доставляю проблемы, — лишь сказала

Вивиан, продолжая стоять у двери, сжав руки в замок. Она не решалась сделать шаг дальше.

— Так, садись здесь, — указала Элида на подобие стула: деревянный, грубо сколоченный, но с каменными ножками, врезанными в пол. — Я сейчас накормлю и согрею тебя. И прекрати извиняться, слышишь? В этом доме никто не извиняется за то, что нуждается в помощи.

Вивиан послушалась. Стул под ней был теплым, а стены — горячими. Приятное тепло разлилось по телу, заставляя мышцы расслабляться, а дрожь — постепенно утихать.

Удивительно, как камень с разных сторон держал разные температуры — снаружи ледяной, внутри прогретый скрытым очагом, который топился где-то в толще скалы. Вивиан прижалась спиной к стене и почувствовала, как тепло проникает прямо в кости.

— Любишь горох? — пролепетала Элида, вероятно, радуясь новому существу в доме. Она хлопотала у печи, занимавшей половину комнаты, доставая чугунок, помешивая что-то в горшке, отрезая хлеб. — Я как раз приготовила мясо с горохом. Осталось только разогреть. Мужчины не любят горох, говорят, от него пучит живот, а мне нравится.

Вивиан кивнула. Горло перехватило от запаха, который вдруг заполнил всю комнату — мясной, домашний.

— Спасибо, — выдохнула она, чувствуя, как глаза начинают щипать. Она не заплачет. Только не сейчас. Не от доброты. Не перед незнакомой женщиной.

— Так, расскажи, пока мы одни, почему же ты оказалась в таком положении? — осторожно спросила Элида, раскладывая еду по глиняным тарелкам. Запах мяса и гороха заставил желудок болезненно сжаться от голода так сильно, что Вивиан на миг показалось, что ее сейчас вырвет снова, но на этот раз от пустоты.

— Я... Меня украли, — ответила Вивиан. Голос прозвучал глухо, даже для нее самой. — Для чего — я не знаю. Король хотел убить меня. Кажется, я нужна ему была для чего-то, а потом... перестала быть нужна. Или он просто хотел насолить моему жениху.

— Ох, бедная, — сочувственно сказала Элида, поставив полную тарелку перед Вивиан. — Хорошо, что ты здесь. Хорошо, что мой мальчик нашел тебя. — Она помолчала, глядя на Вивиан с материнской жалостью. — Тебя вправду держали в темнице? В подземелье?

Вивиан кивнула, не в силах говорить. Комок в горле мешал. Она смотрела на тарелку, на пар, поднимающийся от еды, и не верила, что все это настоящее.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Элида, заметив болезненную бледность и темные круги под глазами.

— Все в порядке, — закивала Вивиан слишком быстро. — Правда. Я просто... устала.

— Поешь, и я покажу тебе, где можно принять ванну, — сказала Элида мягко, но настойчиво. — Вода горячая, я с утра нагрела. А потом попрошу отца осмотреть тебя. Он у

наш местный лекарь. Ворчливый, как старый барсук, но руки золотые. Он вылечил полдеревни, когда мор был. То

— Не нужно, — Вивиан покачала головой. Ей не хотелось, чтобы этот сердитый старик снова на нее смотрел своими колючими глазами.

— Прекрати, — перебила Элида, и в ее голосе зазвенели стальные нотки. — Ты сейчас не в том положении, чтобы отказываться от помощи. Ты в чужом краю, без денег, без вещей, без защиты. Болезнь может скрутить в любую минуту. А мы за тебя в ответе перед Виктором.

С этим Вивиан поспорить не могла.

Она лишь откусила большой кусок мяса как не полагается принцессе, жадно, не жуя почти, даже не почувствовав вкуса, и от блаженства закрыла глаза. Горячее, жирное, пахнущее травами — самое лучшее, что она ела в своей жизни.

Слезы все же потекли по щекам — тихо, без всхлипов.

И за столом каменного дома, в Королевстве Смерти, в сотнях миль от дома, Вивиан впервые за много дней почувствовала, что, возможно, все будет хорошо.

— Спасибо, госпожа, — сказала Вивиан, прожевав.

— Приятного аппетита, деточка, — Элида жалобно посмотрела на нее. — И не называй меня госпожой. Мы не в каком-то дворце. Просто Элида.

Глава 16. Тени как дети

Элида что-то говорила о ветре, горах и о том, чем она была недовольна, но почему-то любила. Ее голос звучал ровно и уютно, как потрескивание дров в печи. Вивиан не вслушивалась в слова, только ловила интонации, и это было странно успокаивающе после всего пережитого.

— ...и этот северный ветер всегда дует, когда не надо, а когда нужен — его нет, — причитала Элида, расставляя по полкам склянки. — Но я уже привыкла. Несколько сотен лет здесь — привыкнешь и не к такому.

Вивиан стояла посреди комнаты, чувствуя, как грязная одежда липнет к телу, и мечтала только об одном — смыть с себя запах темницы, страха и камня.

Женщина положила стопку одежды на стул у двери в ванную, поправила край полотенца и закрыла за собой дверь, оставив Вивиан одну.

Тишина накрыла ее, как холодная волна.

Бочка была наполнена наполовину, а из воды исходил густой пар, поднимающийся к низкому каменному потолку. На стенах мерцал единственный светильник с маслом, отбрасывая танцующие тени. Вивиан смотрела на воду, на отблески пламени, и почему-то именно сейчас, когда она осталась одна, грусть навалилась всей своей тяжестью.

Она медленно разделась.

Пальцы плохо слушались — то ли от холода, который никак не отпускал, то ли от напряжения последних дней. Тренеровочный костюм упал на каменный пол. Вивиан не смотрела на свое тело, боялась увидеть то, что оставили на нем эти дни.

Она погрузилась в воду и тихо выдохнула.

Горячо.

Так горячо, что сначала захватило дыхание, а потом ослабило каждую мышцу.

Вивиан откинулась на край бочки и закрыла глаза.

Кажется, она не помнила, когда последний раз мылась. Во дворце ванна была каждый вечер — с маслами, с пеной, с горячей водой, которую подавали служанки. А здесь — простая деревянная бочка, и от этого почему-то стало еще больнее.

Она села поудобнее и принялась распутывать волосы. Пальцы застревали в колтунах, приходилось тянуть, и от этого щипало кожу головы. Рядом с вещами лежал гребень с широкими зубьями. Вероятно, в глазах Элиды она выглядела совсем плохо, если та догадалась оставить его заранее.

— Спасибо, — прошептала Вивиан в пустоту, хотя женщина не могла ее слышать.

Горячая вода приятно согревала, давая насладиться моментом, когда Вивиан не дрожала. Она распутала волосы, насколько это было возможно, оставляя самые трудные узлы на потом, и наклонила голову назад, глубже погружаясь в воду

до тех пор, пока одно лицо не начало выглядывать над поверхностью.

Тепло обняло ее со всех сторон.

Вивиан закрыла глаза от наслаждения, но почему-то тело предательски задрожало.

Слезы сами покатались по лицу, горячие, тихие, падая в воду с едва слышным плеском.

Она устала.

Она устала так, как никогда в жизни. Душа устала. От страха, от темноты, от камней, от ошейника, от того, что приходилось быть сильной, когда внутри все разваливалось на куски.

Вивиан не знала, сколько просидела так — минуту, десять, час. Вода постепенно остывала, но она не чувствовала холода. Она просто существовала в этой бочке, в этом каменном доме, в чужом королевстве, и позволяла слезам течь.

Потом она все же взяла себя в руки. Вытерла лицо ладонями, глубоко вздохнула и начала тщательно мыться. Она терла кожу до красноты, смывая грязь, пот, кровь — чужую или свою, она уже не помнила. Волосы пришлось промывать трижды, пока вода не перестала темнеть.

Она сидела в бочке, пока вода совсем не остыла, не желая вылезать в холодный воздух комнаты.

Но пришлось.

Вивиан вышла из бочки, обтираясь большим грубым полотенцем, которое оставила Элида. Ткань царапала кожу, но

это было даже приятно чувствовать хоть что-то, кроме камня и страха.

На стуле лежала одежда: простое платье из темной шерсти и костюм — рубашка, толстый свитер и штаны. Вивиан скучала по своим платьям, по шелку, по кружевам, по тому, как она чувствовала себя в них принцессой, а не беспризорницей. Но после недолгого колебания она выбрала штаны.

Она не знала, что будет завтра.

Приедет ли Виктор.

Найдут ли ее темные рыцари.

Бежать в платье было бы труднее, чем в штанах. А она больше никогда не хотела быть беспомощной.

Одежда оказалась велика. Элида была выше на две головы, шире в плечах, и все висело на Вивиан мешком. Пришлось закатать штаны в несколько раз, пока они не перестали волочиться по полу. Рукава свитера она завернула внутрь. Выглядела Вивиан как бедный мальчишка — худой, бледный, с огромными глазами на осунувшемся лице.

Мокрые волосы тяжелой волной лежали на спине и доходили до бедер. Она не знала, что с ними делать. Старая лента дожила своё. Пришлось оставить так.

Вивиан прислушалась перед тем, как выйти, но за дверью было тихо. Ни шагов, ни голосов. Она тихонько приоткрыла дверь и выскользнула в коридор.

В воздухе витал горьковатый запах сушеных трав с чем-то сладким в конце. И едва заметный дым. Дом жил своей

тихой жизнью, и Вивиан чувствовала себя в нем чужой, как залетевшая птица.

Она прошла в комнату, которая служила кухней, и замерла на пороге.

Старик сидел за столом.

В панике Вивиан оглянулась, ища глазами Элиду, но женщины нигде не было. Она хотела развернуться и уйти в ванную, в другую комнату, куда угодно, лишь бы не оставаться с этим сердитым дедом наедине, но старик обернулся.

— Чего боишься? — сказал он, и в голосе не было прежней резкости. — Проходи.

Вивиан молча прошла и села на самый дальний стул, почти у стены. Руки она положила на колени и сцепила пальцы, чтобы не дрожали.

Дедушка что-то варил в маленьком котелке, стоящем на железной подставке над очагом. Рядом на столе были разложены пучки сухих стеблей, горшочки с темной пастой, ступка с пестиком. Прямо как у настоящего лекаря. Воздух вокруг него пах мятой, полынью и чем-то еще, чего Вивиан не могла узнать.

— Меня зовут Лука, — сказал он, не оборачиваясь. Он помешивал варево деревянной ложкой, и движения его были неторопливыми, привычными.

— Меня зовут Вивиан, — ответила она тихо.

— Ты извини меня, что так отреагировал, — сказал он, и в голосе слышалось нечто вроде извинения. Он поставил

ложку и наконец повернулся к ней лицом. В свете очага его морщины казались глубже, а глаза — темнее. — Надеюсь, не напугал тебя? Я жутко вспыльчив, что касается нашего короля. Когда ты приехала, ты жутко воняла. Им.

Вивиан не знала, что на это ответить.

Она опустила взгляд на свои руки.

— Он украл меня, — начала она, чувствуя, что должна оправдаться, хотя не понимала за что. — Я не хотела быть здесь. Я не хотела иметь с ним ничего общего.

— Зачем это ему? — Лука нахмурился, и в его голосе прозвучало искреннее недоумение.

— Не знаю. — Вивиан пожала плечами. — Виктор тоже не знает. Может быть, хотел насолить моему жениху или отцу. Может быть, я нужна была для чего-то, а потом... перестала быть нужна.

— Он его ни во что не ставит, — пробурчал Лука себе под нос, возвращаясь к своему отвару. — Виктора, я имею в виду. Я говорил ему... Ох, ладно. — Он махнул рукой, словно отгонял надоедливую муху. — Как себя чувствуешь?

— Я в порядке, — быстро ответила Вивиан, и Лука тут же обернулся.

Он оглядел ее недоверчивым взглядом с головы до ног. Остановился на бледном лице, на слишком широкой одежде, на мокрых волосах, которые она не могла расчесать.

— Меня-то можешь не обманывать, — сказал он спокойно, но твердо. — Я вижу всех насквозь. Сколько себя помню,

всегда лечил фэйри и умею отличать правду от вежливости.

Вивиан стало неловко. Она поерзала на стуле и отвела взгляд.

— Я правда в порядке, — кивнула она, но голос дрогнул. — Виктор сказал, что от оков блокируется магия. А когда я освободилась, она не знает, куда ей деться. От этого тошнота и головокружение. И слабость.

— У тебя жар, — сказал Лука, и это было не вопросом, а утверждением. Он подошел ближе и приложил тыльную сторону ладони к ее лбу. Рука у него была сухая и теплая, пальцы длинные. — Не сильный, но есть. Организм борется с магическим истощением. Это как голод, только не желудка, а души.

Вивиан не нашлась, что ответить.

— Какая у тебя магия? — спросил Лука, возвращаясь к котелку. Он снял его с огня и поставил на каменную плиту, чтобы отвар остывал.

— В моей семье все обладают огнем, — сказала Вивиан, помедлив. — Но он у меня не открылся. Даже искорки не выходят. У меня есть ментальная магия. Отец всегда опасался ее, поэтому в ней я тоже не преуспела.

— А откуда ты? — Лука взял ступку и начал растирать в ней какие-то сухие листья.

— Из Солнечного королевства, — заставила себя ответить Вивиан. Она не хотела врать, но и не была готова раскрывать все карты.

— Далеко же ты забралась, — сказал старик, будто размышляя, как это могло произойти. Он растирал травы с мерным, убаюкивающим ритмом. — Солнечное королевство. Там тепло, да? Цветы, фрукты, золотые крыши?

— Что-то вроде того, — тихо сказала Вивиан, чувствуя, как сердце сжимается от тоски по дому.

То, что она принцесса, она предпочла не говорить. Не сейчас. Не этому сердитому старику, который только начал смягчаться.

— Тогда откуда же тени? — спросил Лука, и ложка в его руке замерла.

Вивиан замерла тоже.

— Не знаю, — покачала она головой, чувствуя, как в груди разрастается тревога. — Мой жених мог передать мне их? Так предположил Виктор...

Она не стала договаривать — зачем вспоминать все эти бесконечные догадки, которые ни к чему не привели?

— Тени так не передаются, — задумался старик, и его брови сошлись к переносице. — Раньше пугали молодых, что они передается через соитие, чтобы не смешивать запахи. Что если долго быть рядом с темным магом, его магия перетечет в тебя. Но это сказки для детей. Ты чистая. Такого не может произойти. — Он помолчал, глядя в стену невидящим взглядом. — А если это произошло... значит, есть что-то еще.

От этих бесконечных вопросов и размышлений голова по-

тяжелела. Вивиан потеряла виски и почувствовала, как пульсирует кровь.

— Я не умею управлять ими, — сказала она устало. — Как будто они сами понимают, когда нужно выходить. Я даже не зову их, они приходят. И уходят, когда захотят.

— Из какой ты семьи? — спросил старик прямо, глядя ей в глаза.

Вивиан поняла, что врать дальше бесполезно. Или, может быть, ей просто надоело прятаться. Даже от самой себя.

— Я принцесса, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Из семьи Торрес. Мой отец — король Солнечного королевства.

Лука, кажется, не был удивлен. Он лишь многозначительно кивнул, словно подтвердил какую-то свою догадку, и вернулся к травам.

— Тени, как дети, — сказал он, помешивая отвар. — Тянутся к доброму и светлому. Если существо чисто сердцем, они его любят. Но если их не воспитывать, они могут наделаться бед. Много бед.

— Как мне их «воспитывать»? — Вивиан подалась вперед, впервые почувствовав, что этот разговор может дать ей ответы, которых она так долго искала.

— Я научу тебя, — сказал Лука спокойно.

Вивиан улыбнулась впервые с тех пор, как переступила порог этого дома. Улыбка вышла слабой, но настоящей.

— Выпей это, — сказал старик, протягивая ей глиняную

кружку. Темный отвар пах горькими травами и медом. — Поспишь, и станет легче. А утром поговорим. Не все сразу, принцесса. Магия любит терпение.

Вивиан взяла кружку обеими руками и сделала глоток. Отвар оказался обжигающе горячим, горьким на вкус, но с медовым послевкусием. Тепло разлилось по горлу, спустилось в грудь, в живот, и где-то там, глубоко, начало успокаивать дрожь, которая не отпускала ее все эти дни.

— Иди в комнату, — сказал Лука, кивнув в сторону темного коридора. — Элида постелила тебе. Мы здесь ложимся рано. Постарайся не разбудить ее, она чутко спит.

Вивиан поставила пустую кружку на стол. В голове уже начинало шуметь, отвар действовал быстро.

— Спокойной ночи, — тихо сказала она.

Лука кивнул и отвернулся к очагу.

Вивиан поднялась, чувствуя, как ноги становятся ватными, и пошла в комнату, где на узкой кровати, застеленной шерстяным одеялом, ее ждал сон.

Ей снились горы.

И Зейн.

Глава 17. Рассвет на двоих

Академия пустела с каждым днём. Это было заметно по притихшим гостиным, комнатам, из которых вынесли вещи, и тишине вместо привычного гула голосов. Если бы не прямой приказ директора оставаться на местах, преподаватели тоже покинули бы это место. Они не скрывали желания отсидеться дома, в безопасности, подальше от этих каменных стен, которые вдруг перестали казаться надёжной крепостью.

Айлин не спала.

Она лежала в кровати, уставившись в потолок, и всё прокручивала в голове одну и ту же мысль: этим утром Кай и Зейн уедут.

Навсегда?

Возможно.

Она не знала, вернутся ли они, и от этого внутри разрасталась глухая боль, похожая на ту, что бывает перед долгой разлукой.

Весь вечер она проплакала. Тихо, чтобы никто не услышал, уткнувшись лицом в подушку. Но слёзы не принесли облегчения. Они лишь высушили глаза, оставив после себя солёный привкус и тяжёлую голову. Усталость не пришла. Айлин ворочалась с боку на бок, сбивала одеяло, снова укрывалась, а потом вставала и подходила к окну.

За стеклом лежала непроглядная тьма. Ни единой звезды. Только ветер гулял по пустому двору, раскачивая голые ветви деревьев.

Она хотела поехать с ними. Честно хотела. Внутри всё горело желанием вскочить, собраться и просто сказать: «Возьмите меня». Но разум подсказывал другое: там, на другом конце мира, она будет не помощницей, а обузой. Бесполезной принцессой, которую придётся спасать, прятать, вытаскивать из передраг. Однако попрощаться — этого у неё никто не мог отнять. Айлин боялась только одного: проспать. Не успеть сказать то, что так и жгло губы. Не успеть посмотреть в глаза Каю в последний раз.

К счастью или к несчастью, стук в дверь разбудил её раньше, чем она рассчитывала.

Она моргнула, спросонья не понимая, где находится. Голова гудела, веки слипались. За окном было всё ещё темно, даже намёка на рассвет. А стук не прекращался. Настоящий. Тяжёлый. Так стучат, когда не ждут отказа.

— Иду, иду... — пробормотала она хрипло, но голос сорвался.

Стук повторился громче.

Айлин послала письмо семье несколько недель назад. Она просила не забирать её, объясняла, что обучение ещё не окончено, что это важно, что она сама придет, как только всё утихнет.

Но слухи о пропавшей принцессе разлетелись слишком

далеко.

И теперь правда настигла её раньше, чем рассвет.

Она знала отца.

Изель, король Звёздного Королевства, никогда не отличался терпением. Айлин помнила это с детства: он не выносил возражений, не терпел задержек. Он хотел получить своё и сразу. У них с королевой Наомой не получилось завести больше детей. Ни наследника, ни запасной пешки. Айлин была одна. И это делало её драгоценностью. Козырем в политической игре, который Изель не собирался упускать.

Наома, давно отрешённая от этого мира, тоже решила приехать за дочерью. Впрочем, Айлин подозревала, что настоящей причины для этого не было. Просто отец не хотел выглядеть жестоким в глазах придворных.

«Вот, смотрите, король и королева сами поехали за дочерью — значит, всё из любви».

Как же.

— Кто там? — спросила Айлин, садясь на кровати. Голос прозвучал глухо.

Ответа не последовало. Только новый удар в дверь, на этот раз ногой.

А затем раздался голос, от которого кровь заledenела:

— Если ты сейчас же не откроешь, юная госпожа, — произнёс Изель с той самой ледяной вежливостью, что предвещала бурю, — придётся снести дверь. И найти тебя. Среди обломков.

Айлин замерла.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле.

— Я сейчас! — крикнула она, но голос дрогнул.

Она жалобно простонала, закрывая лицо руками. План, свобода, крошечное счастье, которое она строила последние недели — всё это рассыпалось в один миг, как карточный домик.

Она открыла дверь.

Отец, мать, слуги, стражники — все они стояли в коридоре, заглядывая в комнату. Никто не попросил разрешения войти. Никто не спросил, как она себя чувствует, выпалась ли, больна ли. Словно она была не дочерью, а вещью, которую пришли забирать.

— Собирайте вещи, — приказал Изель коротко, даже не взглянув на дочь. — Всё, до последней ленты.

Слуги тихо, но быстро двинулись внутрь, открывая сундуки и шкафы.

Айлин выпрямилась. В ней вдруг проснулась та самая гордость, которую она унаследовала от отца, назло ему же. Она сложила руки на груди и посмотрела на родителя в упор.

— Что здесь происходит? — потребовала она. Голос звучал ровно, холодно. — Кто-то умер? Или вы просто соскучились?

Одной рукой она незаметно начертила в воздухе знак — маленькую защитную сферу вокруг себя. Прозрачную, по-

что невидимую. Достаточную, чтобы отец не учуял изменившийся запах. Если он почувствует чужую метку на её коже... если поймёт, что она уже не принадлежит себе... будет хуже.

Намного хуже.

— Мы приехали забрать тебя, — ответил Изель. Его тон не терпел возражений.

Айлин знала отца. Он бы ни за что не отправился сам. Обычно он посылал стражников — целый отряд, если требуется, но сам оставался во дворце, где было тепло, сухо и безопасно. У него всегда находились дела поважнее: налоги, советы, охота.

Но не дочь.

— Я отправляла письмо, — сказала Айлин, хмурясь. — Я ясно объяснила, что хочу остаться. Что занятия не отменили. Что я учусь.

— Твоя мать настояла, — бросил Изель, оглядывая комнату с таким видом, будто действительно заинтересовался интерьером. — Она переживала.

Айлин не поверила ни на секунду. Она перевела взгляд на Наому.

Мать стояла чуть позади отца — бледная, молчаливая, воплощение призрака. Она смотрела куда-то в пол, теребя край рукава. Наома никогда ничего не настаивала. Она вообще почти не говорила и не делала. Просто существовала, прячась за спиной мужа, не выражая ни капли переживания, ни тени эмоций. Айлин давно перестала ждать от матери че-

го-то другого. Но каждый раз, когда она видела это пустое лицо, внутри что-то болезненно сжималось.

— Мама? — позвала Айлин тихо. — Это правда?

Наома подняла глаза и ничего не ответила. Только моргнула.

— Видишь? — усмехнулась Айлин, снова поворачиваясь к отцу. — Она не переживает. Она вообще ничего не чувствует. У нас был договор, папа, — напомнила принцесса.

— Наш договор поменялся, — Изель наконец посмотрел ей в глаза. В его взгляде не было ни капли тепла. — Я не могу потерять единственного наследника.

Единственный способ увеличить свои земли.

Вот что он хотел сказать.

— Я учусь! — возмутилась она, глядя, как слуги укладывают её книги и платья в сундуки. Одна из них, молоденькая девушка, дрожащими руками сложила любимую шкатулку Айлин в угол. — Занятия не отменили. Директор не распускал Академию. Я имею право закончить курс.

— Для тебя обучение закончено, — отрезал отец. — Не трать наше время. Поехали домой.

— И зачем же? — Айлин прищурилась, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Затем, что пора выполнять свою часть сделки.

— Я не окончила Академию. По условиям, я должна была получить диплом.

— Будешь учиться дома, — Изель усмехнулся, и в этой

усмешке было столько превосходства, что у Айлин всё внутри перевернулось. — Если муж разрешит, конечно.

— Лучше умереть, — сказала она тихо.

Изель только фыркнул.

Айлин вытянула руки в стороны. Ветра не было — и вдруг он сорвался с места. Настоящий ураган в тесной комнате. Платья взлетели в воздух, бумаги закружились белыми птицами, чемоданы опрокинулись, слуги попадали на пол, прижимаясь к доскам, чтобы их не сбило с ног. Одна из горничных вскрикнула.

Одежда Изеля яростно колыхалась, плащ хлопал по ногам, но сам король не двинулся с места. Только смотрел на дочь с холодной злобой.

— Ты не можешь украсть у меня единственное, что я попросила! — крикнула Айлин, и ветер взвыл громче.

Стражники попятились. Даже они испугались.

— Айлин! — рявкнул Изель.

Но она не остановилась. Вихрь кружил по комнате, вырывая листы из дневников, срывая занавески с карнизов.

— Ты забираешь мою свободу, а я заберу твой покой! — кричала она, чувствуя, как магия выплёскивается наружу, как искры бегут по пальцам.

— Прекрати! — Изель сделал шаг вперёд.

Айлин посмотрела на него. На его злое, перекошенное лицо. На мать, стоящую за ним как статуя. На слуг, дрожащих на полу.

И вдруг ветер стих. Так же внезапно, как и начался.

Тишина.

Слуги, будто ничего не произошло, поднялись и продолжили собирать вещи заново, не поднимая глаз. Айлин стояла в центре комнаты, тяжело дыша, и лихорадочно искала выход.

— Скажи ей ты, — Изель грубо дёрнул жену за руку, вытаскивая вперёд.

Наома подняла голову. Её губы шевельнулись, но звука не вышло.

— Что она может сказать? — усмехнулась Айлин, даже не взглянув на мать. — «Доброе утро»? «Спокойной ночи»? «Не забудь надеть плащ»? Она уже десять лет не говорила мне ничего, что стоило бы запомнить.

Внутри всё сжалось. Айлин отвернулась. Она приняла это давно. Но боль не уходила, Айлин просто научилась прятаться глубоко, там, куда никто не заглядывает.

— Давай, девочка, — бросил Изель, теряя терпение. — Ты потратила слишком много времени. Карета ждёт.

Айлин вдруг выпрямилась. Лицо её стало спокойным настолько, что даже слуги замерли, глядя на неё с опаской.

— Хорошо, — сказала она.

Тишина стала ещё тяжелее.

— Что? — нахмурился король. — Хорошо?

— Да, — кивнула Айлин. — Ты бы никогда не приехал за мной сам. Если ты здесь, значит, причина веская. Я поеду

домой.

Изель выдержал паузу. Изучал её лицо, ища подвох.

— И даже не попросишь ничего взамен?

— Попрошу.

Он усмехнулся недоверчиво, но заинтересованно. Айлин знала, отец любил торги. Он уважал тех, кто ставит условия.

— Говори.

— Пока мои вещи собирают, я отнесу дневник Вивиан, — спокойно сказала Айлин. — Я нашла его, когда смотрела ее вещи. Если я его не верну, его отправят во дворец. А я искала там зацепки, почему она исчезла. Обещала её семье. — Она сделала паузу. — Это займёт две минуты. Я просто поднимусь и оставлю у двери комнаты ее брата.

Изель задумался. На секунду, но этого хватило.

— Комната находится на этаж выше, — добавила Айлин, изогнув бровь. — Ты сам говоришь, что я трачу время. Так дай мне его не тратить.

Она говорила достаточно убедительно. Слишком много лет она врала родителям, чтобы сейчас дрогнуть. Спокойный голос. Открытый взгляд. Ни тени паники.

— Идёт, — сказал Изель после долгой паузы. — Но если тебя не будет через пять минут, я отправлю стражников на поиски.

— Я помню, какой ты нетерпеливый, — усмехнулась Айлин.

— Заканчивайте тут с вещами, — бросил он слугам. —

Мы будем ждать в карете. — Он посмотрел на дочь. — А ты — сразу к нам. Никаких прогулок.

Айлин кивнула, взяла со стола какую-то старую книгу и вышла из комнаты. Конечно, это был не дневник Вивиан.

Только в коридоре, когда дверь за спиной закрылась, она позволила себе выдохнуть. Глубоко и дрожаще. Сердце колотилось где-то в горле, и ноги подкашивались.

Сейчас или никогда, — повторяла она про себя, быстро шагая в сторону лестницы. — *Сейчас или никогда*.

Новый план родился в голове за секунду, сделать всё, чтобы не оказаться в той карете.

Ни за что.

С таким трудом она выбила себе отсрочку от брака, так долго уговаривала отца разрешить обучение. Ей уже двадцать — не ребёнок, не кукла. Но отец выбирал ей женихов с младенчества и терпеливо ждал, когда дочери исполнится шестнадцать. А потом семнадцать. Восемнадцать. Девятнадцать. Терпение Изеля лопнуло. И сейчас она чувствовала это кожей.

Она почти бежала. Первые лучи солнца робко пробивались сквозь высокие окна коридора, окрашивая каменный пол в бледно-золотистый цвет. Айлин не смотрела по сторонам. Она знала эту дорогу наизусть.

Она постучала в комнату парней.

Дверь открыл Зейн. Он был уже одет в дорожный тёмный плащ с меховой оторочкой, высокие сапоги, волосы хаотич-

но лежали, падая на лоб. Хмурый и сосредоточенный. Похоже, он вообще не спал.

— Айлин? — он удивлённо приподнял бровь. — Ты чего так рано?

— Здравствуй, — выдохнула она, и голос её дрогнул. — Зейн, прошу, спаси меня.

Он помедлил ровно секунду. Вгляделся в её лицо, затем молча отошёл от двери, пропуская её внутрь.

Айлин влетела в комнату. Она ходила туда-сюда, ломая пальцы, и говорила быстро, сбивчиво, почти не дыша.

— Они приехали. Отец и мать. И слуги, и стражники. Хотят увезти меня домой силой, прямо сейчас. Он сказал, что обучение закончено, что я буду учиться дома, если муж разрешит. Ты понимаешь? — она остановилась и посмотрела на Зейна. — Если муж. Меня ещё не выдали, а он уже решает за него.

Зейн слушал молча, скрестив руки на груди.

— Я точно знаю, что если сяду в ту карету, то не уеду из королевства больше никогда, — продолжила Айлин, ходя из угла в угол. — Отец закроет меня во дворце и не выпустит, пока не найдёт подходящую партию. А я не смогу скрывать свой запах вечно. Рано или поздно он почувствует метку, и тогда... — Она не договорила.

— И что же ты хочешь? — спросил Зейн спокойно. — Чтобы мы взяли тебя с собой в Королевство Смерти?

— Да, — выпалила Айлин и тут же добавила: — Я знаю,

как это звучит. Я знаю, что буду обузой. Но я лучше умру в лесу от холода, чем выйду замуж за того, кого выберет отец.

Зейн бросил быстрый взгляд на закрытую дверь в ванную. Из-за неё доносился шум воды, Кай, видимо, заканчивал сборы.

— Кай не пустит тебя, — сказал Зейн тихо.

— Я знаю, — Айлин закусила губу. — Но я бы с радостью прислушалась к его словам, если бы у меня был выбор. У меня его нет.

Зейн помолчал. Потом вздохнул и принял решение.

— Я еду первым, — сказал он, накидывая на плечи утолщённый плащ. — Мы с Каем договорились, что я выступаю на полчаса раньше, разведываю дорогу. Он догонит. Киран и Элио едут за нами с оставшейся частью войска.

— Я поеду с тобой, — немедленно сказала Айлин.

— Нет времени на сборы.

— Мне не нужно ничего. В моей комнате сейчас отец и слуги — там небезопасно. Я вышла с одной книгой в руках.

Зейн посмотрел на неё и кивнул.

— Идём.

Он протянул ей второй плащ. Айлин накинула его поверх платья, даже не задумываясь.

И они выскользнули из комнаты.

Айлин не обернулась. Она только крепче сжала край плаща и побежала за Зейном вниз по лестнице.

Они спешно спустились, прошмыгнули в дальний кори-

дор — туда, где Академия выходила на задний двор. Айлин споткнулась о ступеньку, но Зейн вовремя подхватил её под локоть.

— Тише, — прошептал он. — Ни звука.

Она кивнула, зажав рот ладонью.

Задний двор встретил их холодным утренним воздухом. Небо на востоке только начинало светлеть, но звёзды ещё не погасли. Чуть поодаль от здания уже стояло войско — двадцать рыцарей в синих плащах, молчаливые, готовые к дороге. Кони тихо перебирали копытами, пар валил из ноздрей.

Зейн направился к вороному жеребцу — под стать принцу, такому же мрачному и гордому. Конь всхрапнул, когда Зейн легко запрыгнул в седло, и тут же замер.

— Давай руку, — сказал Зейн, протягивая ладонь.

Айлин схватилась за неё. Он дёрнул её вверх, и она оказалась в седле. Плащ сбился, но она поправила его дрожащими руками.

— Держись, — приказал Зейн, и она вцепилась в лук седла.

Он лягнул коня, и тот крупной рысью пошёл к воротам мимо спящих построек, мимо сторожевой башни, в сторону леса. Никто их не остановил. Никто не окликнул.

Когда позади остались только деревья, Зейн натянул поводья. Конь остановился, фыркнул.

— Теперь ждём, — сказал принц, оглядываясь.

— Я переживаю, — призналась Айлин. Голос её дрожал

— то ли от холода, то ли от страха.

— Вижу, — сухо ответил Зейн.

Она обернулась к нему через плечо:

— Ты злишься на меня?

— Я не злюсь, — он помолчал. — Я думаю. Будь я на месте Кая, я бы... не знаю. Наверное, убил бы себя за то, что впутал девушку в такое.

— Я сама впуталась, — твёрдо сказала Айлин.

Зейн не ответил. Только смотрел в сторону Академии, откуда вот-вот должен был появиться Кай.

Прошло, наверное, около получаса. Айлин успела замёрзнуть до костей, хотя плащ был тёплым. Она уже начала подумывать, не случилось ли чего, когда за спиной послышался топот.

Зейн развернул коня.

Кай выехал из леса в сопровождении небольшого отряда. Он сидел в седле прямо, хмуро оглядывая дорогу. Когда он заметил Зейна, его лицо ничего не выражало, но стоило ему увидеть, кто сидит перед его другом, как брови взлетели вверх.

— Что здесь происходит? — спросил Кай, подъезжая ближе. Голос звучал ровно, но в нём чувствовался холод.

Зейн посмотрел на Айлин. Она поняла, объяснять придётся самой.

— Можем мы поскорее уйти от этого места? — попросила она, глядя на Кая умоляюще. — Я всё расскажу. Всё, честно.

Но сначала — уедем. *Пожалуйста.*

Кай перевёл взгляд с неё на Зейна.

— Надеюсь, причина веская, — процедил Кай. Он подъехал вплотную и протянул руку. — Пересаживайся. И побыстрее.

Айлин не заставила себя упрашивать. Она перекинула ногу через круп коня, ухватилась за его ладонь, и в следующее мгновение уже сидела впереди него, прижавшись спиной к его груди.

— Ты в своём уме? — тихо спросил Кай ей на ухо, пока конь трогался с места.

— Нет, — честно ответила Айлин. — Так судьба распорядилась, — попыталась улыбнуться она, хотя губы не слушались. — Боги сводят нас вместе.

— Дошутишься у меня, — буркнул Кай, но руку не убрал. Зейн ехал рядом, поглядывая то на дорогу, то на них.

— Я пропустил момент, когда вы сошлись, — заметил он. — И почему от вас обоих так разит.

Айлин покраснела.

— Да, Айлин, — голос Кая стал тише, почти опасным. — Расскажи Зейну. Расскажи, как ты...

— Я всё расскажу! — перебила она, дёрнув плечом. — Но не сейчас. Пожалуйста. Я замёрзла, я боюсь, и у меня нет сил на допрос.

Кай замолчал. Только вздохнул.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Но когда оста-

новимся на привал, будешь говорить.

— Договорились, — выдохнула Айлин.

Она закрыла глаза и прижалась к нему спиной, чувствуя, как бьётся его сердце, слишком быстро для того, кто притворяется спокойным.

Она сделала это. Она сбежала.

И теперь — что бы ни ждало её впереди, холодный север, опасности или гнев Кая, она была не одна.

А это стоило многого.

Глава 18. Осталось 7 дней. Первый снег

Вивиан уже позабыла это ощущение, когда спишь в теплой и сухой кровати, не дрожа от холода, когда тело не сжимается в комок, пытаясь сохранить хоть немного тепла, а мышцы расслаблены и не ноют от напряжения. Мягкие подушки, пусть и набитые сеном, а не пухом, как в Лунном дворце, словно избавили от головной боли, которую дарили каменные стены темницы. Просто провалилась в глубокую черноту и оставалась там, пока тело восстанавливалось, набираясь сил.

Раскрыв глаза, Вивиан почувствовала, как полна сил.

Впервые за долгое время в теле ничего не ломало и не болело. Пальцы не дрожали. В груди не было той тяжелой пустоты, к которой она почти привыкла. Она вновь была энергична и ощутила хорошее настроение, с которым давно не просыпалась. Такое бывало только в детстве, когда Аннет входила в спальню с подносом горячего шоколада и говорила: «С добрым утром, принцесса. Сегодня прекрасный день».

Из крошечного окошка в каменном доме лил свет. Он пробивался сквозь мутное стекло, ложился на каменный пол желтоватыми пятнами, и от этого комната казалась почти

уютной. Вивиан повернула голову, соседняя кровать оказалась пуста, одеяло аккуратно сложено, подушка примята. Элида вставала рано, это было заметно по всему укладу этого дома.

Она села, потянулась и спустила ноги на холодный пол. Пальцы ступней коснулись камня, и она поежилась, но приятно, по-домашнему. Надела свои старые ботинки — единственное, что осталось при ней из вещей — шнурки были завязаны криво, но переделывать не хотелось. Она вышла из комнаты в узкий коридор.

Запах теплого мяса с травами вел ее, как нить в лабиринте. На кухне никого не было. Лишь накрытая посуда на грубо сколоченном столе. Глиняная миска, накрытая вышитой тряпицей, кружка с трещиной, маленький чайник с отбитым носиком — и записка, выведенная неровным почерком.

Поешь. Я на рынке.

Элида.

Вивиан улыбнулась. Вероятно, Элида успела и еду приготовить, и записку оставить, и постель убрать.

Наливая из маленького чайника чай, пахнувший мятой и чем-то терпким, вроде коры, Вивиан раскрыла тряпки с тарелок. Не знала, что это было, но пахло очень аппетитно. Содержимое было похоже на кашу с мясом и овощами. В целом, это не особо волновало, хотелось набить желудок прежде, чем случится что-то плохое. Опыт последних недель научил ее, что еда может исчезнуть в любой момент. Темни-

ца научила ценить каждый кусок.

Она ела быстро, почти жадно, но старалась не давиться. Ложка стучала о глину, чай обжигал губы и горло, и это было приятно чувствовать тепло изнутри. Она съела все до последней крошки, даже подобрала с миски остатки соуса куском хлеба, который нашла под тряпицей.

Дверь скрипнула. В дом зашел Лука, тяжело ступая по каменному полу. Он прошел на кухню, пока Вивиан еще жевала последний кусок.

— Доброе утро, — поприветствовал он, и голос его прозвучал хрипловато.

На нем было несколько слоев одежды: рубаха из грубого льна, поверх нее вязаный жилет, потом толстый шерстяной свитер, а сверху куртка на овчине, от этого он казался больше, массивнее, почти как медведь. На темной шапке, съехавшей на ухо, искрилось что-то светлое — снежинки, но в тепле дома они вмиг растаяли, оставив мокрые пятна.

Он стянул шапку, провел ладонью по седым, редким волосам и выдохнул облако пара.

— Ну и мороз, — сказал он, потирая руки. — Зубы стынут на ветру, пока до сарая дойдешь. Снег с утра валит, не переставая.

— Доброе утро, — кивнула Вивиан, прожевав, и с любопытством разглядывала его.

Он сказал снег?

Настоящий снег?

Ей вдруг захотелось выбежать на улицу и поймать снежинку ладонью, как она делала это в детстве с лепестками волшебного цветка во дворцовом саду.

— Выглядишь здоровее, — сказал Лука, раскладывая на столе принесенные с собой несколько пучков, перевязанных бечевкой, горсть сухих кореньев, маленький холщовый мешочек. — Хороший сон сделал свое дело.

— Благодаря вам, — кивнула Вивиан, и улыбка вышла легкой, почти беззаботной. — Спасибо за тот отвар и за... за все. За то, что не выгнали. За то, что поверили.

— Да не за что, — отмахнулся Лука, но в его глазах мелькнуло удовлетворение. Он сел на лавку, поставил локти на стол. — Я хотел прибраться в мастерской с утра, но пошел снег. Пришлось занести все в дом. Инструменты и травы, которые заготовил. Так что можем проверить твои тени совсем скоро. Прямо сегодня, если хочешь.

Вивиан выпрямилась за столом так резко, что кружка чуть не опрокинулась. Чай плеснулся на стол, но она не заметила.

— Снег? — переспросила она, и в голосе зазвучало что-то детское, почти восторженное. — Вы сказали — снег? Он идет прямо сейчас?

— Да, — кивнул Лука, не обращая внимания на ее непонятную радость. Он начал перебирать травы, раскладывая их по разным кучкам на столе. — С самого утра посыпал. К полудню, говорят, сильнее будет.

Вивиан встала из-за стола и побежала к маленькому окош-

ку. Лука обернулся, с интересом наблюдая за ней.

Она прильнула к мутному стеклу, заляпанному капельками дождя и пылью, и замерла.

Белые снежинки стремительно летели вниз, кружась в бешеном танце, оседая на сером камне, таяли на теплых стенах домов, покрывали тонким, почти прозрачным слоем крыши и заборы. Мир за окном становился белым, словно кто-то невидимый взял огромную кисть и закрасил всю серость. Даже воздух казался другим.

— Первый снег, — воодушевленно сказала она, прижав ладони к холодному стеклу. Оно было ледяным, пальцы сразу заныли, но она не замечала. Она смотрела и не могла насмотреться.

— Любишь зиму? — спросил Лука. В его голосе слышалось легкое удивление, для него снег всегда был обыденностью и досадной помехой.

— Я никогда не видела настоящего снега, — сказала Вивиан, не отрывая взгляда от улицы. — Ни разу в жизни. Только магию водной стихии, когда во дворце устраивали праздники. Принц Лунного Королевства создавал ледяные скульптуры. Цветы, драконов, целые фонтаны. Но они таяли через час. А это... это настоящее.

Она помолчала.

— В Солнечном королевстве всегда жарко. Даже зимой, если она там бывает, просто становится чуть прохладнее. Я читала про снег в книгах, как он падает, как хрустит под но-

гами, как дети лепят снежные фигуры, но думала, что это преувеличение. Что авторы просто украшают свои истории.

— Нет, — усмехнулся Лука, качая головой. — Не преувеличение. У нас снег почти полгода лежит, иногда и больше. К весне он надоедает так, что хочется выть. Но первый снег — да, в нем есть что-то... особенное.

— Не может надоесть, — покачала головой Вивиан, и впервые за долгое время в ее голосе не было грусти.

Она еще немного постояла у окна, ловя взглядом каждую снежинку, а потом вернулась к завтраку. Сложила посуду на дальний стол рядом с бочкой с водой, где Элида обычно мыла горшки. Движения ее были легкими, она сама не замечала, как тело радуется свободе и теплу, как ноги сами собой пружинят при ходьбе.

— Как вы будете смотреть тени? — спросила Вивиан, когда Лука снял верхнюю одежду и повесил ее на крючок у двери, рядом с плащом Элиды.

— Ты же знаешь, как работает ментальная магия? — Лука изогнул бровь, и в его глазах загорелся огонек учителя. — Я вижу, что ты менталист, Вивиан. Таких, как ты, трудно обмануть, но и помочь тебе — особая задача. Здесь такой же принцип. Можно залезть в разум, увидеть стены, охраняющие сознание. Можно залезть и посмотреть, как выглядят твои тени. Правда, сделать это можешь ты сама и только ты, понюхав каменную пыль, которая погрузит тебя в осознанный сон.

— То есть вы не сможете видеть? — Вивиан нахмурилась, размышляя. — Только я? А если что-то пойдет не так? Вы не сможете помочь?

— Это специальная пыль, добытая в глубоких пещерах под Горным городом, — пояснил Лука, доставая с полки небольшую деревянную коробочку, украшенную грубой резьбой и какими-то знаками, похожими на руны. — Она погружает в осознанный сон. И увидеть то, что внутри, сможешь только ты. Твои тени — твои. Чужой глаз их не увидит, если только ты сама не позволишь. Разве что темные маги могли бы влезть в твою голову, но таких здесь нет, слава богам.

— Вы не темный маг? — спросила Вивиан осторожно. Она смотрела на его руки, испещренные шрамами от порезов и ожогов.

— Нет, — усмехнулся Лука, и усмешка вышла горьковатой. — Темные маги встречаются редко. Очень редко. Рождаются раз в несколько поколений. А лучше их вообще не встречать, они не любят, когда их беспокоят, и не любят, когда кто-то смотрит на них слишком долго. Они схожи с ментальными магами — могут читать мысли, влиять на сознание, но их способности глубже, страшнее. В общем-то поэтому их и побаиваются. Никто не хочет, чтобы кто-то лазил у него в голове и выворачивал душу наизнанку.

Он сел на стул напротив Вивиан и поставил коробочку на стол между ними. Поставил аккуратно, почти торжественно.

— Тени отличаются от стихийной магии, — продолжил он, понизив голос, словно боялся, что кто-то подслушает за стенами каменного дома. — Они живые. Понимаешь? Это не просто энергия, которую ты направляешь, как воду или огонь. У них есть... характер. Привычки. Настроение. Они — часть тебя, но отдельная. Их нужно направлять и слушать, если они не реагируют на приказы. Если ты зла — они злятся, становятся агрессивными. Если ты боишься — они начинают метаться, могут навредить. Они очень чувствительные. И очень преданные, если ты их не предаешь.

Вивиан слушала, затаив дыхание.

— Может ли быть так, что я просто сосуд для передачи теней? — спросила она. Вопрос мучил ее с того самого разговора с королем. — Что кто-то передал их мне, а сам потерял? Например, Зейн... он владеет тьмой, его тени... Мог он случайно передать их мне?

Лука покачал головой решительно, даже резко.

— Невозможно. Такого никогда не было и не будет. Тени не живут в сосудах. Они не переливаются из одного в другой, как вода. Они прирастают к душе, к крови, к самому нутру. Их нельзя передать, как письмо или подарок. Можно только родиться с ними или... — он запнулся, нахмурился.

— Или? — переспросила Вивиан, подавшись вперед.

— Или получить от того, кто умер, передав свою магию по крови в момент смерти. Но это легенды из старых свитков. Я такого не видел и никто из ныне живущих не видел. Не

забивай голову сказками.

Вивиан задумалась. Значит, ее тени — ее собственные. Но откуда? Она родилась в Солнечном королевстве, в семье огненных магов, где магия передавалась по прямой линии от отца к сыну, от матери к дочери. Никто из предков, насколько она знала, не владел тьмой. Она была белой вороной со своей ментальной магии, и теперь у нее появилось еще одно перо.

— Я готова, — сказала она вдохновенно, отбрасывая вопросы на потом. — Хочу увидеть их. Понять, что это. Поговорить с ними.

— Тебе нужно лечь, — сказал Лука, вставая. — Как только пыль попадает в организм, ты сразу засыпаешь. Без переходов, без укачивания. Раз — и ты уже там. Но будь осторожна — ты не сможешь проснуться, пока пыль не выветрится сама. Иногда это занимает несколько минут и даже часов.

Они вернулись в комнату, где спала Вивиан. Она легла на кровать, положив руки вдоль тела, и уставилась в каменный потолок. Сердце билось быстрее от предвкушения.

Лука пододвинул табурет к изголовью и сел, скрестив руки на коленях.

— Постарайся не бояться, — сказал он тихо. — Что бы ты ни увидела — это твое. Твоя магия не причинит тебе вреда. По крайней мере, не должна. Если станет страшно, вспомни, что ты сильнее. Ты хозяйка. Не они тобой — ты ими.

— Обнадеживает, — пробормотала Вивиан и слабо улыб-

нулась.

Лука открыл коробочку. Внутри была мелкая пыль, как мука, но с легким серебристым отливом, который переливался при движении. Она пахла грозой и старыми камнями, похожий на тот самый запах, который бывает в пещерах после дождя.

Он насыпал щепотку себе на ладонь, наклонился над Вивиан и дунул прямо в лицо.

Она не успела даже моргнуть, только вдохнула, и легкие наполнились холодом и металлом. Пыль осела на губах, на веках, на щеках. Мир поплыл, краски смешались в серую кашу, потолок размылся в белое пятно. Где-то далеко голос Луки сказал: «Спи».

И — тьма.

Она открыла глаза.

Но не в комнате.

Вивиан стояла в лесу.

Но не таком, какой она привыкла видеть.

Этот лес был странным. Слишком неподвижным, словно застывшим во времени. Словно кто-то остановил время.

Вокруг ни души. Ни ветра, ни птиц, ни шороха листьев. Ни одной травинки, которая шевелилась бы от движения воздуха.

Деревья были высокими, с густыми кронами, но листья не шевелились. Свет исходил откуда-то сверху, но не солнце, не луна, не факелы — просто серый, ровный, без теней

и бликов. Вивиан опустила взгляд, под ногами была земля, покрытая мхом, но мох тоже не двигался, не пружинил под ногами, как живой, а был жестким, как камень.

Она сделала шаг. Потом другой. Ноги ступали бесшумно, словно пол был ватным, и каждый шаг отдавался эхом где-то далеко-далеко.

— Есть тут кто? — позвала она, и голос прозвучал глухо. Он не разносился, не отражался от деревьев.

Никто не ответил.

Она пошла вперед, осматривая все вокруг. Деревья выглядели одинаковыми. Стволы темные, почти черные, ветви узловатые, скрюченные, как пальцы старухи. Лес казался бесконечным, но при этом — замкнутым. Она чувствовала, что если пойдет прямо, то никогда не выйдет к краю, но и не заблудится, просто будет идти вечно.

А потом деревья начали чернеть.

Сначала Вивиан подумала, что ей показалось, что это игра света, но какого света не было. Нет, кора темнела на глазах, становясь угольной, и от стволов отделялись тонкие струйки дыма, которые не поднимались вверх, а стелились по земле, как туман. Тени выползали из-за каждого дерева, из-под каждого камня, из самой земли — из трещин, из мха, из воздуха.

Они были повсюду.

И они оказались не просто тенями, у них были формы, смутные очертания рук, тел, голов. Без лиц, без глаз, но с

направлением. Они смотрели на нее. Все они смотрели на нее.

Они двигались быстро, сталкиваясь друг с другом, словно не знали, куда себя деть, словно их заперли в тесной комнате и выпустили одновременно. Они создавали круг вокруг Вивиан, замыкая пространство, отрезая путь назад. Деревья перетекли в стену из теней.

Вивиан замерла. Сердце колотилось где-то в горле, пальцы похолодели, но она заставила себя не кричать. Не бежать.

Она — хозяйка.

Она сильнее.

Теней было много. Слишком много. Они вибрировали, издавали едва слышный шелест, будто шептались между собой на языке, которого она не знала. Иногда в этом шелесте проскальзывали обрывки слов, ее имя, чужое имя, какие-то звуки. Или разум играл с ней.

— Привет, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Она выпрямилась, расправила плечи, как учил отец на приемах: «Принцесса не должна показывать страх, даже если внутри все горит». — Я... я Вивиан. Ваша хозяйка.

Тени не слушали. Они продолжали кружиться, и их движение становилось быстрее, агрессивнее. Шелест превратился в шипение.

— Я ваша хозяйка, — попробовала она снова, громче. — Вы часть меня. Я хочу понять вас. Я не враг.

Тени замерли на секунду и снова задвигались, но теперь

хаос усилился в несколько раз. Одна из них, самая большая, вытянула подобие руки и потянулась к Вивиан. Но как только Вивиан протянула свою ладонь навстречу, тень отдернулась и исчезла в толпе, растворилась среди других.

Она пыталась дотронуться до них — снова и снова. Протягивала руку, делала шаг, звала по имени, которого у них не было. Но каждый раз они убирали «руки» в последний момент, словно играли в кошки-мышки. Отступали ровно настолько, чтобы она не могла их коснуться, и снова приближались.

В груди начало закипать раздражение.

А потом — злость.

Настоящая, горячая злость, которую она сдерживала все эти дни. На короля Эпиала. На темных рыцарей. На свою беспомощность. На то, что даже собственные тени не слушаются.

— Хватит! — приказала Вивиан, и голос ее прозвучал тверже, чем она ожидала. Он прокатился по лесу, как удар грома. — Остановитесь! Немедленно!

Тени замерли.

Все сразу. Как по команде. Круг застыл, и шелест прекратился. Стало так тихо, что Вивиан слышала собственное дыхание и стук крови в висках.

Она перевела дыхание, глубоко вдохнула, выдохнула. Ее приказ сработал. Значит, они слышат. Значит, они могут подчиняться.

Тени задвигались снова, но теперь медленно, плавно, почти грациозно. Они расступились в одном месте, создавая проход в виде узкой тропинки, ведущую вглубь леса, туда, где деревья были самыми черными.

Вивиан пошла туда, куда они просили. Сердце все еще билось быстро, но любопытство пересиливало страх. Шаг, второй, третий. Тропинка была ровной, земля под ногами — твердой. Тени по бокам замерли неподвижными стражами.

Она прошла несколько десятков шагов и замерла.

Впереди, в просвете между деревьями, стоял силуэт. Высокий, широкоплечий, с темными волосами, падающими на лоб. Знакомая линия челюсти, знакомый наклон головы. Он стоял, слегка расставив ноги, руки опущены.

Зейн.

Вивиан ужаснулась. Он был здесь? Как? Это он? Или... Она не знала, радоваться или бояться.

— *Зейн*, — позвала она, и голос сорвался на шепот.

Силуэт обернулся.

Лицо было его — до последней черточки. Такие же темные брови, такой же прямой нос, такие же губы, которые она целовала в ту ночь, перед тем как все рухнуло. Но глаза были пустыми, как у куклы. И тени за его спиной двигались, подрагивали, складываясь в знакомые очертания.

Это была не ловушка. Это была игра.

Тени играли с ней. Они сделали так, чтобы этот Зейн обернулся, и смотрели, как она реагирует. Они хотели уви-

деть ее страх, ее боль, ее любовь. Проверить, насколько она сильна.

Вивиан подошла совсем близко. Боялась каждой клеточкой, каждым нервом, но протянула руку. Пальцы коснулись его щеки.

Тени были теплыми.

Не холодными, как у темных рыцарей короля Эпиала, не ледяными, как смерть. Живыми, теплыми и тягучими, как смола. Они пульсировали под пальцами, и Вивиан чувствовала, как они узнают ее, как льнут к ее ладони, как что-то в них расслабляется, словно они ждали этого прикосновения всю свою недолгую жизнь.

Она трогала их лицо, плечи, руки. Проводила пальцами по воображаемым чертам, по черной, переливающейся поверхности. И тени таяли под ее прикосновением. Силуэт Зейна растворился, превратившись в клубы черного дыма, который не пах ничем.

А потом тени бросились к Вивиан со всех сторон, как щенки, которые наконец увидели хозяина. Они закрывали обзор, застилая глаза, нос, рот, обвивали руки, ноги, талию. Они были везде, и они были теплыми.

Все погрузилось во тьму.

Но тьма была не страшной. Она была... родной. Как колыбель. Как материнское объятие. Вивиан закрыла глаза и позволила себе утонуть в ней.

Вивиан очнулась спокойно. Без крика, без судорог, просто

открыла глаза, как будто проснулась после обычной ночи. Без паники, без холодного пота.

Рядом на стуле сидел Лука. На тумбе у кровати горела свечка, единственный источник света в комнате, отбрасывающий желтые блики на каменные стены. По другую сторону кровати сидела Элида. Она уже вернулась с рынка, где торговала травами отца, на коленях у нее лежала корзина с пучками сухих растений, но женщина не перебирала их, просто смотрела на Вивиан, и в глазах ее была тревога.

Несколько часов? Нет. Несколько часов так не выглядят. Свеча успела сгореть наполовину, а те свечи, что Лука зажигал, горели долго.

— Как голова? — спросил Лука, и его голос был слишком ровным, слишком спокойным. Он делал вид, словно все нормально, но Вивиан видела, в его глазах что-то мелькнуло.

— Все в порядке, — Вивиан непонимающе оглядывалась. Комната та же, кровать та же, но свет из окошка пропал. За окном была глубокая темень. — Сколько я спала?

Лука взглянул на Элиду. Та отвела глаза, сжала губы.

— Сутки, — сказал Лука, и в голосе его не было шутки. — Почти ровно сутки. Ты легла вчера утром, а сейчас утро следующего дня.

— Сутки? — ужаснулась Вивиан, пытаясь сесть. Тело слушалось, но спина затекла от долгого лежания, и голова слегка кружилась. — Это нормально? Вы сказали несколько часов! Я думала, час, ну, два... Может быть, полдня...

— Каждому требуется свое время, чтобы понять себя, — сказал Лука, пожимая плечами. — Твоим теньям нужно было познакомиться с тобой, а тебе — с ними. А это небыстрый процесс. Некоторые спят по трое суток. Сутки — это даже хорошо.

Эти слова не сильно помогли успокоиться. Сутки. Она проспала целые сутки. Что случилось за это время? Не приезжал ли Виктор? Не искали ли ее темные рыцари? А вдруг король уже знает, где она? А вдруг...

— Ты что-то видела? — спросила Элида мягко, подаваясь вперед и кладя теплую ладонь на руку Вивиан. — Расскажешь?

Вивиан кивнула, но не стала рассказывать. Не сейчас. Сначала нужно понять, что это было. Она переваривала увиденное. Слова застряли в горле, смешанные с чувствами, которые она не могла назвать.

Она села на кровати, свесив ноги. Силы никуда не ушли, напротив, она чувствовала себя отдохнувшей, собранной, почти счастливой. Только спина болела, и живот сводило от голода так, словно она не ела несколько дней, хотя для нее завтрак был несколько минут назад.

В животе громко заурчало.

Элида улыбнулась по-матерински.

— Я разогрею ужин, — сказала она, вставая и поправляя платок. — Вернее, завтрак. Ты должна поесть. А потом расскажешь деду, что видела. Хорошо?

Глава 19. Судьбы соединяются

Ночь окутала землю непроглядным покрывалом. Первая луна то и дело пряталась за тяжелыми тучами, а вторая тускло освещала путь. Редкие звезды мерцали где-то высоко, но их света едва хватало, чтобы различить очертания дороги.

Войско Зейна двигалось молча. Стражники приглушили шаг лошадей, копыта утопали в мягкой придорожной пыли, не издавая лишнего звука. Доспехи тихо звенели при движении.

Пересечение границы Звездного Королевства требовало осторожности, хотя Изель вряд ли выставил дозоры на каждом клочке земли, рисковать не стоило.

Айлин сидела впереди Кая, прижимаясь спиной к его широкой груди. Она чувствовала каждый удар его сердца. Ей хотелось раствориться в этом тепле, забыть, где они находятся и куда направляются.

Но холодный ветер бил в лицо, и страх напоминал о себе ледяными пальцами, сжимающими горло.

— *Я снова в своем королевстве,* — думала Айлин, вглядываясь в темные силуэты деревьев по обеим сторонам дороги. — *Я здесь чужая. Беглянка.*

Она не верила, что отец приехал за ней, но также не была уверена, что он ищет ее. У короля хватало забот: налоги, армия, отношения с соседями, бесконечные интриги, но чув-

ство, что в любой момент из темноты появится знакомый силуэт придворного стражника, что громкий окрик «Стоять!» разорвет тишину и все закончится, так и не начавшись. Это чувство не покидало ее.

Айлин вздрогнула.

— Ты вся дрожишь, — прошептал Кай над ее ухом.

Он прижал ее крепче, и Айлин почувствовала, как его сильные руки обхватывают ее талию, а его дыхание согревает ее щеку. В темноте никто не видел, как она улыбнулась.

— Это ветер, — тихо ответила она, прильнув к принцу.

Кай не поверил.

Он чувствовал ее тепло, ощущал, как ее пальцы вцепились в его плащ с такой силой, будто она боялась упасть в пропасть.

Но наслаждался моментом.

Эти минуты, когда они вдвоем, когда никто не мешает, когда весь мир только ночь, дорога и тихий стук копыт. Они были драгоценны.

Айлин тоже чувствовала это странное спокойствие. Рядом с ним страх отступал, превращаясь в легкое волнение, щеко-чушее в груди. Она закрыла глаза и позволила себе просто быть здесь, просто дышать.

Но тишина не могла длиться вечно.

— Через сколько должны были выехать Киран и Элио после нашего отъезда? — спросил Кай, оглядываясь на темную ленту дороги позади них.

— Через два часа, — ответил Зейн, не оборачиваясь.

Он ехал на полкорпуса лошади впереди Кая, и его прямой силуэт выделялся на фоне ночного неба. Зейн смотрел вперед, вглядываясь в изгибы дороги, в черные пятна леса по сторонам. В его голове уже была карта. Он прокладывал путь, отмечал возможные засады, считал часы до рассвета.

Айлин кашлянула.

Сначала тихо, пытаюсь сдержаться.

Кашель вырвался из груди неожиданно, обжигая горло.

Кай напрягся.

— Ты уже второй раз кашляешь за те полчаса, что мы едем, — сказал он настороженно.

— Пустяк, — отмахнулась Айлин, хотя горло действительно саднило, словно она проглотила наждачную бумагу. — Горло першит. Должно быть, ветер надул.

Принцесса Звездного Королевства не была готова к таким походам. Ее детство прошло в теплых покоях, среди шелка и меха, а не в седле под холодным ночным небом. Организм, избалованный комфортом, сдавался первым.

— Пока мы в твоём королевстве, я могу отвезти тебя домой, — сказал Кай, и его голос стал ниже.

Он прижал ее к себе еще крепче, и Айлин почувствовала, как его сердце забилося чаще.

— Кай...

— Я поговорю с твоим отцом, — настаивал он. — Я выскажу ему свои намерения. Пусть знает, что ты не одна. Что

за тобой стоит...

— Нет, — Айлин покачала головой, хотя на миг ей безумно захотелось согласиться.

Она представила эту сцену, как Кай перед тронном отца, который не воспримет его всерьез, начнет задавать неудобные вопросы и никогда не примет их как пару.

— Он не разрешит, — сказала Айлин, и в ее голосе прозвучала горечь. — Его цель — принцы и господа из соседних королевств. Те, кто принесет земли, золото, союзы.

— Ты не можешь выйти за кого-то другого, — насупился Кай. Айлин невольно улыбнулась его собственничеству, несмотря на тревогу и холод.

— Так ты теперь стал претендентом? — поддела она, поворачивая голову, чтобы видеть его лицо.

В темноте она разглядела лишь смутный силуэт, но почувствовала, как он смутился.

— Хватит, — буркнул Кай, и его уши, кажется, покраснели.

Айлин сдержала смех. Новый статус их отношений пугал, слишком многое было на кону, слишком легко все могло рухнуть под напором обстоятельств. Но он был и приятным. Очень приятным. Словно она всю жизнь шла по тонкому льду, а теперь ступила на твердую землю.

— О чем шепчетесь? — Зейн перевел на них взгляд, и в его голосе послышалась легкая насмешка.

Он не оборачивался, но Айлин готова была поклясться,

что на его лице проскользнула улыбка.

— Айлин начинает заболевать, — сказал Кай без обиняков.

Зейн тут же нахмурился.

Он придержал лошадь, поравнялся с ними и принялся разглядывать подругу цепким взглядом.

Лицо у нее было таким же бледным, как и всегда. Фарфоровая кожа Звездного королевства. На щеках — едва заметный румянец, скорее от ветра, чем от здоровья. Глаза блестящие, но в темноте нельзя было разобрать, лихорадочным ли блеском.

— Ничего подобного, — возмутилась Айлин, выпрямляясь и пытаясь придать своему голосу твердость. — Я в полном порядке.

— Уверена? — Зейн переводил взгляд с нее на Кая и обратно, словно пытался уловить невидимую нить болезни.

— Нет, — перебил Кай, не давая ей и рта раскрыть. — Наш путь будет нелегким. Если она уже сейчас кашляет, что будет через два дня в горах?

Айлин обиженно посмотрела на него.

Какого черта он лишает ее голоса? Она не ребенок, чтобы решать за нее! Она принцесса, черт возьми, и сама вправе распоряжаться своим здоровьем!

— Кай прав, — кивнул Зейн, и Айлин возмущенно фыркнула.

Предатели.

Настоящие предатели.

Они сговорились, чтобы мучить ее своей заботой.

— Но, зная ее отца, можно догадаться, чего она боится, — добавил Зейн более мягко. — Не только болезни. Она боится, что ее увидят. Поймают и вернут.

Айлин замолчала. Зейн всегда понимал слишком много. Слишком хорошо знал ее, чтобы играть в эти игры.

— Я поеду с вами и увижу Вивиан, — твердо сказала она, сжимая пальцы на плаще Кая. — Я не сверну с пути. Вы меня не заставите.

Зейн и Кай обменялись быстрым взглядом в немом разговоре. Никто не стал возражать.

— Хорошо, — сказал наконец Зейн. — Но если станет хуже — ты скажешь.

Айлин кивнула, чувствуя благодарность. Она убрала обиду подальше, в самый дальний уголок души, и снова прижалась к спине Кая.

Они ехали в тишине так долго, что Айлин начала считать удары копыт. Сотня, двести, триста. Ветер стих, и стало еще тише. Только дыхание лошадей, шорох травы и редкий крик ночной птицы где-то далеко-далеко.

— Откуда появилась помолвка? — вспомнил вдруг Зейн, и в его голосе зазвенело любопытство.

Он смотрел на то, как руки Кая обхватывают талию Айлин с такой естественностью, будто она всегда там и была,

как их головы склоняются друг к другу, даже когда они не разговаривают.

Влюбленные переглянулись.

Айлин почувствовала, как щеки заливает румянец. Хорошо, что в темноте не видно. Хотя Зейн, кажется, все равно видел.

— Просто наши судьбы соединились, — отозвался Кай.

Он сказал это с таким серьезным видом, что Зейн заметно повеселел.

— Ваши судьбы соединились, — медленно повторил он, смакуя каждое слово.

А потом он расплылся в улыбке.

Он явно подавлял смех, но у него плохо получалось. — Так романтично, что меня сейчас вывернет.

— Мне пришлось взять все в свои руки, — улыбнулась Айлин, прочистив горло, чтобы не кашлять. — Он бы сам ничего не сделал. Сидел бы в своем дворце, тренировал рыцарей и ждал, пока не состарится. А я должна была ждать?

— Через несколько лет мог бы, — сказал Зейн, подшучивая над другом. — Дала бы ему время. Еще лет пятьдесят, и он бы сам пришел к твоему отцу с предложением.

— Пятьдесят лет? — Кай возмущенно повернул голову, и Айлин почувствовала, как напряглись его плечи. — Я лишь хотел добиться успехов в военном деле. Это достойная цель — стать лучшим, получить титул, заслужить имя. А не...

— Но ты избегал любой близости с другими женщинами,

— добавил Зейн после паузы. — Я уж думал, ты решил посвятить жизнь мечу и знаменам. Монашеский обет в военном лагере.

— Я не избегал, — нахмурился Кай. — Это не первое, о чем я думал. У меня были дела поважнее.

— Ты определенно избегал, — закивала Айлин, и в ее голосе зазвенели веселые нотки. — Я помню, как госпожа Элинор приглашала тебя на танец, а ты сказал, что у тебя болит нога.

— У меня действительно болела нога! — возмутился Кай. — Я подвернул ее на тренировке.

— Три раза подряд? На трех разных балах? — парировала Айлин.

— Не нужно стесняться этого, — сказал Зейн, и Айлин звонко рассмеялась так, что несколько стражников позади удивленно переглянулись.

Кай смотрел вперед с каменным лицом, но Айлин чувствовала, как он тоже хотел смеяться, но слишком гордый, чтобы показать это.

Стражники, ехавшие позади, гремели доспехами, держась на почтительном расстоянии от принцев. Их силуэты темнели на фоне неба, напоминая движущуюся стену.

Ни одного лишнего звука, ни одного лишнего движения.

— Кажется, мы выезжаем, — сказала Айлин, глядя на пустую дорогу.

Жилые дома остались позади.

Теперь по обеим сторонам тянулись только пустые поля, покрытые инеем. А впереди, на горизонте, вырисовывались смутные очертания гор. Они казались спящими великанами, которые вот-вот проснутся.

— Командир, нужно посмотреть путь, — крикнул один из рыцарей, подъезжая ближе.

Зейн сбавил скорость, подпуская его. Рыцарь развернул карту. Она громко зашуршала на ветру, и Айлин увидела, как пальцы в железных перчатках придерживают края, чтобы не улетели.

— Стойте! — скомандовал Зейн, поднимая руку.

Войско остановилось. Лошади фыркали и били копытами, чувствуя долгожданный отдых. Кто-то из стражников тихо выругался.

Кай подпустил свою лошадь ближе к Зейну. Айлин наклонилась вперед, пытаясь разглядеть карту в тусклом свете звезд. Луна спряталась за тучи окончательно, и теперь единственным источником света были редкие мерцающие точки на небе.

— Есть варианты? — спросил Кай, вглядываясь в пергамент.

— Есть несколько троп, — сказал рыцарь, не снимая шлема. Его голос звучал глухо из-за металла, но слова были четкими, выверенными. — Три пути через горы.

— Какой короче? — спросил Зейн, внимательно разглядывая карту.

Он провел пальцем по линиям. Айлин заметила, что его палец покрыт мозолями. Такими же, как у Кая. Руки воина, привыкшие к мечу.

— Южная тропа, — рыцарь указал на извилистую линию, которая вилась вдоль края карты. — Она проходит вдоль обрыва. Если на нас нападут, маневрировать будет негде. Одна шаг в сторону, и лошадь полетит в пропасть.

— А северная? — Кай наклонился ближе, и Айлин почувствовала, как его дыхание коснулось ее волос.

— Длиннее на полдня, — ответил рыцарь. — Но через лес. Укрытый много, можно затеряться в случае погони. Однако лес этот старый, тропы заросшие. Лошади могут покалечиться.

Зейн задумчиво потер подбородок. Айлин смотрела на карту, стараясь запомнить каждую линию и отметку. Ей вдруг остро захотелось понять, о чем они говорят, перестать быть пассажиркой, которую просто везут, как тюк с багажом.

Она хотела быть частью этого. Участвовать. Принимать решения.

— А эта? — спросила она, указывая на тонкую пунктирную линию, почти незаметную, проложенную прямо через центр гор.

Рыцарь поднял голову. Даже сквозь шлем чувствовалось его удивление. Должно быть, он не ожидал, что принцесса станет тыкать пальцем в военную карту.

— Горная тропа, ваше высочество, — ответил он после

короткой паузы. — Самая опасная. Один неверный шаг, и лошадь сломает ногу. Два неверных шага, и вы сломаете шею. Местные пастухи пользуются ею, но они ходят пешком и знают каждый камень.

— Но она самая короткая, — заметила Айлин.

— На два дня короче, — кивнул рыцарь. — Но риск...

— Слишком рискованно, — отрезал Кай. Его голос не терпел возражений. — Мы не пастухи, и ночью в горах каждый камень выглядит одинаково.

— Согласен, — кивнул Зейн. — Идем через лес. Полдня погоды не сделают, а войско останется живы. Живые рыцари важнее мертвых сохраненных часов.

Рыцарь свернул карту и убрал ее в седельную сумку.

— Будет исполнено, командир.

Лошади продолжили путь. Они двинулись медленнее. Дорога становилась хуже, из утоптанной превращалась в каменистую и извилистую. Впереди показались первые отроги гор, черные зубцы на фоне чуть более светлого неба.

Айлин чувствовала, как воздух становится холоднее. В нем появился странный запах: камня, мха, чего-то древнего и нетронутого.

— О чем задумался? — спросил Кай, глядя на друга.

Зейн ехал молча уже несколько часов, и это было на него не похоже. Обычно в походах он поддерживал разговор и общался с другом. А сейчас — тишина.

— Так, — сказал Зейн после долгой паузы. — Размыш-

ляю.

— О чем? — настаивал Кай.

Зейн помедлил. Словно не решался сказать.

— Сегодня ночью, в полудреме, я видел Вивиан, — сказал он наконец.

Голос его стал тише, словно он боялся, что ветер унесет эти слова туда, куда не надо.

— Вроде бы сон, но что-то другое, — продолжил Зейн. — Я не спал по-настоящему. Так... на грани. И она пришла. Я ощущал ее. Словно она думает обо мне или пытается заговорить.

Кай нахмурился. Его рука, лежащая на поводьях, слегка дрогнула.

— Она что-то сказала? — спросил он осторожно.

— Просто смотрела, — Зейн покачал головой. — Смотрела и улыбалась. Молча.

Айлин почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Ты уверен, что это не был просто сон? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты устал. Мы все устали. Мозг играет с нами, когда мы на пределе.

— Может быть, — нехотя согласился Зейн. — А может, и нет.

Он смотрел вперед, только глубже погружаясь в мысли. И Айлин вдруг поняла, что он не шутит. Он действительно верит, что видел Вивиан, что она была там, рядом.

— Какой она была? — спросила Айлин тихо.

Она сама не знала, зачем спрашивает. Может, чтобы отогнать страх. Может, чтобы согреться воспоминаниями о подруге.

Зейн повернулся к ней.

— Как и всегда, — сказал он. — Улыбалась и молчала. Будто знала что-то, чего не знаю я. Будто хотела сказать: «Не волнуйся, все будет хорошо», но не говорила. Просто смотрела.

Айлин не смогла сдержать улыбки. Она представила настоящую Вивиан с ее тихим смехом, с ее умением находить свет даже в самой темной комнате. Это на мгновение согрело Айлин изнутри, отогнало холод, который пробирался под плащ.

— Может, это просто недостаток сна? — снова предположил Кай, но в его голосе уже не было уверенности. — Или... отражение твоих желаний. Ты хочешь ее увидеть, и разум создает картинку.

— Возможно, — Зейн пожал плечами. — Но я не хочу в это верить. Я хочу верить, что она действительно там. Что она не оставила нас. Что она помнит.

Никто не желал это обсуждать дальше. Тишина повисла тяжелая, как свинцовое одеяло. Даже лошади, казалось, притихли, чувствуя настроение всадников.

— Нужно найти место для ночлега перед горами, — сменил тему Кай, и Айлин мысленно поблагодарила его. — Дальше дорога станет сложнее, войску нужен отдых. Устав-

шими в горы не сунутся.

— Согласен, — кивнул Зейн, снова становясь командиром. Голос его окреп, плечи распрямились. — Вон там, у подножия, есть поляна. Я помню это место, мы проходили здесь когда-то. Ровная земля, есть вода, ветер не достает. Доберемся до нее — и встанем лагерем.

Они свернули с основной дороги на едва заметную тропу. Кусты хлестали по ногам лошадей, ветки норовили ударить в лицо и сорвать капюшон. Айлин пригнулась, прячась за Каем, и чувствовала, как его тело становится щитом.

— Держись крепче, — сказал он, и она послушалась, вцепившись в его плащ обеими руками.

Тропа петляла между деревьями, поднималась вверх, снова опускалась. Айлин потеряла счет времени. Ей казалось, что они едут уже вечность, что конца этому лесу нет, что луна никогда не взойдет из-за туч.

Но лес расступился.

Поляна открылась внезапно, словно кто-то вырвал огромный кусок леса и оставил только ровную землю, покрытую сухой травой и прошлогодними листьями. Со всех сторон ее окружали деревья, создавая естественную стену. В центре виднелось небольшое углубление, возможно, остатки старого кострища.

— Спешиться! — скомандовал Зейн, соскакивая с лошади.

Айлин попыталась слезть сама, но ноги затекли от долгой

езды. Она пошевелила пальцами, они почти не слушались. Колени дрожали.

— Давай помогу, — сказал Кай, и прежде чем она успела ответить, его сильные руки подхватили ее за талию.

Он поставил ее на землю, но руки задержал на мгновение дольше, чем требовалось. Пальцы разжались и отпустили.

— Спасибо, — прошептала Айлин, чувствуя, как ее щеки заливают жар.

— Не за что, — ответил он так же тихо.

И только темнота помешала увидеть, покраснел ли он сам. Но Айлин чувствовала, что он смутился.

Рыцари начали расходиться по поляне, выполняя привычные действия. Кто-то разводил костер, кто-то расседлывал лошадей, снимая с них потные попоны. Кто-то уходил в лес выставить дозорных.

— Кай, — окликнул вдруг Зейн, замирая на месте.

Он стоял у края поляны, вглядываясь в темноту между деревьями. Все тело его было напряжено, как у зверя, почувшего опасность.

— Там, с южной стороны, — сказал он негромко. — Кто-то есть. Я слышал ветку.

Кай мгновенно напрягся. В одно движение он оказался между Айлин и темной стеной леса, рукой отодвинув ее за спину. Вторая рука легла на рукоять меча.

— Отойди к деревьям, — шепнул он ей. — Не высовывайся.

Айлин послушалась, но не побежала. Она замерла у ближайшего ствола старого дуба, вглядываясь в темноту, пытаюсь разглядеть то, что заметил Зейн. Сердце колотилось где-то у горла. Холодный пот выступил на спине.

Из-за выступа скалы показались силуэты. Их было трое... четверо... Пятеро? В темноте невозможно было сосчитать. Они двигались осторожно, почти бесшумно, но земля под их ногами все же издавала едва слышный хруст.

— Стоять! — рявкнул Зейн.

Его голос раскатился по поляне, заставив ближайших стражников схватиться за оружие. Мечи со звоном покинули ножны. Кто-то натянул лук.

Силуэты замерли.

Один из силуэтов сделал шаг вперед, и лунный свет, наконец выглянувший из-за туч, упал на знакомое лицо.

— Киран? — не веря своим глазам, выдохнул Кай.

Рука его ослабла на мече, но не ушла совсем.

— А вы потише, — ответил Киран, и в его голосе послышалось огромное облегчение.

Он вышел на поляну, и свет костра осветил его осунувшееся лицо, впалые щеки, темные круги под глазами. Видно было, что он тоже вымотан.

— Мы тут затаились, — продолжил Киран. — Услышали топот, подумали — разбойники. Или, того хуже, королевские стражники. А это вы.

Из темноты вышел и Элио — напряженный, с рукой на

кинжале, с диким взглядом, который готов драться до последнего. Он переводил взгляд с Кая на Зейна, с Зейна на Айлин, а потом резко выдохнул и опустил оружие.

— Вы нас до смерти напугали, — сказал он. — Я уже мысленно простился с жизнью.

— Вы должны были идти с разницей в два часа, — напомнил Зейн, расслабляя плечи и убирая руку с меча. — Как вы здесь оказались? Вы должны быть на полдня позади.

— Шли через лес, — пожал плечами Киран, подходя ближе к костру. — Думали, будем держать темп, но заблудились. Потом нашли эту поляну и решили подождать до утра. А вы, выходит, позже нас приехали, хотя должны были быть впереди.

Айлин вышла из-за дерева, чувствуя, как сердце постепенно успокаивается. *Свои.* Это просто свои.

— Дальше пойдем вместе теперь, — сказал Зейн, не понимая, как это могло произойти. — Нет смысла разделяться. В горах каждый меч на счету.

— Согласен, — кивнул Элио, подходя ближе к костру, который уже вовсю разгорался.

Огонь вспыхнул ярче, осветив лица всех собравшихся. Айлин увидела усталость в глазах Кирана и ссадину на скуле Элио и порез на руке.

— Вы как? — спросила она, подходя к ним.

— Живы, — коротко ответил Киран, и на его лице мелькнуло подобие улыбки. — А вы, как я погляжу, неплохо устро-

ились.

Он перевел взгляд на Кая, который встал за спиной Айлин с видом собственника, и многозначительно поднял бровь.

— Не твое дело, — буркнул Кай, но уши его снова покраснели.

— Я ничего и не говорю, — развел руками Киран, но в его глазах плясали искры, несмотря на усталость. — Просто наблюдаю. Делаю выводы.

— Делай свои выводы где-нибудь в другом месте, — отрезал Кай.

Как легко его было смутить.

Айлин опустилась на землю у разгорающегося костра. Тепло ударило в лицо, и она закрыла глаза, вдыхая запах дыма. Где-то внутри снова шевельнулся кашель, но она сдержала его, проглотила и заставила замолчать.

Утром будет новый день. Новый путь. Новые опасности.

А сейчас — просто ночь. Тишина. Треск костра. Тепло огня, от которого хочется закрыть глаза и ни о чем не думать.

Рядом сел Кай. Его плечо коснулось ее плеча. Айлин почувствовала его тепло даже сквозь ткань плаща.

— Поспи, — сказал он тихо, чтобы никто больше не услышал. — Завтра будет трудно. В горах отдыхать не сможем. Только когда пересечем их.

Она кивнула и закрыла глаза, чувствуя, как его рука осторожно обнимает ее за плечи. Как его пальцы перебирают пряди ее волос, случайно выбившиеся из косы. Как его ды-

хание становится глубже. Он тоже устал, но не хотел показывать.

И пусть весь мир рушится вокруг. Пусть отец ищет Айлин, посылая стражников по всем дорогам. Пусть впереди горы, полные неизвестности. Пусть Зейн видел Вивиан во сне, и это может означать что угодно.

Сейчас, в эту минуту, здесь, в свете костра, под защитой его руки, Айлин было спокойно.

Как никогда прежде.

Глава 20. Осталось 5 дней. Нить

Готовить вместе с Элидой оказалось удивительно легко. Вивиан никогда не думала, что нарезка овощей может приносить столько спокойствия. Нож ритмично стучал по деревянной доске, кусочки моркови и репы складывались в аккуратную горку, и в этом простом действии было что-то почти созерцательное. Запах свежей зелени щипал нос, а тепло от очага грело спину.

Элида рассказывала о том, как проводила детство в королевстве Дождей и Бурь, пока мать была жива. Она говорила неторопливо, и Вивиан чувствовала, как эти истории укутывают ее, словно мягкое одеяло.

— Мне тогда было лет семь, не больше, — Элида чистила картофель, ловко орудуя ножом. — Мы приезжали туда каждое лето. Там всегда пахло мокрой землей и цветами, которых у нас на скалах не растут. А дождь мог начаться в любую минуту, даже когда солнце светит.

— Звучит... необычно, — Вивиан улыбнулась, представляя себе королевство Дождей и Бурь. Она знала о нем только по картам и упоминаниям в учебниках.

— Вот возьми эту, — между слов сказала Элида, протягивая Вивиан глубокую глиняную тару, уже смазанную изнутри маслом.

Вивиан приняла посуду, чувствуя пальцами шерохова-

тость обожженной глины.

— Как долго вы там бывали? — спросила принцесса, перекладывая нарезанные овощи и мясо в горшок. Мясо было темным, жилистым, но пахло аппетитно. Лука забил старого козла еще до завтрака.

— Каждое лето, иногда и зиму захватывали, если мама не хотела уезжать, — улыбнулась Элида, и в ее глазах засветилась теплая грусть. — Моя мама была очень предана своей подруге. Они дружили с детства, и мама говорила, что такая дружба бывает раз в жизни. Они желали поддерживать связь, которая у них была, несмотря на расстояния.

— Что изменилось? — спросила Вивиан, заметив, как настороженность мелькнула на лице Элиды. Женщина чуть замедлила движения, и нож замер на мгновение.

— Она вышла замуж, — тихо сказала Элида. — Из-за этого мы ездили уже не в королевство Дождей и Бурь, а на границу с пустыней, куда переехал ее муж. Он был... не из простых. Его характер был ужасен, а сам он был против любых поездок. Считал, что жена должна сидеть дома и заниматься хозяйством, а не принимать гостей издалека.

Вивиан слушала, не перебивая. В горшке зашипело масло, и она быстро перемешала овощи, чтобы не подгорели.

— А в какой-то момент мы приехали, а он сказал, что Фрея умерла, — голос Элиды дрогнул, хотя событию было уже несколько десятков лет. — Мама тогда так плакала, обвиняла его, кричала, что он не давал ей писать, не пускал к

ней лекарей. Но тот был слишком холоден, стоял с каменным лицом и повторял: «Она умерла от лихорадки. Соболезную».

Элида замолчала, разминая в пальцах пучок тимьяна.

— Позже соседи сказали, что слышали крики из их дома. По ночам. Много ночей подряд. Поговаривают, что он забил до смерти.

— Какой ужас, — Вивиан была шокирована, прикрыв рот рукой. Кусочек моркови выпал из пальцев и упал на пол, но она не заметила. — И никто ничего не сделал?

— Да, — согласилась Элида, возвращаясь к нарезке. — Но это встречается часто, к сожалению. Мужчины жестоки, когда чувствуют власть. Даже если эта власть в семье. Это редкость — встретить кого-то, кто будет уважать тебя как равную. Кто не посчитает, что ты его вещь.

— Ваши родители любили друг друга? — спросила Вивиан, чувствуя, что вопрос может быть слишком личным, но была не в силах сдержать любопытство.

— Любили, — улыбнулась Элида, и улыбка ее стала мягче. — Отец, хоть и кажется ворчливым, он обожал маму. Оберегал ее, носил на руках, хотя она была женщиной крепкой и самостоятельной. Он прощал ей все капризы, а она прощала ему его вспыльчивость. Теперь он оберегает меня. Иногда даже слишком.

— Он заботлив, — согласилась Вивиан, вспомнив, как Лука каждое утро проверял, не холодно ли в комнате, достаточно ли еды, не больна ли она. — У каждого свои опасения.

Он боится за вас.

Элида кивнула, и в глазах ее блеснула непролитая слеза.

— Мама заболела, — сказала она тихо. — Простудилась как-то, а потом болезнь стала хуже. Отец лечил ее, как умел. Он же лекарь, лучший в этих горах. Но не смог ее вылечить. Она угасала на глазах, а он ничего не мог сделать. Он так страдал по ней. Винил себя, мол, лекарь не смог вылечить собственную жену. До сих пор винит, хотя прошло уже почти триста лет.

Вивиан сочувствовала их горю, но не нашла слов, чтобы поддержать. Что можно сказать фэйри, который потерял того, кого любил больше жизни? Никакие слова не залечат такую рану.

— Как твои родители обращаются с тобой? — Элида перешла тему, не желая грустить дальше. Она вытерла руки о передник и принялась за зелень. — Выглядишь ты ухоженной, но при этом... как бы сказать... не избалованной.

— Папа строг, а мама излишне переживает, — кивнула Вивиан, нарезаая томаты тонкими дольками. Сок брызнул на пальцы, и она слизнула его. — Им приходится править королевством и вести сложные дела, будучи королем и королевой, но они хорошие родители. Думаю, моему брату досталось больше. На него всегда давили, что он будущий король. Меня же... ну, меня должны были выгодно выдать замуж.

— И выдали? — Элида изогнула бровь.

— Пока нет, — Вивиан смущенно улыбнулась.

— Вас всего двое в семье? — Элида подбросила в горшок горсть сухих трав.

— Да, — кивнула Вивиан. — Только я и брат. Кай.

— Значит, единственный наследник? — спросила Элида. — Бедный мальчик. Вся тяжесть короны на одних плечах.

— Он не хочет этого, — сказала Вивиан, размешивая овощи. — То есть, он знает, что станет королем, принимает это, но искать королеву и просиживать на троне он не хочет. Говорит, что не создан для церемоний и приемов.

— Чего же тогда он хочет? — Элида с интересом посмотрела на Вивиан.

— Стать командиром армии, — Вивиан пожала плечами, словно это было само собой разумеющимся. — Они с Зейном любят ходить в походы или ездить на переговоры в другие королевства. Кай говорит, что на лошади, под открытым небом он чувствует себя живым, а в тронном зале — чуждом.

— Кто такой Зейн? — Элида произнесла имя медленно.

— Зейн, — Вивиан смутилась, чувствуя, как щеки начинают розоветь. Она уставилась в горшок, делая вид, что очень занята помешиванием. А потом заметила внимательный взгляд Элиды, которая смотрела на нее с мягкой, понимающей улыбкой. — Он принц Лунного Королевства. Друг детства. И мой жених.

— Тот самый жених, — Элида расплылась в улыбке, и в ее глазах загорелся озорной огонек. — Ты хочешь этого союза?

Не родители заставили?

— Да, — кивнула Вивиан на удивление себе. Слова вылетели легко, без сомнений, без той привычной неуверенности, которая мучила ее раньше. Это казалось так неожиданно, говорить об этом вслух, чужой женщине в каменном доме посреди гор. Но сейчас она хотела одного: оказаться рядом с Зейном, прижаться к его груди, закрыть глаза и ни о чем не думать.

— Большая редкость для принцев и принцесс, — подметила Элида, и в голосе ее прозвучало искреннее одобрение. — В нашем мире союзы по любви, как белые цветы среди камней. Редко, но когда встречаются — радуешься.

Они нарезали все овощи и зелень, кидая все в нагревающийся котелок. Мясо уже зарумянилось, и теперь бульон начинал кипеть, пузырясь по краям. Вкус жареного мяса, смешанный с травами и луком, заполнил всю комнату, проникая в каждый угол.

— Виктор часто приезжает к вам? — спросила Вивиан, успокаивая свое смущение.

— Не так часто, как хотелось бы, — вздохнула Элида, и в этом вздохе слышалась вся материнская тоска, какая только может быть. Она помешала варево длинной деревянной ложкой, попробовала на вкус и добавила соли.

— Он слишком занят? При дворе, наверное, много дел?

— Не совсем, — неловко сказала Элида, и Вивиан заметила, как напряглись ее плечи. — Он чувствует себя чужим.

Здесь, в этом доме. Вероятно, он не может мириться с тем, что отец думает об этой всей ситуации. Как дедушка, он не одобряет того, что Виктор остается во дворце, служит отцу, которого ненавидит. Они оба упрямые. Я знаю, что отец любит внука, но не показывает это. А Виктор и так изранен душой. Его душа не почернела при жизни во дворце. Он все такой же добрый мальчик, которого я помню. Просто... закрытый.

— Он не жил с вами? — осторожно спросила Вивиан.

— Эпиал забрал его, — голос Элиды дрогнул, но она взяла себя в руки. — Сказал, что будет воспитывать наследника по своему образу и подобию. Что мальчику нужна мужская рука, а не женские сюсюканья. Но разрешил мне навещать его. Раз в месяц, потом раз в полгода, потом — раз в год. А когда Виктор вырос, он сам стал приезжать, когда мог.

Вивиан задумалась. Король Эпиал совсем не похож на порядочного отца. Она видела достаточно, и ошейник на своей шее, и равнодушие в его глазах, чтобы понять: этот монстр не способен любить никого, кроме себя.

— Как так вышло, что вы... — Вивиан запнулась, не зная, как спросить деликатнее. — Как вы стали его женщиной? Не королевой, я имею в виду. Просто...

— Просто матерью его ребенка? — Элида закончила за нее, и в голосе не было обиды. — Отец очень давно был королевским лекарем. Я росла во дворце, играла в тех же коридорах, где теперь ходят темные рыцари. Тогда там было

больше жизни — слуги, советники, гости. Я выросла и стала помощницей отца в его мастерской. Эпиал заметил молодую, глупую меня, верящую в красивые слова. Ухаживал, как мог. Дарил цветы, читал стихи. Я даже не знала, что именно происходит. Думала — любовь.

Она помолчала, глядя в огонь очага.

— Что же случилось потом? — спросила Вивиан, но ответа не последовало.

В дом зашел Лука, хлопнув дверью сильнее обычного. Его шапка и плечи были в снегу. Белые хлопья таяли, превращаясь в капли воды. Он стянул шапку, стряхнул снег с накидки, и морозный воздух ворвался в теплое помещение вместе с ним.

— Пахнет вкусно, — сказал старик, глядя на Вивиан и Элиду. В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. — Весь дом пропитался. Даже во дворе чувствуется.

— Ты как раз вовремя, — Элида улыбнулась ему, и напряжение в комнате развеялось. — Садись, сейчас будем накрывать на стол.

Вивиан научилась в этом доме готовить и накрывать на стол. Это получалось легко — расставить тарелки, разложить ложки, поставить в центр миску с хлебом — и приносило принцессе странную, почти забытую радость. Никто не смотрел на нее с осуждением, не поправлял, не говорил, что «принцессе не пристало». Здесь она была просто обычной девушкой.

— У меня есть для тебя кое-что интересное, Вивиан, — сказал Лука, усаживаясь на свое место во главе стола. — Что касается твоих теней.

— Занятие? — воодушевилась Вивиан, отставляя горшок с похлебкой.

Лука кивнул, снимая верхнюю одежду и вешая ее на крючок. Его щеки и нос покраснели от мороза, седые волосы растрепались.

— Я давно позабыл, чему сам учился в молодости, — он почесал бороду, задумавшись. — Но сегодня вспомнил, что интересовало меня, будучи мальчишкой. Про то, как тени могут служить не только оружием, но и... письмом. — Он посмотрел на Вивиан. — Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответила Вивиан.

— Совсем юная, — прошептала Элида, глядя на нее и думая, как эта девочка оказалась здесь, в горах, вдали от дома, от семьи, от всего, что знала.

— Я был помладше, когда начал изучать этот вопрос, но это достаточно интересно, даже в твоем возрасте, — сказал Лука, разливая похлебку по тарелкам. — Слышала что-нибудь о невидимых письмах?

Вивиан покачала головой, а Элида улыбнулась, зная, о чем пойдет речь.

— Маги, имеющие теневые способности, придумали это еще в древности, — пояснил Лука, отхлебывая из кружки горячий травяной чай. — Они писали тенями на пергамен-

те, а затем текст исчезал, оставляя чистый лист. Обычный маг не мог увидеть этого, даже самый сильный. Лишь тот, кто тоже обладал тенями, мог прочитать послание. В итоге получается тайное письмо, которое никто не перехватит и не прочтет.

— Звучит интересно, — обрадовалась Вивиан, чувствуя, как внутри загорается любопытство. — Это сложно?

— Как любое колдовство, требует сосредоточения, — сказал Лука. — Тогда займемся этим после обеда. А сейчас давайте есть, пока еда не остыла.

Они ели молча, наслаждаясь теплом и сытостью. Похлебка была густой, наваристой, с мясом, которое таяло на языке, и овощами, пропитанными соком и травами. Вивиан съела две тарелки.

— Отличный обед, — похвалил Лука, отодвигая пустую тарелку и вытирая усы рукавом. — Вы обе хорошо потрудились.

— Это Вивиан помогала, — сказала Элида, кивая в сторону девушки. — Без нее я бы провозилась до вечера.

Вивиан покраснела от удовольствия. Похвала здесь была редкой и искренней, и она ценила ее больше, чем все комплименты при дворе.

После обеда Элида убрала посуду, а Лука принес с полки кусок грубого пергамента, чернила и перо.

— Садись, — сказал он, указывая на стул у окна, куда падал дневной свет. Снег за стеклом все шел, но небо стало

светлее. — Сначала ты должна научиться чувствовать, как тени откликаются на твое желание. Ты не должна им прика- зывать. Общайся с ними, как с другом, которого просишь помочь. Вы — одно целое.

Вивиан села, положив руки на колени. Лука сел напротив, положил перед ней чистый лист пергамента.

— Закрой глаза, — сказал он. — Вспомни тот сон. Тот лес, где ты была. Вспомни, как тени прикоснулись к тебе. Насколько они были теплыми.

Вивиан закрыла глаза.

Тихий, застывший лес. Тени, кружащие вокруг. А потом — прикосновение.

— Теперь позови их, — голос Луки звучал ровно, убаюки- вающе. — Представь, что они рядом. Что они текут по твоим рукам, к пальцам.

Она почувствовала. Сначала легкое покалывание в кон- чиках пальцев. Потом становилось теплее. Тени откликались неохотно, словно просыпаясь после долгой спячки, но от- кликались.

— Открой глаза, — сказал Лука. — И напиши что-нибудь. Просто води пальцем по бумаге.

Вивиан открыла глаза, поднесла руку к пергаменту, прове- ла указательным пальцем по поверхности и замерла. За паль- цем тянулся тонкий черный след, похожий на тени. Он висел над бумагой, не впитываясь, и через секунду исчез, словно его и не было.

— Получилось? — спросила она с надеждой.

— Получилось, — кивнул Лука, и в его глазах загорелся огонек удовлетворения. — Теперь я напишу тебе фразу. А ты попробуй ее увидеть.

Он взял перо. Вивиан не поняла, как он это сделала, но кончик пера стал черным, почти невидимым на свету. Лука вывел на пергаменте несколько слов, затем отложил перо.

Лист был чистым.

— Смотри, — сказал Лука. — Не напрягай зрение. Расслабься. Представь, что ты смотришь не на бумагу, а сквозь нее. Как в тот лес, где ты была.

Вивиан уставилась на пергамент. Сначала ничего не происходило — просто желтоватая, грубая поверхность. Потом, через несколько секунд, на ней начали проступать буквы — серые, призрачные, словно написанные дымом.

«Ты справишься».

Вивиан прочитала вслух, и улыбка расплылась на ее лице.

— Я вижу! — воскликнула она. — Я правда вижу!

— Конечно, видишь, — усмехнулся Лука, но в усмешке не было насмешки. — Твои тени уже узнали тебя. Теперь дело за малым — научиться писать так, чтобы другие с твоими способностями могли читать.

— А кто еще, кроме меня? — спросила Вивиан.

— Тот, кому ты захочешь отправить послание, — сказал Лука. — Если он обладает тенями — он прочитает. Если нет — увидит только чистый лист.

Вивиан взяла перо и попробовала сама. Получалось не сразу — тени то сбегались слишком густо, оставляя черные кляксы, то исчезали, не успев закончить букву. Но после пятой попытки у нее получилось вывести простое слово: «Солнце».

— Отлично, — сказала Элида, наблюдавшая со стороны. — Ты быстро учишься.

— Это так... волшебно, — выдохнула Вивиан, глядя на свои пальцы. — Я никогда не думала, что тени могут быть не только оружием.

— Все, что есть в мире, может быть и оружием, и инструментом, — сказал Лука, убирая пергамент. — Важно то, как ты это используешь. И зачем.

Вивиан задумалась. Она смотрела на свои руки, на кончики пальцев, где все еще покалывало от недавней магии.

И вдруг ее осенило.

— Лука, — сказала она, поднимая глаза. — А можно использовать ментальную магию, чтобы отправлять такие тайные послания?

Лука задумался и почесал бороду.

— Теоретически — да, — сказал он медленно. — Но это требует огромной силы и концентрации. И связи с тем, кому ты хочешь отправить мысль. Ментальная магия — это не почтовая служба. Это... нить. Ее нужно протянуть от тебя к другому существу. И если он не умеет ее принимать — нить оборвется.

— А если умеет? — спросила Вивиан, думая о Зейне. Он был менталистом и обладал тенями.

— Если умеет, то вы сможете говорить на расстоянии, — сказал Лука. — Но это опасная дорога, Вивиан. Ментальная магия без защиты — как открытая дверь в твой разум. Не каждый, кто постучится, окажется другом.

— Я знаю, — тихо сказала она, но в глазах ее горел огонь. Зейн.

Она могла бы позвать его.

Мгновенно.

Она отогнала эту мысль. Виктор просил не использовать магию для связи. Сказал, что темные рыцари чувствуют ее. Но может быть... может быть, есть способ сделать это незаметно?

Вивиан посмотрела в окно, на падающий снег, и улыбнулась своим мыслям.

Глава 21. В пропасти

Зейн почти не спал. Он лежал в палатке на тонкой войлочной подстилке, уставившись в потолок, и ворочался с боку на бок. Мысли грызли его изнутри, не давая сомкнуть глаз.

Как они это сделали?

Он переворачивался на левый бок — неудобно. На правый — еще хуже.

Киран и Элио должны были отставать на два часа.

Два часа — это расстояние, которое не сократить случайной лесной тропой. Два часа при хорошей дороге около пятнадцати миль. Даже если гнать лошадей во весь опор, не жалея копыт, разрыв в два часа нельзя превратить в опережение. А они не просто догнали, они оказались впереди, поджидая на поляне, словно знали, где именно остановится отряд.

Зейн изучил все дороги Горного города. Он пересмотрел десятки карт перед отъездом. Он знал каждый перевал, каждую тропку, каждую расщелину, через которую можно провести лошадь. Но даже он не мог представить, каким чудом Киран и Элио умудрились обогнать отряд.

Это не могло не пугать.

Если они нашли путь, которого нет на картах, значит, карты неполны. Если карты неполны, значит, Зейн, повел отряд не самым безопасным маршрутом. А если ошибка в расче-

тах, значит, под ударом жизни его войско. Каждого из них. Каждого, кто доверился ему, кто пошел за ним в эти горы.

Он закрыл глаза, пытаясь унять бешеный стук сердца. В висках стучало, в такт каким-то невидимым барабанам. Но сон не шел.

Зейн сел, провел ладонью по лицу и понял, что больше не уснет.

Ни сегодня.

Может, никогда.

Как только начало светлеть, за узкой щелью в пологе палатки забрезжил серый рассвет. Зейн отбросил тряпки, укрывающие его, нащарил сапоги и вышел наружу.

Утренний морозный ветер ударил в лицо, и он невольно втянул голову в плечи. Воздух был острым, с запахом гор.

Зейн поморщился. Неприятная погода ближе к горам его не устраивала. Сырость, холод, туманы, которые спускаются внезапно и могут длиться днями, — все это мешало быстрому переходу. Все это могло стоить им драгоценного времени.

Кто-то из войска уже не спал. Несколько рыцарей возились у лошадей, поправляя сбрую и проверяя подковы. Увидев принца, они коротко кивнули. Зейн ответил на приветствие и оглядел лагерь.

В палатке Кая и Айлин было тихо. Ни звука, ни кашля, который он слышал прошлой ночью. Зейн нахмурился, но решил не беспокоить их раньше времени.

Потом проверю, — решил он и потянулся к поясу, где ви-

сел меч.

Тело затекло от бессонной ночи. Мышцы ныли, требуя движения. Суставы хрустели при каждом шаге. Зейн решил согреться с помощью небольшой разминки, как делал всегда, когда мысли путались и требовалось привести голову в порядок. Меч всегда находился на поясе и ждал своего часа. Верный, молчаливый товарищ, который никогда не подведет, не предаст, не задаст лишних вопросов.

Обогнув лагерь, Зейн углубился в лес. Он затерялся среди высоких сосен и елей, чьи лапы свисали до самой земли, укрывая прошлогоднюю хвою. Но все еще слышал родной лагерь. Этого было достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности, но не отвлекаться от тренировки.

Он нашел небольшую прогалину, где земля была ровной, а ветки не мешали размаху. Здесь пахло смолой и прелой листвой. Где-то вдалеке стучал дятел. Зейн встал в стойку.

Выпад.

Меч рассек утренний воздух со свистом. Лезвие блеснуло в сером свете, поймав редкий луч, пробившийся сквозь облака.

Окружение тени.

Зейн закрыл глаза и открыл их уже в другом пространстве. Там, где нет деревьев и лагеря. Там, где есть только он и враг.

Разум создавал в воображении противника, который двигался хаотично и непредсказуемо.

Удар справа. Блок. Зейн встретил клинок воображаемого

врага своим, и металл зазвенел в его сознании так громко, что заложило уши.

Удар слева. Уклонение. Зейн ушел в сторону, чувствуя, как лезвие проходит в дюйме от его шеи.

Тень исчезла. А потом появилась за спиной, он почувствовал холод затылком, дующий оттуда.

Разворот. Рубящий удар. Меч описал дугу, и Зейн вложил в него всю силу, накопленную за бессонную ночь.

— Ха! — вырвалось у него.

Зейн двигался словно в танце. Его дыхание выравнивалось, вдох на выпаде, выдох на блоке. Мышцы разогревались, кровь бежала быстрее по жилам, разгоняя усталость и холод. Меч в его руке был продолжением тела.

Он чувствовал, как уходит напряжение, и мысли проясняются. Как страх отступает перед простотой движения.

Противник в его сознании атаковал с двух сторон сразу. Одна тень — слева, вторая — справа. Зейн сделал ложный выпад влево, заставил первую тень раскрыться, потом резко развернулся и вонзил клинок в воображаемую грудь второй.

Тень вздрогнула, замерла и рассыпалась, как песок на ветру.

— Ха, — выдохнул он, останавливаясь.

Пот выступил на лбу, несмотря на холод. Дыхание сбилось, но это была приятная усталость — та, что приносит ясность в голову.

— Я знал, где тебя искать, — раздался голос из-за дере-

вьев.

Зейн не обернулся.

Кай вышел на прогалину, раздвинув ветки. Его лицо было спокойным, но под глазами залегли темные круги. Он выглядел отдохнувшим, если так можно было сказать про того, кто вставал каждые полчаса, чтобы проверить, не проснулась ли Айлин. Но плечи его были напряжены, пальцы сжимали край плаща.

— Я вечно думаю о чем-то, — устало протянул Зейн, опуская меч и проводя рукой по лицу. — Не мог уснуть. Думал о Киране и Элио. Как они смогли нас обогнать? Я так...

— Зейн, — строго перебил Кай.

Голос его был тверже, чем обычно.

— Мы в пути, — продолжил Кай. — Сейчас не время для самокопания. Моя сестра та еще заноза для короля Смерти. Если мы опоздаем...

— Я помню, — Зейн сжал рукоять меча. Кожа перчатки скрипнула по оплетенной кожей рукояти. — Если письмо не врет, Виктор уже спрятал ее.

— Все же поверил в это? — Кай подошел ближе, останавливаясь в нескольких шагах. Он смотрел на друга в упор.

Зейн задумчиво покрутил меч, глядя на лезвие. В полированной стали отражалось бледное утреннее небо.

— Я рассматриваю все варианты, — сказал он медленно. — Но готовлюсь к худшему.

— Знаю, — кивнул Кай.

— Кроме этого случая, — Зейн поднял глаза на друга, и в его взгляде мелькнул страх, чего Кай не видел давно. — Я боюсь даже думать об этом. Если с Вивиан что-то случилось... если король Смерти...

Он не договорил. Слова застряли в горле, как рыбные кости.

Кай молча кивнул. Его голова и без того раскалывалась от мыслей о пропаже сестры, о болезни Айлин, о предстоящем пути. Он положил руку на плечо Зейна.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросил Кай тихо. — У вас всегда была особая связь.

— Нет, — Зейн покачал головой. — Ничего. Пустота.словно ее нет. Или словно она за стеной, которую я не могу пробить. Я тянусь к ней и натываюсь на тупик. Она не отвечает. Я даже не знаю, жива ли она.

— Ты не виноват в этом, — твердо сказал Кай. — Запомни. Ты не виноват.

Зейн промолчал. Он сунул меч в ножны и отвел взгляд. В глазах блеснуло что-то влажное, но он моргнул, и блеск исчез.

— Как Айлин? — спросил он, меняя тему.

Кай помедлил, собираясь с мыслями. В груди заныло. Он вспомнил, как ночью Айлин металась в его объятиях, как ее лоб горел огнем, как она бормотала что-то бессвязное о дворце, об отце, о каких-то птицах.

— Кажется, у нее жар, — ответил он тихо, чтобы никто

из лагеря не услышал. — Она всю ночь ворочалась. То раскроется, то укроется. Что-то бормотала во сне. Она горячая, как печь.

— Сходи к лекарю, — посоветовал Зейн. — На этот раз он поехал с нами. Даст отвар, посмотрит горло.

Кай кивнул, и в его глазах мелькнула тень благодарности. Зейн прошел мимо друга, заканчивая свою тренировку. Он подобрал с земли плащ, отряхнул его от хвои и мелких веточек и накинул на плечи.

Вместе они вернулись в лагерь.

Поляна уже почти опустела. Палатки были свернуты и погружены на лошадей. В центре, у догорающего костра, собрались все остальные — Киран, Элио и несколько рыцарей. Они сидели на бревнах и камнях, держа в руках миски с горячей похлебкой. Пар поднимался над мисками и таял в холодном утреннем воздухе.

— Командир, берите, — сказал один рыцарь, когда Зейн приблизился.

Он был в доспехах, но без шлема, что открывало его обветренное лицо с шрамом на скуле, который тянулся от уха до подбородка. Он указывал на котелок, висящий над углями. Внутри лежало жареное мясо. Запах шел такой, что у Зейна свело желудок.

Завтрак прошел быстро. Рыцари привыкли есть на ходу, не тратя лишних минут. Даже вкус толком не чувствовали. Еда была топливом, не больше.

Айлин сидела чуть в стороне, на поваленном стволе, закутавшись в плащ поверх одеяла. Она почти не притронулась к еде. Миска стояла рядом, нетронутая, и похлебка уже остыла, покрывшись тонкой пленкой жира. Лицо ее было бледным, на щеках горел нездоровый румянец. Глаза блестели лихорадочно, и под ними залегли темные круги.

Кай принес ей кружку с отваром, что дал лекарь.

— Выпей, — сказал Кай, присаживаясь рядом на корточках.

— Не хочу, — капризно отозвалась Айлин, морща нос. Запах отвара был резким, травяным, с нотками полыни и чего-то еще горького.

— Я сказал — выпей.

Она взяла кружку обеими руками — они дрожали, и кружка мелко тряслась, расплескивая отвар. Она сделала глоток, скривилась, но допила до дна. Кай забрал кружку и сжал ее холодные пальцы в своих ладонях.

— Умница, — сказал он тихо.

— Не называй меня так, будто я собачка, — огрызнулась Айлин, но в ее глазах мелькнула искра прежней живости.

Через четверть часа последние кострища были залиты водой. Лошади заседланы, солдаты построены. Кто-то перекидывался последними шутками, кто-то молился про себя.

— Двинулись, — скомандовал Зейн, взбираясь на своего коня.

Отряд потянулся к горам.

Горный город открылся перед ними во всей своей суровой красоте. Айлин, несмотря на слабость, замерла, глядя по сторонам, и на миг забыла о кашле и головной боли.

Это было невообразимо красиво.

Зеленые горы вздымались к небу, покрытые густыми лесами и изумрудными лугами. На склонах, где деревья раступались, виднелись поляны, усыпанные цветами. Речки и ручьи вились между камнями, сверкая на солнце. Вода в них была прозрачной, как стекло, и Айлин разглядела рыбу. Птицы издавали пронзительные крики — то ли охотились, то ли просто пели, радуясь новому дню.

По склонам бегали животные. Горные козлы с огромными рогами, закрученными в спираль, стояли на выступах, недосягаемые для хищников. Суслики выскакивали из нор, замирали на задних лапках и снова исчезали. Какие-то маленькие пушистые зверьки с длинными хвостами перебегали тропу прямо перед лошадьми, и те испуганно шарахались в сторону.

А на самых больших горах, виднелись снежные вершины. Они сияли белизной на фоне ярко-синего неба, словно шапки великанов, и от них тянуло таким холодом, что Айлин поежилась, даже не чувствуя ветра.

— Никогда не видела ничего подобного, — прошептала она, и в голосе ее прозвучало искреннее восхищение.

— Это только начало, — отозвался Кай. — Дальше будет

красивее. И сложнее.

Они двигались друг за другом, узкой цепочкой, потому что тропа была рассчитана только на одного всадника. Слева поднималась каменная стена, поросшая мхом и лишайником, справа — обрыв, на дне которого шумела река. Зейн вел всех, уверенно держа путь по тропе, которая заметно обросла с тех пор, как здесь в последний раз проезжал кто-то живой.

Кусты хлестали по ногам, оставляя царапины на сапогах и штанах. Ветки норовили ударить в лицо и сорвать капюшон. Лошади шли медленно, осторожно, переставляя копыта по каменистой почве, иногда поскальзываясь на мокрых камнях.

День тянулся долго.

Солнце поднималось все выше, но в горах было не жарко, ветер с ледников охлаждал воздух до прохлады ранней весны. Айлин куталась в плащ, но все равно зябла. Кай то и дело поглядывая на нее, проверяя.

Перед ними начал вырисовываться холмик. Тропа вильнула в сторону и поползла вверх по склону, петляя между камнями и корнями деревьев.

— Подъем, — коротко бросил Зейн, и лошади напряглись, набирая высоту.

Как только они начали подниматься наверх, отряд замедлился. Лошади фыркали, втягивая ноздрями холодный воздух, и их дыхание вырывалось белыми облачками пара. Уже

вечерело. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Но света было еще достаточно, чтобы видеть далеко вперед. Камни на тропе отбрасывали длинные тени, а горы на западе стали черными силуэтами на фоне заката.

— Смотрите, — сказал Киран, прищурившись.

Он указал рукой вперед и чуть вниз, на следующий склон, где тропа снова выравнивалась и шла почти горизонтально.

Все подняли головы.

Впереди темнели пятна. Несколько. Они двигались медленно, но уверенно. Их силуэты выделялись на фоне закатного неба.

— Кто это? — Киран сощурился, пытаясь разглядеть детали.

— Кажется, они к нам, — хмыкнул Элио, и его рука привычно легла на рукоять меча. Все тело его напряглось, как у зверя перед прыжком. Мышцы перекачивались под кожей, готовые к бою.

Айлин чувствовала себя не очень хорошо. Голова кружилась, в висках стучало, горло саднило при каждом глотке воздуха. Но она заставила себя приглядеться к темным пятнам. Что-то в их очертаниях показалось ей знакомым.

Она вспомнила тот ужасный день, когда Вивиан исчезла. Черные фигуры на фоне голубого неба. Лязг металла. Крик. И вдруг ее осенило.

— Темные рыцари, — ахнула она, и голос ее сорвался на

шепот, такой тихий, что Кай едва расслышал. — Точно такие, как в день пропажи Вивиан. Та же броня. Тот же цвет. И... та же пустота под шлемами.

Парни переглянулись. В их взглядах промелькнуло понимание.

Зейн действовал мгновенно. Он повернулся к отряду и крикнул, чтобы его слышали все, чтобы его голос транслировал в разумах всего войска:

— Готовиться к бою! Мечи наголо! Щиты к бою!

Рыцари зашевелились, доставая оружие.

— Как же не вовремя мы встретились, — сказал Киран, глядя вниз.

Они как раз шли по той части тропы, где нужно было ступать по самому краю обрыва. Метров пятьдесят падения, не больше. Внизу — острые скалы, торчащие из воды, и бешеная горная река, которая бурлила и пенилась, разбиваясь о камни.

— Не хотел бы я упасть туда, — сказал Элио, покосившись вниз, и побледнел.

— Слишком узко, — согласился Зейн, оценивая пространство для маневра. — Здесь не развернуться. Будем биться один на один, как в коридоре. Каждый за себя и за соседа слева.

Темные рыцари приближались. Теперь их можно было разглядеть отчетливо, во всех жутких деталях.

Они влекли за собой смерть и холод. Воздух перед ни-

ми словно густел, становился ледяным, у Айлин перехватило дыхание. За ними, словно рваные щупальца, тянулись тени. Они не подчинялись законам света: падали не в ту сторону, куда должен был падать свет заходящего солнца, а куда-то вбок, извиваясь, как змеи.

А кони под ними тоже были не простыми. Черные, с горящими красными глазами, они не шли, а плыли над землей, не касаясь копытами камней. От их ног не было слышно ни стука, ни цокота — только шорох, похожий на шелест крыльев летучих мышей.

— Боги, что это... — прошептал кто-то из рыцарей.

Кай действовал первым. Он спрыгнул с лошади и развернул ее в обратном направлении. Лошадь фыркнула, но послушалась.

— Пробирайся в конец войска, — приказал он Айлин, глядя ей прямо в глаза.

— Но... — попыталась возразить она.

— Иди и жди меня, — крикнул он, не оставляя места для споров.

В его голосе было столько стали, что Айлин не посмела послушаться. Она сжала поводья побелевшими пальцами и поскакала сквозь строй рыцарей, пробираясь в хвост отряда, туда, где было безопаснее. Лошадь под ней спотыкалась, но держалась.

Кай проводил ее взглядом, убедился, что она ушла, и выхватил меч. Лезвие блеснуло в лучах заходящего солнца.

— За мной! — крикнул он, и бросился вперед.

Темные рыцари атаковали.

Никто из них не видел такого раньше, даже старые вояки, кто пережил осады и штурмы.

Противники не были людьми.

Да, у них были тела, доспехи, оружие. Доспехи черные, матовые, не отражающие света, казалось, они впитывают его, как черная дыра. Да, у них были руки, ноги, головы. Но под шлемами не было лиц. Только пустота, тьма, иногда вспыхивали красные огоньки вместо глаз — два злых уголька, горящих ненавистью.

Они не дышали. Не издавали ни звука, когда клинок встречался с клинком. Ни крика, ни стона, ни хрипа. Только тишина, от которой волосы вставали дыбом.

Темный рыцарь начал атаковать, игнорируя нападки.

— Обычный металл не берет! — крикнул Киран, отступая после того, как его меч с треском сломался о броню врага.

Клинок разлетелся на три куска, и Киран остался с бесполезной рукоятью в руке. Он выругался и отшвырнул ее в пропасть.

— Только зачарованное оружие! — подтвердил Зейн, рубя одного из рыцарей своим клинком — наследным мечом Лунного королевства, который помнил еще магию древних. Лезвие светилось тусклым голубоватым светом, когда касалось врага.

От удара темный рыцарь вздрогнул, по его броне пошли

трещины, паутиной расходящиеся во все стороны. А потом он рассыпался в черный пепел, который развеялся на ветру, не долетев до земли.

— У кого есть зачарованное оружие? — крикнул Зейн, отбивая атаку слева.

— У меня! — отозвался один из рыцарей. Он выхватил короткий меч с рубином в рукояти. Камень горел алым.

— И у меня! — крикнул другой, поднимая секиру с серебряной инкрустацией.

Оказалось, что несколько из отряда владели старыми клинками, хранящими магию. Остальные бились обычным железом и проигрывали. Темные рыцари теснили их, шаг за шагом, оттесняя к краю обрыва. Каждый шаг назад приближал их к пропасти.

Элио сражался между Зейном и Кираном, нападая на двух теней рыцарей одновременно. Его клинок был обычным, но он компенсировал это скоростью, яростью и отчаянной храбростью.

Выпад. Меч вошел в плечо врага, не задевая доспехи. Темный рыцарь даже не покачнулся. Еще удар — в печень. Бесполезно. Противник занес руку для ответного удара, и Элио едва успел увернуться — лезвие просвистело у самого виска, срезав несколько волосков.

Элио отступил на шаг. Еще на шаг. Он не видел, что позади него — пустота.

И его правая нога не рассчитала площадь.

Он почувствовал, как земля уходит из-под подошвы. Камни посыпались вниз, застучали по скалам, и их стук затих где-то далеко-далеко, поглощенный шумом реки.

— Твою мать! — выдохнул Элио, теряя равновесие.

Сердце ухнуло в пятки. Желудок подскочил к горлу. Время замедлилось, и он видел, как камешки падают вниз, считая секунды, как исчезают из виду.

— Элио! — крикнул Киран, оглянувшись.

Он увидел, как друг падает за край обрыва, и сердце его пропустило удар.

Но Элио не полетел вниз. Он пытался ухватиться за край обрыва, но земля под пальцами крошилась, осыпалась, не давая опоры. Пальцы скользили по мокрым камням, ноги бились по склону, срывая мелкие камешки и комья земли.

Он уже мысленно попрощался с жизнью, увидел лицо матери, услышал голос отца, почувствовал запах родного дома, когда левая рука наткнулась на что-то твердое. Ветка. Она росла прямо из расщелины в скале, протянувшись горизонтально над пропастью.

Элио вцепился в нее мертвой хваткой. Пальцы сжались так сильно. Ветка прогнулась под его весом, затрещала, но выдержала.

— Милосердные боги, — выругался он, болтая ногами над пропастью. — Я в порядке!

— Можешь подождать? — крикнул Киран, отбиваясь от очередного темного рыцаря. — Я немного занят!

— Да, конечно, я могу ждать! — крикнул Элио с сарказмом, вися на ветке. Голос его срывался на фальцет от напряжения. — У меня тут прекрасный вид на закат, никуда не тороплюсь!

Ветка снова затрещала. Элио замер, перестав дышать. Он смотрел на кору, на маленькую трещину, которая медленно ползла по ней, и молился всем богам, каких знал.

Святая Вестарион, Лириэль и Анима!

И такие же святые Аэрион, Крастор и... Нет.

Святой Морте, не забирай меня.

Прошу.

— Только побыстрее, если можно! — добавил Элио, когда трещина стала больше.

Сражение наверху продолжалось. Зейн и Киран вдвоем теснили последнего темного рыцаря, давая ему подойти к краю. Они били с двух сторон, их клинки сверкали в сумерках. Кай, разобравшись со своим противником, подбежал к обрыву и заглянул вниз.

— Повезло же тебе, — сказал он, протягивая руку. — Сможешь дотянуться?

Элио посмотрел вверх. Рука Кая висела в нескольких локтях от него. Слишком далеко.

Слишком, слишком далеко.

— Постараюсь, — сказал Элио, сжимая челюсти так сильно, что на скулах заходили желваки.

Он отпустил ветку одной рукой. Та закачалась, заскрипе-

ла, трещина стала шире, и начал искать опору для ног. Пальцы ног в сапогах шарили по скале, пока не нащупали небольшой выступ. Он перенес на него вес, потом нащупал другой, выше. Камни осыпались, нога соскользнула, но он успел зацепиться.

Элио начал карабкаться, подтягиваясь на одной руке, цепляясь пальцами за каждую трещину в камне. Мышцы горели огнем. Пот заливал глаза, щипал, мешал смотреть. Дыхание вырывалось хрипом, грудная клетка ходила ходуном.

Он весь дрожал.

— Давай, давай, — поддерживал Кай, опускаясь ниже, почти ложась на живот на край обрыва, чтобы сократить расстояние. Камни осыпались у него из-под колен. — Еще немного. Тянись.

Элио прорывал. Его пальцы скользнули по камню, сорвались, и он повис на одной руке, раскачиваясь над пропастью. Ноги болтались в пустоте. Сердце колотилось где-то в горле.

Он собрал последние силы, подтянулся, нашел выступ для ноги и снова потянулся вверх. Еще дюйм. Еще. Рука Кая была уже почти рядом.

— Давай! — крикнул Кай, и в его голосе прозвучало что-то первобытное.

Элио сделал последнее усилие — рывок, от которого чуть не порвались связки. Его пальцы коснулись пальцев Кая. Скользнули. *Снова.* И наконец — хватка.

Рука Кая сжала его запястье мертвой хваткой.

— Есть! — выдохнул Кай, начиная тянуть.

Он тянул изо всех сил, упершись ногами в землю, напрягая каждую мышцу. Элио помогал, как мог, карабкаясь ногами по склону, оставляя на камнях клочья одежды и кожи. Камни сыпались вниз, ветка, на которой он висел, наконец сломалась и улетела в пропасть, ударившись о скалы через несколько секунд.

Кай вытянул его наверх, перевалил через край, и Элио рухнул на землю, тяжело дыша, раскинув руки в стороны. Он смотрел в небо и не мог поверить, что жив.

— Я чуть не обосрался, — усмехнулся Элио, и его смех был похож на икоту.

— Придурок, — выругался Киран, подходя к ним.

Он был бледен, как смерть, в глазах стоял неподдельный страх, который он пытался спрятать за злостью. Он пихнул Элио ногой, чтобы убедиться, что друг живой, настоящий, а не призрак.

Им с Зейном удалось свалить последнего темного рыцаря. Зейн рубанул его зачарованным мечом, целясь в щель между шлемом и наплечником, и враг расплылся в воздухе черным туманом, оставив после себя только холод и запах гари, от которого першило в горле.

— Кажется, все, — сказал Зейн, оглядывая поле боя.

Темные тела исчезали одно за другим, превращаясь в пепел, который ветер уносил в пропасть. Пепел кружился в воздухе, как черный снег, оседал на лицах и доспехах.

Кай поднял Элио на ноги. Тот тяжело дышал, держался за живот, но улыбался.

— Жить буду, — сказал он, вытирая пот со лба.

— Смотри, — вдруг резко сказал Кай, глядя куда-то за спину Элио.

Глаза его расширились. Зрачки сузились.

Элио не успел обернуться. Он только почувствовал, как воздух справа от него стал холодным.

— Справа! — крикнул Кай, бросаясь вперед.

Элио перевернулся на спину, падая на землю, ударившись затылком о камень. Меч темного рыцаря, который каким-то чудом уцелел и не рассыпался вместе с остальными, пролетел над ним в дюйме от лица. Элио видел черное лезвие с волнистыми зубцами. От него веяло такой древней злобой, что у Элио перехватило дыхание.

Но темный рыцарь не остановился. Другой рукой, свободной, он полоснул Элио по животу.

Элио зарычал.

Клинок разрезал кожу и мышцы как масло. Кровь хлынула ручьем, заливая рубаху, доспехи, землю вокруг. Теплая, она смешивалась с черным пеплом, превращаясь в грязную бурую жижу.

Зейн, воспользовавшись тем, что темный рыцарь отвлекся на Элио, подскочил сзади. Он размахнулся и вонзил свой зачарованный меч насквозь, прямо между пластин брони.

Темный рыцарь замер. На миг показалось, что внутри до-

спехов что-то вздохнуло. А потом он рассыпался в воздухе пеплом, как и его товарищи.

Пепел осел на лицо Элио, смешиваясь с кровью и потом. Он закашлялся, пепел попал в рот.

— Вот же драная кошка, — скривился Элио, прижимая руки к животу. — Поцарапал меня!

Кровь сочилась между пальцами. Много крови. Слишком много. Она текла быстро, пульсируя в такт сердцу.

— Лекаря! — крикнул Кай, падая на колени рядом с другом. — Быстро лекаря!

Он прижал ладони к ране поверх рук Элио, стараясь остановить кровь. Ладони сразу стали липкими и теплыми.

— На этот раз точно последний, — сказал Киран, оглядываясь.

Вокруг больше не было врагов. Только черный пепел на камнях, только запах смерти, который медленно развеивал горный ветер.

— Мне нужен привал, — сказал Киран, и в его голосе впервые прозвучала усталость. — Иначе мы не скоро сможем отдохнуть. Элио нужна помощь. И Айлин больна. А мы все — на пределе.

— Остановимся, как только найдем безопасное место, — ответил Зейн, подходя к раненому.

Он посмотрел на рану, нахмурился, кажется, она не задела внутренностей. Жестом позвал лекаря, который уже спешил к ним с сумкой в руках, перевязками и склянками.

— Жить будет, — сказал Зейн, глядя на Элио. В его голосе была уверенность, которую он не чувствовал. — Ты слишком упрямый, чтобы умирать.

— Это точно, — прохрипел Элио, стиснув зубы, пока лекарь осматривал его рану, промывая ее чем-то жгучим. — Я еще этих тварей на тот свет отправлю. Лично.

Солнце уже почти село, окрасив горы в багровый цвет, как кровь, разлитая по камням. Ветер стих, и в наступившей тишине было слышно только тяжелое дыхание людей, тихие стоны раненого да далекий шум реки внизу.

Айлин, сидящая на лошади в хвосте отряда, сжала поводья. Ей хотелось спрыгнуть, подбежать, помочь, но силы оставили ее. Жар снова поднимался, застилал глаза. Она только прошептала так тихо, что никто не услышал:

— Вивиан, где же ты...

Глава 22. Осталось 3 дня. След

Вивиан проснулась от громких шепотов и шума, доносившихся за дверью спальни. Сначала она подумала, что это ей снится. Голоса звучали приглушенно, но напряженно, как будто спорили, стараясь не разбудить ее, но забыли о тишине в пылу разговора. Слова перетекали в шепот, шепот снова повышался до почти обычного голоса, и Вивиан невольно ловила каждое слово.

Она приоткрыла глаза. В комнату пробивался серый утренний свет, такой непохожий на яркое солнце Солнечно-го королевства. Кровать Элиды была пуста и аккуратно заправлена.

Значит, женщина уже встала и собиралась на рынок, куда уходила по утрам каждый день. Но сейчас она не ушла и спорила о чем-то с Лукой в коридоре.

Вивиан села на кровати, натянув одеяло до подбородка, и прислушалась. Дверь в спальню была притворена неплотно и слова доносились отчетливо.

— Уверен, что тебе нужно уезжать на этой неделе? — голос Элиды звучал встревоженно, с той мягкой настойчивостью, которую Вивиан уже научилась распознавать. Женщина не любила спорить, она вообще была миролюбивой, но когда дело касалось семьи, стояла на своем, как скала.

— Ты же знаешь, как только первый снег окутывает на-

шу деревню, я уезжаю, — раздраженно выдохнул Лука. — Зимой дороги становятся непроходимыми, Элида. Перевалы заносит, тропы исчезают под снегом. Если я не уеду сейчас, придется ждать весны, а это еще три месяца. Три месяца без торговли, без новых лекарств, без тканей.

— Сейчас у нас не та ситуация, — спорила Элида, и в голосе ее послышались умоляющие нотки. — Еды еще хватит до середины зимы, травы я засушила с запасом, корни тоже. Останься и научи девочку магии теней. Неделя ничего не сделает. Всего неделя.

— Недели не хватит, — ответил Лука, и в его голосе прозвучала усталость. — Как бы я ни хотел. Ты видишь, как быстро она устает от простейших упражнений? Ее магия истощена, организм восстанавливается медленно. Я могу дать ей основы, но это не за неделю и не за две.

— Она старается, и у нее получается, — не сдавалась Элида. — Я видела, как она вчера работала с тенями. Она чувствует их, они слушаются ее.

— Без споров, — голос Луки стал тверже, почти резким. — Я не спорю, что у нее есть талант. Но мы не можем менять планы ради нее, как бы мне ни хотелось помочь. Именно мои поездки помогают нам выжить, Элида. Лекарства, ткани, инструменты, посуда — все это я привожу из других деревень. Если я не поеду сейчас, зимой мы останемся без всего. И что тогда? Замерзнем? Или будем жевать сухую лепешку до весны?

Элида молчала. Вивиан слышала только тяжелое дыхание и шорох одежды. Наступила долгая пауза.

— Чувствую, что что-то будет, — тихо сказала Элида, наконец нарушив молчание. Голос ее дрогнул, и Вивиан напряглась. — Не могу объяснить, но сердце болит. Каждый раз, когда ты уезжаешь, я молюсь, чтобы ты вернулся. А сейчас... сейчас страх сильнее. Он давит на грудь, не дает дышать.

— Что будет? — спросил Лука. — Не придумывай. Ты всегда волнуешься, дочка, когда наступает время отъезда. Это нормально. Ты всегда такая.

— Может быть, — неуверенно сказала Элида.

— Мне пора, — сказал старик. — Не хочу большую часть дороги ночью смотреть. В темноте горные тропы опасны, а я не молод, чтобы рисковать.

Вивиан не слышала, ответила ли Элида, но услышала, как тяжелая входная дверь хлопнула.

Шаги затихли. Голоса смолкли. В доме воцарилась тишина.

Вот Вивиан и осталась одна в доме. Неловкое ощущение от того, что она подслушала чужой разговор, щипало где-то под ложечкой, вызывая легкую тошноту. Она не хотела подслушивать, но не могла не слышать. И теперь чувствовала себя виноватой, хотя вины ее не было.

Но и у нее самой настроение было не слишком радостным. Лука уезжал, а вместе с ним уходила надежда на то, что она

научится управлять тенями.

Что делать дальше?

Остаться здесь, в незнакомой деревне, среди чужих людей?

Ждать, пока Виктор придумает, как отправить ее домой?

А если он не придумает?

Она отбросила одеяло и встала. Пол был ледяным, но она уже привыкла. За эти дни ноги научились не обращать внимания на холод и почти перестала вздрагивать при каждом шаге.

Проходя на кухню, Вивиан позавтракала тем, что осталось со вчерашнего вечера и запила кружкой теплого травяного чая. Элида оставила еду на столе, прикрыв чистой тряпичей, чтобы не заветрилась, и Вивиан почувствовала благодарность за эту тихую заботу. Никто не ждал от нее ничего взамен — просто давали тепло и еду, потому что она нуждалась.

Решив занять себя чем-то интересным, Вивиан одела всю теплую одежду, что дала Элида. Старые ботинки, которые она носила еще с момента побега, выглядели потрепанными. Вивиан натянула их на две пары шерстяных носков и почувствовала, что ногам стало чуть теплее.

Ей хотелось выйти на улицу и вдохнуть свежий воздух, посмотреть на снег, который так отличался от Солнечного Королевства.

И еще — попрактиковаться с тенями. В доме она боялась.

Вдруг что-то пойдет не так, и каменные стены не выдержат, как не выдержали стены замка Королевства Смерти. Лучше на открытом воздухе, где можно разбежаться.

Небо затянули тяжелые серые облака, но снег не шел. Вивиан вышла во двор и остановилась на пороге, вдыхая морозный воздух. Он был чистым, почти хрустальным, и каждое дыхание отдавалось в груди легким покалыванием, словно внутри зажигались маленькие искры.

Она разглядывала грубые серые скалы, возвышающиеся со всех сторон. Они казались огромными зубами древнего чудовища, впившимися в небо. И любовалась снегом под ногами. Белый, искристый, с легким голубоватым отливом, он скрипел под подошвами, и этот звук казался ей волшебным.

Смахнув рукой снег со скамьи, стоявшей у стены дома, Вивиан села. Она рассматривала каменные дома, что стояли по соседству, и редкие фигуры местных жителей. Никто не обращал на нее внимания, чужая девочка на скамье никого не интересовала.

Вивиан улыбнулась, ощущая какую-то легкость. После всего, что случилось, оказаться здесь, в тишине, под серым небом, и просто сидеть, глядя на снег, без страха. Хотя бы на мгновение.

Она шумно вздохнула.

— Хотите немного поиграть? — спросила она своих теней, чувствуя их уже лучше, чем несколько дней назад. Теперь она не боялась их прикосновений, не вздрагивала от

неожиданности, когда они просыпались внутри. Они стали привычными, почти родными.

В ответ пронеслась приятная вибрация в груди, на кончиках пальцев и на затылке. Это напоминало мурлыканье кошки.

Из-под ног Вивиан поползли черные струйки, словно кто-то разлил чернила. Они вились вокруг ее ботинок, поднимались выше, обвивали лодыжки теплом.

— Вам нравится снег? — спросила она, чувствуя прилив сил. Тени словно заряжали ее энергией, и усталость, которая мучила последние дни, отступила.

Тени радостно запрыгали. Они сжимались и разжимались, взлетали вверх и падали обратно в снег, и Вивиан чувствовала их восторг, как свой собственный.

— Снег! — рассмеялась она, и тени, словно кроты, проползали под белым покрывалом, перерывая его, вздымая облачка снежной пыли. Снег разлетался в стороны, и Вивиан пришлось прикрыть лицо рукой. Они играли, и это было прекрасно — видеть, как магия доверяет ей.

Вивиан рисовала узоры в голове, а тени повторяли их, кружась перед домом. Черное на белом. Контраст завораживал, как рисунок тушью на чистом листе.

— Снег такой чудесный, — выдохнула Вивиан, оглядываясь на соседние домики. Тени вновь зарылись в снег, поднимая целые фонтаны белых хлопьев, и Вивиан рассмеялась громче.

— Вы что, выполняете команду? — удивилась она, заметив, что каждый раз, когда она говорит «снег», тени ныряют в сугроб, как будто это слово стало для них сигналом. — Снег!

Тени вновь нырнули, и Вивиан звонко рассмеялась, запрокинув голову к серому небу. Впервые за много недель она смеялась.

Тени бегло вернулись к ней, свернулись у ног, потерлись о ботинки, словно довольный щенок, который ждет новой команды и похвалы, виляя невидимым хвостом.

— Полезно, — протянула Вивиан, погладив одну из теней кончиками пальцев. Та завибрировала, замерла на мгновение и растаяла, оставив на пальцах легкое, едва уловимое тепло. — Попробуем сделать щит?

Тени замешкались. Они перестали прыгать, замерли на месте, и Вивиан почувствовала их неуверенность. Они не понимали, о чем она говорит. В их движении появилась какая-то нерешительность, сомнение.

— Помните, чтобы закрыть меня от злого, вы создали такой кокон, — пояснила она, вспоминая тот миг в замке короля Эпиала, когда рушились стены, а тени бросились защищать ее, сомкнулись вокруг, как стена. — Может, это будет команда «щит»?

Тени клубились вокруг ног, ожидая команды. Они внимали, и Вивиан чувствовала это.

— Щит!

И в тот же миг вокруг Вивиан все превратилось во тьму. Но теперь это не пугало, а дарило ощущение защищенности. Тени сомкнулись над ней плотным куполом, не пропуская ни света, ни ветра, ни звуков. Вивиан сидела в этом черном коконе, дышала спокойно и ровно, и улыбалась в темноте.

— Ладно, расходитесь, — сказала она, и голос ее прозвучал мягко, без приказа.

Тени послушно разлетелись по сторонам, и двор снова открылся взгляду. Серые скалы, белый снег. Все на месте, ничего не изменилось.

— Щит! — скомандовала она снова, уже увереннее.

Тени не двинулись с места. Они стояли перед своей хозяйкой, сжавшиеся в комки. Мелкая дрожь пробегала по их поверхности, и Вивиан чувствовала их страх.

— Щит! Полная безопасность, — расстроенно пояснила она, думая, что тени просто не поняли команду. — Защита. Как в прошлый раз. Сделайте кокон.

Но тени не слушались. Они развеялись по воздуху, собираясь возле ног Вивиан, и дрожь стала сильнее. Тени дрожали, и она дрожала вместе с ними.

— Вы боитесь? — предположила Вивиан, и вдруг в груди что-то кольнуло. Чужая тревога, которую передали тени. Они чувствовали что-то, чего не чувствовала она. Что-то опасное.

Она замерла, прислушиваясь к себе. К своим ощущениям, к звукам вокруг. Тишина. Только ветер гуляет между скала-

ми, да где-то далеко лает собака. Ничего необычного.

Но тени продолжали дрожать.

А затем она обернулась.

На вершине одной из скал, нависавшей над деревней, стоял темный силуэт. Высокий, неподвижный, он выделялся на фоне серого неба, как кусок ночи, застрявший среди дня. Фигура была в черных доспехах. Вокруг него развевались темные ленты, такие же, как у теней Вивиан, но другие.

Холодные и пугающие.

Они двигались плавно, медленно, как змеи.

Темный рыцарь.

Вивиан ощутила, как беспокойство окутывает ее, ледяными пальцами сжимает горло, добирается до сердца. Она не могла пошевелиться, только смотрела на фигуру на скале, не в силах отвести взгляд. Ее собственные тени прижались к ногам, вжались в снег, стараясь стать незаметными.

Темный рыцарь не двигался. Он словно наблюдал за ней, только и всего. Он знал, где она. Он нашел ее. И теперь просто смотрел — изучал, оценивал и ждал.

Вивиан почувствовала, как тени под ногами сжались в комки, прижались к ней, ища защиты. Они не могли защитить ее сейчас, они сами боялись. Их дрожь передалась ей, и она поняла, что не сможет вызвать щит. Не сможет защитить себя. Она была беспомощна.

— Нет, — прошептала она, и голос сорвался, превратившись в хрип. — Нет, нет, нет.

Она быстро вскочила со скамьи и бросилась к дому. Снег хрустел под ногами, сердце колотилось где-то в горле, пальцы скользили по ручке двери. Она не оглядывалась, потому что боялась увидеть, что темный рыцарь спустился со скалы, боялась, что он уже рядом.

Вбежав внутрь, она захлопнула дверь, задвинула тяжелый каменный засов и прижалась спиной к холодной стене.

Дрожь не унималась. Она сползла по стене на пол, обхватила колени руками, прижала их к груди и закрыла глаза. В ушах стучала кровь, в груди колотилось сердце, и только стук этот напоминал ей, что она еще жива.

Он нашел ее.

Король Смерти нашел ее.

Она была одна в каменном доме, в чужой деревне, в королевстве врага. И никто не придет на помощь.

Слезы навернулись на глаза, но она сдержала их. Не сейчас. Не теперь. Сначала — подумать и решить, что делать.

Но в голове была только пустота и черный силуэт на скале.

Глава 23. Сердце в пепле

Поднимаясь выше по горам, отряд двигался медленно, но неуклонно. Выбранный Зейном путь петлял между каменными выступами, словно испуганная змея. Тропа становилась все уже и опаснее с каждым часом. Местами она сужалась настолько, что лошади едва протискивались, цепляясь боками за холодные скалы.

Лошади фыркали и осторожно переставляли копыта, чувствуя, как под ними осыпаются мелкие камни. В некоторых местах приходилось спешиваться и вести животных в поводу, чтобы они не поскользнулись на мокрых от росы камнях.

Отряд шел молча.

Путь был самым безопасным из тех, что вели к Горному городу.

Безопасный не значит легкий.

Ветер свистел, завывал на разные голоса, казалось, сами горы оплакивают тех, кто осмелился бросить им вызов.

Кай ехал, прикрывая Айлин от ветра. Она сидела перед ним, укутавшись в шерстяной плащ, и чувствовала его напряженную грудь. Но даже так, даже прижавшись к его теплоте, она не могла согреться. Жар, пульсирующий внутри, странно сочетался с ознобом, пробирающим до костей.

В некоторых местах по бокам тропы появлялись узкие

проходы, ведущие в тупики, похожие на пещеры. Зейн при-
смотрелся к одному из таких ответвлений, оно было доста-
точно широким, чтобы вместить всех, и достаточно глубо-
ким, чтобы защитить от ветра. Стены пещеры были ровны-
ми, почти гладкими, возможно, когда-то здесь добывали ка-
мень.

— Здесь и остановимся, — скомандовал он, слезая с ло-
шади.

Голос его эхом отразился от каменных стен, прокатил-
ся под сводами и затих где-то в глубине пещеры. Зейн пер-
вым вошел внутрь, поднимая над головой сферу голубовато-
го света, чтобы осмотреться. Свод пещеры уходил вверх, сте-
ны были сухими, пол ровный, с небольшим уклоном внутрь.

Войско втянулось в пещеру. Лошади тихо ржали, чувствуя
укрытие, их подковы цокали по каменному полу, высекая
искры. Рыцари рассредоточились: кто-то разводил костер в
центре; кто-то расседлывал уставших коней, снимая с них
потные попоны и набрасывая теплые; кто-то выставлял до-
зорных. Несколько рыцарей встали по обе стороны от входа
в пещеру, вглядываясь в темноту замерзшими глазами, сжи-
мая в руках копьа.

Стояла глубокая ночь.

Луна, должно быть, спряталась за горами, потому что све-
та почти не было, а тонкий серп молодого месяца то появ-
лялся, то исчезал за рваными облаками. Ветер завывал на
перевалах, гоняя облака пыли и мелких камешков, но в пе-

щере было тихо.

Айлин сидела возле костра на расстеленном одеяле, поджав ноги и закутавшись в плащ поверх одеяла. Она была похожа на маленький кокон, из которого выглядывало только лицо, с провалившимися щеками и лихорадочным блеском в глазах. Огонь отбрасывал пляшущие тени на каменные стены, и эти тени казались ей то танцорами.

Она протянула руки к пламени, но тепло не проникало внутрь. Ей казалось, что между ее кожей и огнем стоит невидимая стена, через которую не пройти.

Кай дежурил у прохода.

Он стоял, прислонившись плечом к холодной скале, и смотрел в темноту. Снаружи ничего не было видно. Меч висел на поясе, рука лежала на рукояти. Он провел большим пальцем по оплетенной кожей рукояти, чувствуя каждую царапину и неровность. Этот меч был с ним уже много лет.

Но мысли его были не о врагах. Не о темных рыцарях. Не о короле Смерти.

Мысли его были о ней.

Он отошел от входа, прошел мимо спящих рыцарей, перешагнул через чью-то вытянутую ногу и подошел к костру, где над углями висел небольшой котелок. Налил из фляги воды и бросил щепотку сухих трав. Лекарь дал ему этот отвар еще утром, строго-настрого приказав поить принцессу каждые несколько часов. Травы пахли горько и терпко.

Кай снял котелок с огня, перелил отвар в глиняную круж-

ку и подошел к Айлин.

— Чай, — сказал принц, протягивая кружку.

— Спасибо, — кивнула она, принимая ее дрожащими пальцами.

Кружка обжигала ладони, но Айлин не убрала рук. Это тепло было единственным, что она чувствовала сейчас. Ей казалось, что если она отпустит кружку, то холод поглотит ее целиком.

Она сделала глоток и поморщилась, задержав дыхание, чтобы не выплюнуть, и сделала еще глоток. Когда горячая жидкость касалась горла, боль вспыхивала с новой силой, как будто по горлу проводили ножом.

Но она выпила до дна.

Кай сел рядом, глядя на ее лицо в свете костра. На щеках горел нездоровый румянец. Глаза ввалились, под ними залегли темные круги. Губы потрескались, и в уголках запеклась кровь.

Кай сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

Ее состояние никак не улучшалось.

Жар был во всем теле, Кай чувствовал его, даже не прикасаясь. Кашель ухудшился: теперь он был глубоким, надрывным, вырывался из груди с хрипом и свистом. Горло болело ужасно. Айлин едва могла глотать, и каждый глоток чая давался ей с трудом, с мукой, с зажмуренными глазами.

Самым ужасным было отсутствие той искры, которая всегда жила в ней, которая заставляла ее шутить, смеяться, спо-

рять, даже когда все шло не так.

Айлин чувствовала, как чахнет с каждым днем. Она чувствовала, как жизнь утекает из нее маленькими каплями.

Возможно, где-то глубоко внутри, в самом темном уголке души, она жалела, что поехала с принцами, но признаваться в этом не хотела. Даже себе.

Особенно себе.

Кай смотрел на нее и чувствовал, как его сердце сжимается от боли. Беспомощность — вот что было хуже всего. Он мог сражаться с врагами, мог рубить мечом, мог защитить ее от любого нападения. Но от болезни защитить не мог. Он не мог взять в руки меч и разрубить жар. Не мог ударить кашель. Не мог проткнуть слабость.

— Тебе совсем не лучше, — грустно сказал он, и его голос дрогнул.

Айлин подняла на него глаза. В них все еще теплился огонек.

— Я чувствую себя лучше, — соврала она, и Кай понял это сразу.

Он видел ложь в ее глазах, в том, как она отвела взгляд. Она никогда не умела врать.

— Не вижу, — покачал он головой.

— Знаешь, что поможет мне вылечиться? — Айлин выдавила улыбку, глядя на него.

Улыбка, с которой она дразнила его.

— Что же? — спросил он.

— Поцелуй меня, — попросила она. — Мне точно станет легче. Проверенный способ. Лекари его не знают, но я тебе открываю секрет.

Кай не медлил.

Он приблизился к ней, взял ее горячее лицо в ладони и припал к ее губам.

Губы Айлин были на вкус лекарств, но под этой горечью чувствовалась она — мягкая, теплая, такая желанная. Кай закрыл глаза и растворился в этом ощущении, забыв о холоде, о камнях, о дежурстве, о темных рыцарях, о короле Смерти, о Вивиан, о всем мире.

Он чувствовал, как ее дыхание касается его щеки. Как ее ресницы дрожат, касаясь его скул. Как сильно бьется ее сердце.

Айлин притягивала его к себе все ближе, пальцами зарылась в его волосы, чувствуя, как они шелковисто скользят между пальцами. Волосы Кая были мягче, чем казались.

— Мне так нравится быть с тобой, — прошептал Кай в ее губы, не отрываясь, не размыкая объятий.

Айлин улыбнулась и ответила на поцелуй с новой силой. Ее язык проник в его рот, встретился с его, и они сплелись в медленном, ленивом танце. Кай застонал и прижал ее к себе еще крепче.

Они повалились на каменный пол.

Айлин испытывала жар, но теперь он был другого рода. От этого жара хочется сбросить все лишнее и прижаться к

прохладной коже, искать спасения в чужом тепле, смешивать свой огонь с чужим.

— Уже признаешься в любви? — хихикнула Айлин, когда они на миг оторвались друг от друга, чтобы перевести дыхание.

В ее голосе звучала насмешка, которая была их языком любви. Она смотрела на него из-под полуопущенных ресниц, и в ее глазах плясали чертики.

Кай смутился.

Жар поднялся от шеи к ушам, от ушей к вискам. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли в горле.

Он не ответил.

Вместо этого он лишь сильнее углубил поцелуй, более настойчиво, более требовательно, заставляя Айлин забыть о своем вопросе.

От переизбытка любви, желания и отчаяния, магия Кая выскользнула наружу.

Пламя ударило в костер, и тот взревел.

Он взметнулся вверх выше прежнего. Языки пламени лизнули потолок пещеры, осветив каждый угол. Стало светло как днем и жарко. Очень жарко. Жарко так, что у ближайших спящих рыцарей затлели края плащей, и они проснулись с криками, сбивая огонь руками.

— Кай! — возмутилась Айлин, прерывая поцелуй и отстраняясь.

Она прикрыла лицо рукой от ослепительного света, но да-

же сквозь пальцы видела, как пламя пляшет. — Это слишком жарко! Ты меня поджаришь! Я и так горячая, не надо добавлять!

— Прости, — улыбнулся Кай, и в этой улыбке было что-то мальчишеское.

Он поднял руку, и пламя послушно умерило свой пыл, успокаиваясь, съеживаясь, возвращаясь к нормальному размеру. Огонь больше не бушевал. Тени снова затанцевали по стенам.

Они молча смотрели друг на друга.

Кай, опираясь на локти, смотрел на Айлин сверху. Его волосы растрепались, глаза блестели, губы были припухшими от поцелуев. Айлин продолжала лежать. Ее щеки покраснелись, а глаза блестели.

Она уже открыла рот, чтобы сказать что-то, когда они оба услышали это.

Шорох.

Такой громкий, что в тишине пещеры он прозвучал как выстрел. Камни осыпались где-то снаружи, они застучали по скалам, как барабанная дробь. Шаги приближались.

Кай мгновенно напрягся. Все следы нежности исчезли с его лица, сменившись холодной сосредоточенностью воина. Он снова стал тем, кем был до встречи с ней — принцем, рыцарем. Он прижал палец к губам Айлин, и она послушно кивнула.

Он поднялся на ноги, кинув взгляд на костер. Тот умерил

свой огонь. В пещере стало темно.

Кай взял меч и прошел чуть дальше, к выходу, чтобы проведать.

Он затаился у каменного выступа, вжимаясь в холодную скалу. Кай вглядывался в темноту, и зрачки его расширились, привыкая к отсутствию света.

Сердце билось ровно, дыхание стало почти незаметным. Он слился с камнем.

Из темноты вышло целое войско.

Кай замер. Его пальцы сжали рукоять меча, но он не хватил его.

Их было много — не меньше полусотни, а то и больше. Они двигались бесшумно, как призраки, но в полной тишине гор даже приглушенный топот копыт казался громом. Лошади ступали мягко, но Кай слышал дыхание животных и как позвякивает металл доспехов.

— «Если они пройдут мимо, будет славно», — подумал Кай, вжимаясь в камень еще сильнее.

Войско подсвечивало себе дорогу Лунными сферами света, парящими над дорогой. Холодное сияние позволило Каю разглядеть лица.

Сначала он увидел того, кто ехал впереди.

Дейк.

Он сидел на высоком вороном коне, с прямой спиной и напряженными плечами. Он смотрел вперед, в темноту, и Кай заметил, как его рука лежит на рукояти меча. Рядом с

ним, чуть позади, ехали Луан и Роан — оба в дорожных плащах, с оружием на поясах, оба уставшие, но бодрые. А за ними — войско Лунного королевства. Знамена, приспущенные для ночного перехода, чтобы не привлекать внимания, доспехи, тускло поблескивающие в свете сфер, знакомые лица — многие из тех, кого Кай знал лично, с кем тренировался, с кем пил, с кем сражался плечом к плечу.

— Какого черта? — тихо выругался Кай, не веря своим глазам.

Он протер глаза, но видение не исчезло. Значит, не сон.

Что они здесь делают? Как нашли их? Зачем пришли? Почему не предупредили?

Вопросы роились в голове, как потревоженные пчелы, жужжали, мешали сосредоточиться. Кай заставил себя успокоиться.

Он посмотрел еще раз — не ловушка ли это? Не обман ли темных рыцарей? Не иллюзия, насланная врагом? Но нет. Слишком настоящие, слишком живые. Луан зевнул, прикрыв рот рукой, и Кай увидел, как его челюсть хрустнула. Роан что-то буркнул соседу, и тот усмехнулся. Кай видел, как дернулись его плечи.

Кай выглянул из-за выступа, убедился, что никто из войска не схватил оружие при его появлении, и когда удостоверился, что они выглядят достаточно спокойно, вышел к ним.

Войско заметно напряглось. Несколько рук легли на эфесы мечей. Лошади занервничали.

— Кай? — Дейк прищурился, вглядываясь в знакомый силуэт. Голос его дрогнул от удивления или от облегчения. — Это правда ты?

— Это я, — ответил Кай, делая еще шаг вперед, чтобы свет упал на его лицо. Он поднял руку с огнем выше, и пламя осветило его черты. — Но что вы делаете тут?

Он старался говорить ровно, но внутри все клокотало от вопроса. *Почему они здесь?*

— Идем за вами, — съязвил Роан, и в его голосе послышалась привычная колкость.

Но глаза у него были слишком серьезными для обычной шутки.

— Когда вы вышли? — спросил Кай, подходя ближе к Дейку.

— После обеда, — недоверчиво сказал Дейк, оглядываясь на своих людей. — А вы?

— На рассвете, как и договаривались, — Кай выглядел озадаченным. — Мы ушли на полдня раньше.

— На полдня? — переспросил Дейк. — Мы выехали сразу после обеда. Но, должно быть, выбрали другую дорогу... — он замолчал, нахмурившись, и провел рукой по лицу.

— Вы разбили лагерь? — спросил Луан, спешиваясь. Кай кивнул.

— Мы тоже планировали, — сказал Дейк, оглядывая темные скалы. — Только не знали, где безопасно. А тут вы.

Он слез с лошади, и земля под его ногами хрустнула мел-

кими камешками.

— Что ж, приглашаю вас к нам, — усмехнулся Кай. — Места всем хватит. Утром решим, что делать. А сейчас — отдых. Вы выглядите так, будто не спали неделю.

Дейк кивнул и отдал команду рыцарям. Войско Лунного королевства втянулось в пещеру. Рыцари перекидывались короткими фразами с теми, кто еще не спал, хлопали друг друга по плечам, удивлялись встрече, обменивались новостями.

Кай провел Дейка, Луана и Роана к костру, который снова разгорелся ярче по его просьбе, и тот послушался, поднявшись выше, освещая большой круг вокруг.

Айлин сидела там, закутанная в плащ, и смотрела на вошедших с удивлением и тревогой. Она попыталась встать, но ноги не слушались, и она осталась сидеть, лишь чуть выпрямив спину.

— Принцесса, — Дейк поклонился. — Выглядите... неважно.

— Спасибо за комплимент, — слабо улыбнулась Айлин. — Вы тоже не лучше.

Дейк усмехнулся.

— Присаживайтесь, — сказал Кай, указывая на свободные места у костра. — Есть горячее. Замерзли?

Кай присел рядом с Айлин и тихо, чтобы не слышали остальные, зашептал:

— Они выехали после обеда. Но мы — на рассвете. Что-

то здесь не так.

— Неужели все сказки правда? — Айлин прикрыла рот рукой.

— Не знаю, — вздохнул Кай. — Но сейчас не до сказок. Им нужен отдых. И нам тоже.

Он повернулся к Дейку:

— Располагайтесь. Еда и вода — вон там, у дальней стены. Караульных мы выставили, можете спать спокойно. Утром поговорим. Всему свое время.

Дейк кивнул, и все отошли вглубь пещеры, где уже расстилали одеяла и седла вместо подушек. Несколько минут слышались тихие обсуждения дороги, многие удивлялись встрече, переругивались из-за места.

Кай подошел к Элио, который спал в углу на куче плащей, свернувшись калачиком, как пес. Рана на животе была перевязана чистой тканью, но сквозь повязку проступала кровь.

— Элио, — тихо позвал Кай, тряхнув его за плечо.

Тот не проснулся. Кай тряхнул сильнее, и плечо Элио дернулось, но он лишь глубже зарылся лицом в плащ.

— Элио, вставай, — Кай наклонился и сказал громче, почти в самое ухо.

— А? Что? — Элио открыл глаза. — Враги?

— Нет, свои, — сказал Кай. — Твоя очередь дежурить. Я сменяюсь.

— Уже? — Элио сел, поморщившись от боли в животе. Рука прижалась к повязке, проверяя, не потекла ли кровь. —

Чувствую себя мешком с мясом. Как будто меня переехала телега. А потом еще раз.

— Потерпи, — Кай хлопнул его по плечу. — Если что — кричи. Мы рядом. Только не геройствуй. Увидишь что-то подозрительное — сразу зови.

Элио кивнул, нащупал меч, встал и, слегка прихрамывая, пошел к выходу из пещеры. Его силуэт замер в проходе, вглядываясь в темноту. Он прислонился к стене, положил руку на меч и замер — часовой, который не подведет.

Кай вернулся к костру. Айлин уже лежала на одеяле, свернувшись клубочком.

Он лег рядом, осторожно, чтобы не причинить ей боль, притянул ее к себе, обнял так, чтобы она чувствовала его тепло — все тепло, которое он мог дать. Айлин вздохнула и прижалась к нему, уткнувшись носом в его грудь, туда, где билось его сердце.

— Холодно, — прошептала она, и голос ее дрожал.

— Знаю, — ответил Кай, накрывая их обоих своим плащом.

Плащ был старый, протертый в нескольких местах, но теплый — он хранил запах походов, дыма и чего-то знакомого, что Кай называл «запахом дома».

— Уже теплее?

— Немного, — она пошевелилась, устраиваясь поудобнее, поправила плащ, чтобы он не сползал, и положила голову ему на плечо. — Когда ты рядом, всегда теплее.

Кай поцеловал ее в макушку.

Он уснул быстро. Его руки обнимали Айлин так, будто он боялся, что она исчезнет, растворится в воздухе, как темные рыцари.

В пещере было тихо. Только потрескивал костер.

Два войска — Зейна и Дейка — слились в одно, и теперь их было больше, а значит, шансов выжить и найти Вивиан становилось все выше. Армия росла, крепла, обретала новых союзников.

Айлин, уже на грани сна, на грани между явью и забытьем, прошептала едва слышно:

— Кай...

Он не ответил.

— Ничего, — прошептала она. — Просто хотела сказать, что...

Она не договорила.

Слова застряли в горле.

Кай, не просыпаясь, инстинктивно прижал ее крепче, и Айлин почувствовала, как его дыхание согревает ее макушку.

— Утром, — пообещал он сквозь сон.

Глава 24. Святой. Мой. Хер

Ночь тянулась бесконечно. Элио ходил от одной стороны входа к другой, стараясь не заснуть. Шаг влево, шаг вправо, разворот и так по кругу. Тишина давила на уши, а веки тяжелели с каждой минутой. Он знал, что если сядет или прислонится к стене — уснет мгновенно, а спать на посту нельзя. Особенно здесь, в горах, где враг может появиться из любой трещины.

Он приседал. Мышцы ног горели, но это помогало разогнать кровь и сон одновременно. Потом отжимался от каменного пола, стараясь не задевать раненый живот. Камни были холодными и острыми, но боль в ладонях отвлекала от желания закрыть глаза.

— Ты бы потише, — буркнул один из рыцарей, стоящий в паре шагов.

Оба рыцаря, сменившиеся вместе с Элио, явно не разделяли его энтузиазма. Они стояли молча, как каменные изваяния, и только иногда переглядывались, когда Элио начинал очередное упражнение.

— А что такого? — Элио выпрямился, отряхнул ладони. — Движение — жизнь. А вы стоите, как пни. Закоченеете к утру.

— Мы привыкли, — сухо ответил второй рыцарь, даже не повернув головы.

Элио не унимался. Тишина его убивала. В голову лезли мысли, и от них становилось только хуже. Поэтому он решил говорить.

— Слушай, а сколько ты уже служишь? — спросил Элио, покрутив мечом. Лезвие тускло блеснуло в свете звезд. Он провернул его в руке, сделал ложный выпад.

Первый рыцарь вздохнул, с явным нежеланием поддерживать беседу.

— С тех пор, как мне стукнуло шестнадцать, — недовольно ответил он.

— И сколько тебе сейчас? — сощурился Элио, пытаясь разглядеть лицо рыцаря в темноте, но видел только смутные очертания.

— Достаточно.

Рыцарь отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Его плечи напряглись, и он сделал шаг в сторону, подальше от назойливого собеседника.

— Мрачный ты, — усмехнулся Элио. — Не хочешь — не говори.

Он пожал плечами и снова повернулся к выходу.

Рыцарь не ответил. Сейчас не время и не место для болтовни. Но Элио и не нуждался в ответе. Ему хватило того, что голос разорвал тишину, что он не остался один на один со своими мыслями.

Он подошел к самому краю пещеры, туда, где каменный пол обрывался и начиналась пропасть. Внизу, далеко-далеко,

чернели долины, укрытые ночной тьмой. Но Элио смотрел по сторонам.

Перед пещерой открывался вид на горы — целое море каменных вершин, уходящих к горизонту. Лунный свет, пробивающийся сквозь рваные облака, серебрил склоны, делал их призрачными, почти нереальными. Отсюда, с высоты, были видны все пути. Элио мог проследить взглядом дорогу, по которой они шли вчера, и ту, по которой пойдут завтра.

Это было завораживающе.

Но вид не привлек его внимание.

Элио моргнул. Ему показалось, что гора слева чуть сдвинулась. Он протер глаза.

Подумал, что это игра теней или усталость. Но когда он снова открыл глаза, гора стояла на месте.

«Показалось», — решил он.

Но через мгновение он понял, что не показалось. Горы менялись местами. Медленно, плавно, как в замедленном танце, они *двигались*. Целые массивы смещались, открывая новые проходы и закрывая старые.

Элио открыл рот от шока. Его челюсть отвисла, глаза расширились. Только что перед ним был один пейзаж, и вдруг он полностью изменился. Тропа, которую он видел минуту назад, исчезла. Вместо нее открылась другая, уходящая на восток. Две горы поменялись местами, словно их кто-то передвинул, как фигуры на шахматной доске.

— Святой. Мой. Хер, — выругался Элио, и голос его со-

рвался на фальцет.

Он резко дернулся в сторону палаток, чтобы разбудить Зейна, рассказать, показать, но рана в животе пронзила острой болью. Он охнул, согнулся пополам, схватившись за бок.

— Твою мать... — прошипел он, зажимая живот.

Рыцари обернулись на его возглас, но Элио махнул рукой, мол, все в порядке, не обращайтесь внимания. Они переглянулись и вернулись к наблюдению.

Элио отошел вглубь пещеры, подальше от чужих глаз. Сердце колотилось где-то в горле. Он прислонился к стене, тяжело дыша, и дрожащими руками начал расстегивать доспехи.

Пяжки не слушались. Пальцы скользили по металлу, никак не могли найти нужный ремень. Он выругался сквозь зубы, дернул и наконец ослабил крепления. Стянул нагрудник, отбросил его в сторону. Поднял рубаху, в которой он спал и сражался.

И замер.

На его животе, там, где еще вчера были красные царапины, которые должны были затянуться за пару дней, теперь были черные полосы.

— Что еще за хрень? — прошептал Элио, и в голосе его прозвучал страх.

Он провел пальцем по краю раны. Кожа была горячей, слишком горячей, как будто под ней тлел огонь. И чернота

не смывалась, не стиралась, не бледнела. Она была внутри.

А от порезов, расходясь в стороны, шла черная паутина из тонких черных линий, как молнии на ночном небе. Они ползли вверх, к ребрам, и вниз, к тазу.

— Нет, нет, нет... — Элио закусил губу, пытаясь не закричать.

Он быстро опустил рубашку, натянул доспехи обратно. Пальцы тряслись, но он справился. Застегнул все пряжки, затянул ремни.

Никто не должен был увидеть.

Никто.

Он выпрямился и глубоко вдохнул. Боль утихла, или он просто привык к ней. На лице его снова появилась привычная усмешка, но глаза остались испуганными.

«Покажу утром лекарю, — подумал он. — Или Зейну. Или Каю. Кто-то знает, что с этим делать».

Но глубоко внутри он уже знал ответ. Знал, когда увидел этих рыцарей, когда почувствовал, как их меч полоснул по животу. Темная магия не проходит бесследно. Она остается.

Элио выдохнул и вернулся к выходу из пещеры. Встал на пост, скрестив руки на груди. Смотрел на горы, которые больше не двигались. Смотрел на новую дорогу, которая открылась перед ними. Смотрел на рассвет, который медленно разливался по небу золотом и розовым, и думал.

Думал о том, сколько ему осталось. О том, успеет ли он увидеть Вивиан. О том, что он скажет Кирану. О том, что он

так и не признался той девушке в родной деревне.

Никто не должен узнать.

Не сейчас.

Не тогда, когда они на пороге спасения.

Со смешанными эмоциями он встретил рассвет.

А потом пошел будить войско.

— Эй, Зейн, — позвал Элио, заглядывая в палатку принца. — Пора выдвигаться. Солнце уже встало, а мы все еще здесь.

Зейн мгновенно открыл глаза, привыкший просыпаться от любого шороха. Он сел, провел рукой по волосам, сгоняя остатки сна.

— Все в порядке? — спросил он, вглядываясь в лицо Элио.

— Да, — кивнул Элио слишком уверенно.

— Выглядишь серьезным, — заметил Зейн, прищурившись. — Что-то случилось?

— Задумался, — отмахнулся Элио, отводя взгляд. Потом, словно вспомнив, добавил: — Дейк, Луан и Роан догнали нас. Они спят сейчас вместе с нашими рыцарями.

Зейн напрягся.

Все следы сна исчезли с его лица. Он подался вперед, опираясь на руки.

— Что это значит? — спросил он медленно, как будто надеялся, что ослышался.

— Они спят сейчас вместе с нашими рыцарями, — повто-

рил Элио. — Пришли ночью. Кай их впустил.

— Шутишь?

— Сам проверь. — Элио кивнул в сторону лагеря.

Зейн проверил пояс и встал. Он вышел из палатки и огляделся. Количество спящих тел вдвое увеличилось. Там, где еще вечером лежали его рыцари, теперь теснились и знакомые лица Лунного королевства. Дейк спал на боку, подложив руку под голову. Луан растянулся на спине, разметав руки. Роан свернулся калачиком, как ребенок.

— Как это могло произойти? — прошептал Зейн, не веря своим глазам. — Разница в полдня! Мы вышли на рассвете, а они — после обеда. Мы должны быть впереди на полдня пути!

— Они сами не знают, — сказал Элио, пожимая плечами. — Говорят, шли по своим тропам, а оказались здесь. Но сегодня утром я кое-что увидел.

— Что?

— Взгляни на обрыв.

Они прошли к краю пещеры. Утренний свет уже достаточно разогнал тьму, чтобы можно было разглядеть детали. Зейн встал рядом с Элио и внимательно оглядел пейзаж.

Ночью у него не было сил разглядывать все эти красоты — он просто вел отряд, ставя одну ногу перед другой, борясь с усталостью. Но он точно был уверен: левая гора была выше правой. Он запомнил это, когда выбирал место для ночлега — ориентировался по вершинам, чтобы не сбиться с пути.

Теперь левая гора была ниже, и тропа, которая вела на юг, исчезла. Вместо нее открывался проход на восток.

— Ты бредишь? — не поверил Зейн, поворачиваясь к Элио. — Этого не может быть. Горы не двигаются.

— Только если с тобой заодно, — хмыкнул Элио. — Я тоже думал, что у меня крыша едет. Но нет. Я видел это своими глазами. Они двигаются.

— Как такое могло произойти?

— Природа, — Элио пожал плечами. — Или магия. Или и то, и другое. Я не философ, Зейн. Я солдат. Я что вижу, то и говорю.

— Поразительно, — кивнул Зейн, все еще глядя на изменившийся пейзаж. В его голосе смешались удивление, тревога и странное восхищение. — Просто поразительно.

— Мы пойдем все вместе? — спросил Элио, взглянув на просыпающийся лагерь.

Рыцари уже шевелились, зевали, потягивались. Кто-то разжигал костер заново, кто-то доставал еду. В воздухе запахло дымом и утренней свежестью.

— Сначала нужно обсудить, — сказал Зейн. — Иди разбуди всех. Через четверть часа собираемся у костра.

Элио кивнул и пошел выполнять приказ.

Зейн вернулся в палатку, взял карту и развернул ее на ровном камне.

Вокруг костра собрались все. Зейн сидел на корточках, водя пальцем по карте. Кай примостился рядом, одной ру-

кой обнимая Айлин. Киран стоял, скрестив руки на груди, и хмурился. Элио сидел на камне, стараясь держать спину прямо, чтобы никто не заметил его слабости. Луан и Роан присели с краю, грея руки над углями. Дейк стоял чуть поодаль, прислонившись к стене.

— Итак, — начал Зейн, обводя всех взглядом. — Давайте разберемся. Когда вы вышли, Дейк?

— После обеда, — ответил Дейк. — Как договаривались. Сразу собрали отряд и двинулись.

— Мы вышли на рассвете, — сказал Кай. — Разница — около шести часов. Но вы нас обогнали. Как?

— Мы шли по карте, — пожал плечами Луан. — По той же, что и вы. Другой дороги у нас нет.

— Может, вы срезали? — предположил Киран.

— Нет, — покачал головой Роан. — Мы шли по намеченному маршруту. Никуда не сворачивали.

Зейн поднял руку, призывая к тишине.

— Элио, расскажи, что ты видел сегодня ночью.

Все взгляды обратились к Элио. Он поморщился, но взял себя в руки.

— Я дежурил у входа, — начал он, стараясь говорить ровно. — Смотрел на горы и увидел, как они двигаются. Целые массивы смещались. Одна гора стала ниже, другая — выше. Появилась новая тропа, а старая исчезла. Я не спал, не пил. Я видел это своими глазами.

Повисла тишина. Даже угли перестали потрескивать,

словно прислушиваясь.

— Горы двигаются? — переспросил Луан с недоверием.
— Это невозможно.

— А темные рыцари, рассыпающиеся в пепел — это возможно? — парировал Элио. — Мы в горах, где магия сильнее, чем в любом другом месте. Здесь возможно все.

— Он прав, — тихо сказала Айлин. Ее голос был слабым, но твердым. — Я читала в старых книгах: в Горном городе время и пространство текут иначе. Горы живут своей жизнью. Они могут меняться, открывать одни пути и закрывать другие.

— Значит, наши карты бесполезны? — спросил Киран, и в его голосе прозвучало отчаяние.

— Не совсем, — ответил Зейн, глядя на пергамент. — Они дают направление. Но полагаться только на них нельзя. Придется идти по наитию.

— И мы пойдем все вместе? — спросил Дейк.

Зейн кивнул.

— Разделяться нет смысла. Чем больше нас, тем легче отбить атаку темных рыцарей. Идем друг за другом, соблюдая порядок. Если горы снова начнут двигаться — сразу останавливаемся и ждем.

— Согласен, — сказал Кай. Остальные закивали.

— Тогда собирайтесь, — скомандовал Зейн, сворачивая карту. — Через полчаса выступаем.

Дорога в этот день была странной. Горы то расступались,

давая широкий проход, то сжимались, заставляя отряд втягиваться в узкую щель, где лошади едва протискивались. Зейн ехал впереди, то и дело сверяясь с картой, и с каждым разом хмурился все сильнее.

Маршрут явно не соответствовал карте. Там, где должна была быть тропа, зияла пропасть. Там, где карта показывала отвесную скалу, открывался пологий спуск. Зейн больше не доверял пергаменту. Он доверял чутью.

— Держим на восток, — сказал он, когда Кай поравнялся с ним.

Кай кивнул. В горах, где все меняется, единственный компас — это внутренний голос.

Они ехали молча. Лошади устало перебирали копытами, солдаты молчали, экономя силы. Айлин держалась в седле, но Кай видел, как ей тяжело, она то и дело прикрывала глаза, а руки ее дрожали на поводьях.

В какой-то момент Дейк нагнал и поравнялся с Зейном. Они отъехали чуть в сторону, чтобы их никто не слышал.

— Нужно поговорить, — тихо сказал Дейк.

Зейн кивнул, придерживая лошадь.

— Говори.

— Грейвен вынужден был остаться, — начал Дейк, и в его голосе прозвучала вина. — Но часть войска ушла с нами. Рыцарей тридцать. Грейвен сказал, что это выиграет нам время. Он задержит королевских стражников ложными доносениями, но долго это не продлится.

— Думаю, нам не поздоровится, когда мы вернемся.

— Когда мы вернемся с Вивиан, — серьезно ответил Зейн, — придется смириться с последствиями.

Он повернулся к брату, и в его глазах мелькнуло что-то теплое, почти забытое.

— Я рад, что ты цел, Дейк. Правда. Когда мы ушли, я не знал, что с вами будет.

— Роан и Луан много мне рассказывали, — кивнул Дейк. Зейн помолчал. Потом положил руку на плечо брата.

— Ты вырос, Дейк. Ты стал тем, кем должен был стать. Я горжусь тобой.

Кай вопросительно поднял бровь, но Зейн лишь покачал головой.

Через час, когда солнце поднялось уже высоко, а тени стали короткими, они остановились на небольшом плато, чтобы дать лошадям передохнуть. Элио слез с лошади последним. Он чувствовал странную слабость.

«Пить хочется», — подумал он, но горло не было сухим. Что-то было не так.

Он отошел в сторону, к большому валуну, чтобы присесть. Опустился на камень, расстегнул ворот доспеха, но воздуха не хватало. Дышал он часто, но легкие, казалось, не наполнялись.

— Элио, ты чего? — окликнул его Киран, заметив, что друг побледнел.

— Да так... — начал Элио и хотел отмахнуться, но не

успел.

Темнота ударила в голову. Он пошатнулся, начал падать с лошади. Пальцы скользнули по гладкой поверхности, не найдя опоры. Он рухнул на колени, а потом на бок, прямо в пыль.

— Элио! — крикнул Киран, бросаясь к нему.

Все обернулись. Кай спрыгнул с лошади, Зейн побежал, Дейк рванул следом. Айлин замерла в седле, прижимая руки к лицу.

— Что с ним? — Зейн упал на колени рядом с другом, переворачивая его на спину.

Элио был в сознании, но глаза его закатились, губы посинели. Онс трудом дышал.

— Живот... — прошептал Элио. — Посмотрите живот...

Кай не стал ждать. Он расстегнул пряжки доспеха, откинул нагрудник, задрал рубашку.

И замер.

Все замерли.

На животе Элио рана, которую они перевязали еще вчера, почернела. Черная паутина разошлась по всему животу, поднялась к груди, спустилась к паху. Тонкие черные линии пульсировали, как живые, и с каждым ударом сердца становились толще.

— Боги... — выдохнул Киран, отступая на шаг.

— Что это? — спросил Луан, побледнев.

— Тень, — тихо сказал Зейн, чувствуя знакомый холод. —

Зараза от темных рыцарей. Если их меч ранит, магия остается в теле. Видимо она растет.

— Вылечить можно? — спросил Кай, поворачиваясь к лекарю, который уже бежал к ним с сумкой.

Лекарь опустил на колени, осмотрел рану, покачал головой. Его лицо было серым.

— Ничего не могу сделать, — сказал он глухо. — Это не болезнь, а темная магия. Я бессилен.

— Нет! — Киран рванулся вперед, схватил лекаря за ворот. — Ты должен!

— Не могу! — лекарь не отводил взгляда. — Никакие травы, никакие отвары, никакие заклинания не помогут. Он умирает.

— Киран, отпусти, — тихо сказал Элио.

Голос его был слабым, но твердым. Киран обернулся, посмотрел на друга и отпустил лекаря. Тот отступил, потирая шею.

— Не надо, — прошептал Элио. — Не тратьте время. Я знал... я видел сегодня утром. Знал, что это конец.

— Почему ты не сказал? — спросил Кай, и в его голосе прозвучала боль.

— А что бы изменилось? — Элио попытался усмехнуться, но вышла только жалкая гримаса. — Вы бы жалели меня. Нянчились. А так, я хотя бы еще немного побыл солдатом.

Он перевел взгляд на Кирана. Глаза его слезились.

— Прости, — сказал Элио. — Я обещал тебе, что мы еще

выпьем. Не сдержал слово.

— Заткнись, — прохрипел Киран, сжимая кулаки. Слезы текли по его щекам, но он не вытирал их. — Ты не умрешь. Ты не имеешь права.

— Имею, — Элио закрыл глаза на мгновение, потом снова открыл. — Скажи Селин... ну, знаешь. Скажи, что я...

Он не договорил. Дыхание перехватило, и он закашлялся черной, густой жидкостью, которая брызнула на камни.

— Элио! — Киран схватил его за руку.

— Не мучайте его, — тихо сказал Зейн. Он посмотрел на Кая. — Ты можешь. Быстро. Без боли.

Кай понял. Он медленно кивнул, хотя лицо его побелело.

— Нет! — закричал Киран, загораживая Элио собой. — Не смейте! Мы найдем способ!

— Киран... — прошептал Элио, и в этом шепоте было столько силы, сколько не было в крике. — Пусти.

Киран замер. Посмотрел в глаза друга и понял. Он отступил.

Кай подошел. Опустился на колени рядом с Элио. Положил руку ему на лоб.

— Будет больно? — спросил Элио.

— Нет, — ответил Кай. — Обещаю.

— Хорошо... — Элио выдохнул и закрыл глаза. — Отлично нахер.

Кай призвал свой дар. Пламя родилось в его ладони мягким теплом. Оно перешло на тело Элио, обволакивая его,

как одеяло.

Элио вздохнул в последний раз и затих. Лицо его разгладилось, исчезла боль, исчезло напряжение. Он выглядел почти счастливым.

Пламя разгоралось, пожирая тело друга. Черная зараза шипела, отступая перед огнем, но Кай не давал ей уйти, он сжигал все, каждую частицу проклятой магии.

Через несколько минут от Элио остался только пепел — легкий, серый, который ветер подхватил и развеял над пропастью.

Никто не говорил.

Киран стоял на коленях, глядя в пустоту. Слезы текли по его лицу, но он не издавал ни звука.

Айлин плакала, уткнувшись в плечо Кая. Луан и Роан отвернулись. Дейк сжимал эфес меча.

Зейн подошел к краю обрыва, туда, где ветер уносил пепел.

— Прощай, друг, — сказал он тихо.

Ветер подхватил последние крупинцы пепла и унес их в горы.

Киран поднялся. Вытер лицо рукавом. Взял меч Элио и пристегнул к своему поясу.

— Я понесу его за тебя, — сказал он, глядя в небо. — Добьем тварей. За тебя.

Отряд двинулся дальше молча, с опущенными головами, с тяжелыми сердцами. Но они шли.

Потому что Элио хотел бы, чтобы они шли.

Потому что Вивиан ждала.

Потому что другого пути не было.

А в горах снова двигались вершины, открывая новые тропы и закрывая старые, словно сама земля оплакивала павшего воина.

Глава 25. Восемь рыцарей

Нет, Вивиян не могла навредить таким добрым людям, которые приютили ее и дали еды, крова и тепла. Мысль о том, что темные рыцари могут ворваться в дом Элиды, перевернуть все вверх дном, схватить женщину, пытаться ее, была невыносимее, чем любой страх за собственную жизнь. Она не имела права подвергать их опасности. И Виктор... Виктор не заслужил, чтобы из-за нее на него обрушился гнев короля Смерти. Она никогда не забудет гостеприимство этого каменного дома, но оставаться дольше, значит подписывать им смертный приговор.

Но темный рыцарь уже нашел ее. Она не знала, сколько времени ему потребуется, чтобы спуститься с той скалы. Может быть, час, может быть, несколько минут. А может, он уже шел, сокращая расстояние с каждым мгновением. Тревога обжигала грудь изнутри, как раскаленный уголь, который невозможно выплюнуть. Тени под ногами дрожали, сжимались в комки, и Вивиян чувствовала их страх так же остро, как свой собственный. Они сливались в один леденящий душу аккорд.

Нужно уходить. Сейчас. Немедленно. Не раздумывая.

Руки дрожали, когда она вернулась в дом и замерла посреди кухни, лихорадочно соображая, что взять с собой. Глаза бегали по полкам, по стенам, по углам. Еды? Нет, еда толь-

ко отяготит, сделает ее медленнее. Воды? Вода замерзнет на морозе за первые полчаса и превратится в ледышку. Теплая одежда уже была на ней, спасибо Элиде, которая не пожалела для чужой девочки своих вещей.

— Думаю, Элида не будет против, если я возьму у нее пару ножей, — вслух проговаривала Вивиан, чтобы заглушить стук собственного сердца. Голос звучал глухо в пустом доме, отражаясь от каменных стен, и это было почти жутко говорить в пустоту, зная, что никто не ответит. — Она поймет.

Она достала из шкафчика острые предметы. Один нож Вивиан сунула в голенище правого ботинка. Она проверила, не вывалится ли, сделала несколько шагов — нож держался крепко. Второй — спрятала в левый рукав, придерживая пальцами, чтобы не выпал, и согнула руку, фиксируя его в сгибе локтя. В этих мешковатых одеждах Вивиан теряла скорость и ловкость. По крайней мере сейчас она не чувствовала холода.

Вивиан подошла к окну в спальне и выглянула наружу, прижимаясь к каменной стене и отодвигая край занавески.

Темный рыцарь все еще стоял на скале. Неподвижный, как статуя. Черный плащ не шевелился на ветру, словно ветер обходил его стороной, боясь прикоснуться. Темные ленты вились вокруг него, как змеи вокруг головы. Он смотрел прямо на дом. На нее. Сквозь стены, сквозь расстояние и снегопад.

Вивиан отпрянула и зажала рот ладонью, чтобы не закри-

чать. Зубы впились в кожу, и вкус крови смешался со вкусом страха.

У нее не было никакого плана.

Только одно желание — убраться отсюда, увести опасность подальше от Элиды, от этого дома, от всей деревни.

Если темные рыцари пришли за ней, она не даст им навредить тем, кто протянул ей руку помощи.

Она вышла в противоположную сторону дома. Туда, где была кладовая с запасом дров и где в стене имелось узкое окно, выходящее в глухой переулок между домами.

Окно было маленьким. Элида говорила, что его прорубили для вентиляции, чтобы травы не плесневели. Вивиан сомневалась, что пролезет, но попробовать стоило. Другого выхода не было. Парадная дверь выходила прямо на улицу, где ее могли заметить.

Она хотела бы попрощаться с Элидой. Сказать спасибо, глядя в глаза, или написать записку, но даже на прощальное письмо не было времени. Каждая секунда промедления могла стоить жизни.

Вивиан кое-как протиснулась в узкое окно. Рукава зацепились за каменную раму, пришлось дернуться, и ткань противно затрещала, но не порвалась. Она застряла на несколько бесконечных секунд, извиваясь, как змея, чувствуя, как камень впивается в ребра. Она задержала дыхание, втянула живот, и перевалилась через подоконник, вывалилась наружу и рухнула в снег головой вниз.

Снег был мягким и глубоким. Сугроб под окном намело по пояс, а то и выше. Холод обжег щеки, нос, губы, залез за воротник, но Вивиан не обратила внимания. Она поднялась, отфыркиваясь, вытирая лицо рукавом, и прижалась спиной к каменной стене дома. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Сейчас она начала пробираться сквозь дома, огороды и узкие проходы между сараями и заборами. Снег скрипел под ногами, выдавая каждый ее шаг, и этот скрип казался ей оглушительным, как крик посреди ночи. Издалека Вивиан была темным пятном на этом белом полотне. И еще она оставляла следы, которые тянулись за ней, как нить, только вели не к выходу из лабиринта, а к ней самой.

— Проклятье, — прошептала она, оглядываясь на свой след. Глубокие воронки от ботинок и следы падений. — Проклятье, проклятье, проклятье.

Она побежала быстрее, надеясь, что снегопад, который начался снова заметет следы. Белые хлопья падали на лицо, таили на щеках, смешивались со слезами. Она не разбирала. Холод и страх смешались в одно липкое, тягучее чувство.

Вивиан чувствовала, как спускается вниз. Деревня стояла на склоне, и каждый шаг уводил ее все дальше от дома Луки и Элиды, все глубже в незнакомые улочки. Ноги скользили на утрамбованном снегу, она несколько раз падала, поднималась, отряхивалась и снова бежала. В какой-то момент она потеряла направление. Дома вокруг казались одинаковыми,

серыми, слепыми, с запертыми ставнями и забитыми окнами. Ни одного лица, ни одного голоса, словно вся деревня вымерла.

И в итоге, выбежав из очередного переулка, она с ужасом поняла, что стоит напротив знакомого забора. Каменный столб, к которому Виктор привязывал лошадь. Скамья, на которой она сидела утром, глядя на снег и играя с тенями. Дверь, которую она закрыла за собой недавно.

Она вернулась к дому Луки и Элиды.

— Нет, — выдохнула Вивиан, и голос ее сорвался на хрип. Она оглядывалась, вертела головой во все стороны, ища хоть какой-то ориентир. — Нет, нет, нет! Этого не может быть!

Снег шел все сильнее, но сквозь белую пелену она видела скалу, где стоял темный рыцарь. Видела отчетливо, как в бреду.

Скала была пуста.

Он спустился.

— Что происходит? — испуганно спросила Вивиан, обращаясь к теням, которые все еще жались к ее ногам. Они стали тяжелыми, почти неподвижными, как свинцовые пластины. — Куда мне идти? Вы чувствуете? Где они?

Но никто не отзывался. Тени молчали. Они сжались в комки и дрожали, и Вивиан чувствовала только страх, который передавался от них к ней и обратно, замыкая порочный круг паники. Они тоже боялись. Как и она. Как и любое жи-

вое существо перед лицом неминуемой угрозы.

Она вновь оглянулась. Опасность возрастала с каждой секундой. Темный рыцарь был где-то рядом, возможно, уже в деревне. Возможно, он уже стоял за углом ближайшего дома, прислушиваясь к ее дыханию. Возможно, он звал подкрепление.

Вивиан рванула в другую сторону — прочь от дома, вниз по склону, туда, где между скалами была узкая расщелина. Если она доберется до нее, сможет спрятаться, затеряться среди камней и затаиться, как мышь.

Она бежала, не разбирая дороги, перепрыгивая через сугробы, проваливаясь по колено, выбираясь и снова бежала. Снег лепил глаза, ветер свистел в ушах, и ей казалось, что за спиной кто-то дышит. Она гонялась по деревне, словно потерянная душа, забегала за один дом, выбегала из-за другого, кружила, возвращалась, снова бежала. Деревня казалась лабиринтом, из которого не было выхода. Все улицы вели к центру, все тропинки обрывались у заборов, все окна смотрели на нее пустыми глазницами.

Забегая за очередной каменный дом, Вивиан резко останавлилась.

Прямо перед ней, в десяти шагах, стояли три темных рыцаря.

В черных плащах, с капюшонами, надвинутыми на лица так низко, что не было видно даже подбородков. Вокруг них клубились тени, они тянулись к Вивиан, как щупальца го-

лодного спрута. У одного на поясе висел меч. У другого — кинжал, кривой, как полумесяц. Третий был без оружия, но его тени были самыми большими. Они сворачивались вокруг его рук, как наручи, и пульсировали в такт сердцебиению.

Они медленно пошли на нее. Их шаги были бесшумными, хотя под ногами был снег. Тени под ними не оставляли следов.

Вивиан начала пятиться, оглядываясь назад. Сделала шаг, второй, третий — и замерла.

Сзади стояло еще пятеро.

Они вышли из-за домов бесшумно, как призраки. Восемь темных рыцарей. Восемь пар невидимых глаз под капюшонами смотрели на нее. Восемь клубов черной, липкой магии тянулись к ней, перекрывая воздух, делая его тяжелым, почти жидким.

Вивиан вжала голову в плечи, прижала руки к груди, пытаясь стать меньше, незаметнее. Ее собственные тени забились под ноги, вжались в снег, и она чувствовала их панический шепот.

Беги.

Но бежать было некуда.

Они окружили ее. Кольцо сжималось, как удавка на шее. — Не подходите! — крикнула Вивиан, и голос ее сорвался на высокую, почти истеричную ноту. Она выставила перед собой руки, сжатые в кулаки. — Я буду защищаться! Я не пойду с вами!

Тени под ее ногами шевельнулись, но не поднялись. Они были слишком напуганы. Слишком слабы. Слишком молоды.

Рыцари не ответили. Ни слова, ни жеста, ни вздоха. Они продолжали медленно приближаться, синхронно, как заводные куклы.

Вивиан выхватила нож из рукава. Лезвие блеснуло в сером свете, отразив падающий снег. Дрожащей рукой она поставила его перед собой, понимая, что против восьмерых темных магов кухонный нож, все равно что соломинка против армии. Понимая, что это бесполезно. Но не в силах сдаться без борьбы.

— Я сказала — не подходите! — повторила она, и слезы потекли по щекам, мгновенно остывая на морозе.

Первый рыцарь, тот, что был без оружия, чьи тени пульсировали сильнее всех, протянул руку. Из его ладони вырвалась темная лента и метнулась к Вивиан. Она не успела отшатнуться. Лента обвила ее запястье, сжалась, как стальной браслет, и Вивиан почувствовала, как магия вытекает из нее.

Нож выпал из внезапно ослабевших пальцев, звякнул о камень, торчащий из-под снега, и утонул в белой массе.

Вивиан закричала, так, что крик разнесся по всей деревне, отражаясь от скал. Она кричала, пока хватало воздуха, и когда воздух кончился — продолжала кричать беззвучно, разрывая горло.

Тьма подступала к глазам. Тени рыцарей тянулись к ней со

всех сторон, обвивали ноги, руки, талию, шею. Она падала в черноту, как в глубокую воду.

И последнее, что она увидела перед тем, как сознание померкло — снежинки, падающие на черные плащи.

Глава 26. Там, где есть вода

Вся армия шла в тишине. Никто не произносил ни слова. Даже шепот казался кощунством после того, как пепел Элио развеялся над пропастью. Лошади, словно чувствуя тяжесть утраты, ступали тихо, не ржали, не фыркали, только изредка звенели подковами о камни, и этот звон разносился по ущелью, как похоронный колокол.

Киран ехал впереди всех, сжимая в руке меч друга. Пальцы его побелели от напряжения, костяшки выпирали, как наковальни. Он не оглядывался. Не говорил. Только смотрел вперед — туда, где среди скал виднелся бледный просвет, выход из горного лабиринта. Иногда его плечи вздрагивали, и тогда Роан, ехавший рядом, отводил взгляд, делая вид, что не замечает.

Айлин кашляла.

Сухо и через каждые несколько минут. Кашель разрывал тишину, и каждый раз Кай напрягался, сжимая поводья. Он ехал с ней, поддерживая под локоть, когда она начинала клониться в седле. Ее лицо было бледным, губы потрескались до крови, глаза ввалились и окружились темными кругами. Жар не спадал. Он только усилился за последние дни, высушивая ее изнутри, превращая кожу в горячую, сухую корку.

— Держись, — шептал Кай, придерживая ее за талию. — Еще немного. Мы выйдем.

— Выходим, — еле слышно ответила Айлин, но в ее голосе не было уверенности.

— Я сказал — держись, — повторил он жестче.

Она кивнула, но глаза уже закрывались. Кай легонько сжал ее плечо, заставляя очнуться.

Они шли весь день. Солнце поднялось над горами, осветило снежные вершины, заставило лед на скалах сверкать, как драгоценности, но не принесло тепла. Ветер гнал по склонам колючий снег, и рыцари кутались в плащи, низко надвигая капюшоны. Дышать становилось труднее, и каждый вдох царапал горло.

Они шли, не останавливаясь, даже когда лошади начинали спотыкаться от усталости.

— Может, передохнем? — спросил Луан, когда его конь в очередной раз оступился.

— Нет, — отрезал Зейн, не оборачиваясь. — Чем дальше мы уйдем от этого места, тем лучше. Элио... Элио не хотел бы, чтобы мы стояли на месте.

Киран при этих словах вновь сжал рукоять меча, но ничего не сказал.

Они шли всю ночь.

В лунном свете скалы казались призраками, а тени от них — длинными костлявыми пальцами, тянущимися к путникам. Зейн вел отряд, не сверяясь с картой. Он верил своему чутью и ветру. Карта врала уже несколько раз, и он больше не хотел рисковать.

— В какую сторону мы пойдём? — спросил Дейк, поравнявшись с братом.

— Туда, куда ведут меня камни, — ответил Зейн.

— Звучит как-то... ненадежно.

— А у тебя есть вариант надежнее?

Дейк промолчал.

Ночью горы снова начали меняться.

Теперь все видели. Не только Элио, но и каждый рыцарь, каждый солдат в отряде. Вершины ползли, как живые, сдвигаясь и расступаясь. Новые тропы открывались там, где минуто назад была отвесная скала. Старые пути исчезали, закрываясь каменными стенами с таким грохотом, что камни сыпались вниз, увлекая за собой лавины щебня.

— Боги... — прошептал Луан, глядя, как две горы меняются местами, словно танцоры на балу.

— Не останавливаться! — крикнул Зейн, пришпорив коня. Его голос эхом разнесся по ущелью. — Ускоряемся! Нужно пройти оставшийся путь, пока они снова не закрылись!

Рыцари прибавили шагу. Лошадей подгоняли, хотя те и так были на пределе. Айлин вскрикнула, когда лошадь споткнулась о камень, и Кай едва успел подхватить ее, не давая упасть.

— Близо, — сказал Зейн, вглядываясь в темноту. Его глаза, привыкшие к темноте, различали то, чего не видели другие. — Я вижу просвет. Вон там, между двумя скалами.

— Давай! — крикнул Кай, пришпорив лошадь.

Отряд рванул вперед. Лошади неслись, камни летели из-под копыт, все пригибались к шеям животных, чтобы не сбило ветками и не зацепило скалами. Айлин вцепилась в Кая, зажмурившись. Ветер свистел в ушах, забивал глаза песком и мелкой крошкой. Скалы смыкались за ними, отрезая путь назад, с грохотом, от которого закладывало уши.

И вдруг — тишина.

Резкая, оглушающая тишина, которая ударила по ушам сильнее, чем любой шум.

Горы остались позади.

Они выехали на равнину. Высокие горы сменились песками, пугающими своей величиной.

Пустыня расстилалась перед ними, насколько хватало глаз. Песок из пепла и битого стекла.

— Что за... — начал было Луан, но осекся.

Земля под копытами лошадей хрустела миллионами острых осколков, которые сверкали в лунном свете, как зубы чудовища. Каждый шаг отдавался противным скрежетом, от которого сводило зубы. Пепел был повсюду. Он лежал на земле толстым слоем, висел в воздухе, оседал на одежде и лицах, забивался в складки плащей, в пряжки доспехов, в ноздри лошадей.

— Это и есть королевство Смерти? — спросил Киран, оглядываясь. Голос его звучал приглушенно. Пепел гасил звуки.

— Нет, — ответил Зейн, спешиваясь. Он опустился на

колени, взял горсть пепла, растер между пальцами, понюхал.
— Это пустыня Пепла. Преддверие. Но не само королевство.
— Похоже на ад, — буркнул Роан, сплевывая пепел.
— Возможно, так оно и есть, — пожал плечами Зейн, стряхивая пепел с ладоней. — По крайней мере, я бы не хотел здесь остаться навсегда.

Пустыня тянулась до горизонта. Кое-где из пепла торчали черные камни, похожие на обгоревшие деревья. Ни одного растения. Ни одного живого существа. Только ветер, который выл, гоняя облака пепла и мелкого снега.

Да, снег здесь тоже был. Но не белый, не пушистый, как в детстве Айлин, а серый, перемешанный с пеплом. Он падал на землю, превращался в лед, трескался и смешивался со стеклянными осколками, создавая хрустящую корку, которая ломалась под ногами с отвратительным звуком хрустящих костей.

— Завяжите лица, — скомандовал Зейн, доставая платок.
— Этот пепел небезопасно вдыхать. Не знаю, что в нем, но выглядит он опасно.

Рыцари завязали рты и носы. Кто-то использовал шарфы, кто-то — оторванные рукава, кто-то — куски ткани, припасенные на такой случай. Глаза слезились, ресницы покрывались инеем. Дышать было трудно. Каждый вдох царапал горло, каждый выдох вырывался облачком пара, которое тут же съедал ветер.

— Идем, — сказал Зейн, затягивая платок туше.

Они двинулись по пустыне, оставляя за собой следы, которые тут же заметало пеплом. Лошади шли медленно, осторожно переставляя копыта — острые осколки резали подковы, и некоторые животные начинали хромать, оставляя на стекле кровавые отпечатки. Рыцари спешили и вели лошадей в поводу, чтобы не перегружать их.

— Я ненавижу это место, — сказал Киран, сплевывая пепел.

— Присоединяюсь, — ответил Луан.

Айлин раскачивалась, как тростинка на ветру, и Кай, заметив это, натянул поводья.

— Стой, — сказал он, спешиваясь. — Я слезу.

— Я могу... — начала Айлин.

Она повисла на коне, как тряпичная кукла, и Кай придержал ее.

— Я в порядке, — прошептала Айлин, но голос ее был едва слышен даже на расстоянии вытянутой руки.

— Ты не в порядке, — сказал Кай, чувствуя, как ее тело горит даже сквозь одежду. — Но мы скоро найдем место для привала.

Айлин прислонилась к телу лошади и закрыла глаза.

— Не спи, — сказал Кай, легонько тряхнув ее за плечо. — Не усни.

— Не буду, — ответила она, но глаза ее уже слипались.

Они шли вперед, в серую мглу. Ветер усиливался с каждой минутой, поднимая столбы пепла, которые кружились в

воздухе, как призраки — высокие, тощие, с длинными руками, тянущимися к небу. Видимость упала до нескольких десятков шагов. Армия держалась друг за друга, чтобы не потеряться.

И вдруг впереди показалось нечто.

Огромное. Светлое. Оно возвышалось над пустыней, как гора посреди равнины — но это была не гора.

— Что это? — спросил Дейк, щурясь.

— Не знаю, — ответил Зейн, — но мы идем туда. Там можно укрыться от ветра.

Когда отряд подошел ближе, они поняли.

Кости.

Огромные кости, сложенные в круг.

Они были выше среднего роста в несколько раз. Белые, гладкие, отполированные ветром до блеска, они образовывали почти правильный круг, похожий на гигантскую беседку или на останки чудовищного зверя, свернувшегося кольцом перед смертью.

— Что это за тварь была? — выдохнул Луан, задрав голову. Его голос прозвучал тонко, по-детски испуганно.

— Не знаю, — ответил Зейн, подходя ближе. Он протянул руку, коснулся холодной кости. — И не хочу знать. Никому не трогать кости без нужды. Поняли?

Рыцари закивали, отступая от белых исполинов. Что-то в этих костях было неправильным — слишком белые и гладкие. Казалось, они светятся изнутри тусклым, призрачным

светом, который пульсировал в такт чему-то невидимому.

— Может, это дракон? — предположил Киран.

— Драконов не существует, — ответил Зейн. — И они не бывают такими маленькими.

— Тогда что?

— Я сказал, что не хочу знать.

Оказалось, что круг полый. Внутри было свободное пространство, защищенное от ветра со всех сторон. Кости образовывали купол, чтобы гасить самые сильные порывы. Пепел здесь лежал ровным слоем, а осколков стекла почти не было — видимо, ветер не задувал их внутрь.

— Встаем здесь, — скомандовал Зейн. — Переждем бурю. Разводите костер.

Солдаты принялись разбивать лагерь. Кто-то расстилал одеяла прямо на пепле, кто-то доставал оставшуюся еду, кто-то пытался разжечь огонь. Но ветер, прорывавшийся сквозь кости, задувал пламя, не давая ему разгореться. Спички гасли, трут не занимался, искры умирали, не родившись.

— Черт, — выругался один из рыцарей, отбрасывая бесполезное огниво.

— Отойди, — сказал Кай, подходя.

Он опустил на колени перед кучкой хвороста и протянул руку. В ладони родился огонь, он перепрыгнул на хворост и зашипел, разбрасывая искры.

— Спасибо, — буркнул рыцарь.

Кай кивнул и подошел к Айлин.

Она сидела на земле у самого костра, поджав ноги, закутавшись в плащ поверх плаща. Ее трясло. Кай сел рядом и обнял.

— Холодно, — прошептала Айлин, и зубы ее стучали.

— Знаю, — ответил Кай, прижимая ее к себе. — Сейчас согреешься.

Он заставил свой дар работать на нее. Огонь внутри него делился теплом, перетекал в ее тело, согревая изнутри. Но жар болезни не уходил. Он был сильнее.

Кто-то протянул кружку с водой. Айлин взяла ее дрожащими руками, поднесла к губам. Сделала глоток и закашлялась. Вода пошла не в то горло, и кашель сотрясал ее тело, заставляя Кая сжимать кулаки от беспомощности.

— Мало, — сказал лекарь, подходя и забирая кружку. Он осмотрел Айлин, потрогал лоб, заглянул в глаза и послушал дыхание. — Воды слишком мало. У нас осталось всего несколько фляг на всех. Этого не хватит даже до завтрашнего вечера.

— А если экономить? — спросил Луан.

— Тогда принцесса умрет завтра утром, — прямо ответил лекарь. — Ей нужно много пить. И не только ей — всем нам. Мы прошли через горы, мы потеряли много жидкости. Армия на пределе.

— Нужно найти воду, — сказал Кай, оглядывая пустыню сквозь костяные ребра.

Серая мгла. Ветер. Пепел. Никаких признаков воды.

— Где? — спросил Киран. — В пустыне? Посреди пепла и стекла?

— Мы не глубоко зашли, — сказал Зейн, разворачивая карту. Он поднес ее ближе к костру, и все столпились вокруг. — По расчетам, пустыня тянется на несколько миль к югу, но ближе к центру есть отметки о подземных водах. Здесь, — он ткнул пальцем в пометку, — и здесь.

— Отметки старые, — заметил Дейк, нахмурившись. — После того, что мы видели в горах... Кто знает, осталось ли что-то.

— Другого выхода нет, — сказал Кай, поднимаясь. — Я пойду искать.

— Я с тобой, — сказал Роан, тоже вставая.

Все посмотрели на него. Роан редко вызывался добровольцем, он любил, когда кто-то лично приглашает его.

— У меня магия воды, — пояснил он, пожимая плечами. — Я чувствую воду на расстоянии. Если она есть — я найду.

— А если нет? — спросил Луан.

— Тогда мы вернемся с пустыми руками, — ответил Роан. — Но хотя бы попробуем.

Кай кивнул.

— Идем. Остальные — ждите здесь. Если через два часа нас не будет — выходите на поиски, но не все. Кто-то должен остаться с Айлин и охранять лагерь.

Он подошел к принцессе, присел на корточки, взял ее холодную руку в свои. Кожа ее была горячей и сухой, как пепел

под ногами.

— Я вернусь, — сказал он тихо, глядя в ее мутные глаза.

— Обещай, — прошептала Айлин, и в этом шепоте было столько отчаяния, что у Кая защемило сердце.

— Обещаю.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Она пахла лекарствами, потом и смертью. Кай отогнал эту мысль.

— Пошли, — сказал он Роану, выпрямляясь.

Они вышли из костяного круга, и ветер сразу ударил в лицо, осыпая пеплом и ледяной крупой. Кай завязал платок ту же — так, что остались видны только глаза. Роан сделал то же самое.

Пустыня завывала. Песчаная метель со снегом усиливалась с каждой минутой. Белые хлопья смешивались с серым пеплом, создавая месиво, которое летело в лицо, забивалось в глаза, под одежду, за шиворот, в сапоги.

— Держись рядом, — крикнул Кай, перекрывая вой ветра.

— Стараюсь, — крикнул в ответ Роан, но голос его уже тонул в шуме.

Они шли. Шаг за шагом, удаляясь от костяного круга, который быстро скрылся из виду за пеленой метели. Вокруг была только серая мгла, только ветер, только ледяная крупа, которая хлестала по лицу, как тысячи маленьких плетей.

Кай слышал голоса.

Они звали его с разных сторон — из темноты, из пепла, из ниоткуда. Голоса были знакомыми. Голос Элио — на-

смешливый, с хрипотцой: «*Ну что, командир, заблудился?*». Голос отца — строгий, требовательный: «*Ты подвел меня, сын*». Голос матери, которую он редко вспоминал: «*Вернись домой*». Даже голос Вивиан — звонкий, как колокольчик: «*Кай, сюда, я здесь*».

— Кай... сюда... иди к нам...

— Это не по-настоящему, — прошептал он, зажмурившись. — Это ветер. Это пустыня. Это не они.

Но голоса не замолкали. Они становились громче, настойчивее, ближе. Кай чувствовал, как они тянут его в разные стороны.

— Кай, не слушай, — сказал Роан, хватая его за руку. Его пальцы впились в предплечье. — Это пустыня играет с тобой. Я тоже слышу. Но это неправда. Это иллюзии.

Кай кивнул, стиснув зубы. Он открыл глаза и посмотрел на Роана — тот был рядом, живой, настоящий.

— Ты чувствуешь воду? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Роан закрыл глаза. Его лицо под платком напряглось, лоб наморщился. Он вытянул руки вперед, ладонями вниз, и Кай увидел, как кончики его пальцев слабо засветились голубоватым светом.

— Да, — сказал Роан после долгой паузы. Он открыл глаза, и в них светилась уверенность. — Где-то близко. Совсем рядом. Я чувствую влагу. Много влаги.

— Ты уверен? — спросил Кай, вглядываясь в серую мглу.

— Уверен. Вон, смотри. Небольшое озеро.

Роан показал рукой куда-то вправо и вперед. Кай прищурился, вглядываясь. Но сквозь песчаную бурю ничего не было видно. Только серая стена, только танцующие тени пепла, только белые хлопья снега, которые кружились в бешеном танце, как одержимые.

— Я не вижу, — сказал Кай, и в голосе его прозвучало разочарование.

— Оно там, — настаивал Роан. — Я вижу его. Вода. Чистая, холодная. Совсем близко. Метров пятьдесят, не больше.

Он потянул Кая за собой, ускоряя шаг. Кай пошел за ним, хотя в душе закипало сомнение. Он не видел озера. Он не видел ничего, кроме серой мглы и собственных рук, вытянутых вперед, чтобы не наткнуться на что-то.

— Держись, — сказал Роан, не оборачиваясь. — Мы почти пришли. Я вижу берег. Я вижу воду.

Кай смотрел туда, куда указывал Роан, но видел только пустоту. Никакой воды. Никакого берега.

Но Роан шел уверенно, и Кай шел за ним, потому что выбора не было. Потому что Айлин умирала без воды. Потому что надежда оставалась даже здесь, в этой адской пустыне, среди битого стекла и серого пепла, даже когда разум говорил, что надежды нет.

Голоса звали снова. Громче. Настойчивее.

— Кай... не ходи туда... там смерть...

— Заткнитесь, — прошептал он, зажимая уши.

— Что? — переспросил Роан, оборачиваясь.

— Не тебе, — сказал Кай. — Иди дальше.

Роан пожал плечами и пошел.

— Сколько еще? — крикнул Кай, перекрывая ветер.

— Скоро! — ответил Роан, и в его голосе звучала такая уверенность, что Кай почти поверил. — Я вижу его. Оно прямо перед нами. Еще десять шагов.

Кай шагнул вперед, в серую стену, туда, где, по словам Роана, должно было быть озеро.

Шаг.

Второй.

Третий.

— Еще немного, — сказал Роан, и голос его звучал как будто издалека. — Я вижу дно. Я вижу...

Четвертый шаг.

Пятый.

И вдруг земля под ногами исчезла.

Кай почувствовал, как проваливается в песок. Он успел схватить Роана за руку — или Роан схватил его? — и их начало засасывать.

Ветер завыл громче.

Глава 27. Вкусное угощение

Кай почувствовал, как проваливается в песок. Он успел схватить Роана за руку — или Роан схватил его? — и их начало засасывать.

Ветер завыл громче.

Серые зерна облепили сапоги, потянули вниз, сжимая лодыжки с неумолимой силой.

— Держись! — крикнул Кай, но ветер выл так громко, что собственный голос показался ему чужим.

Песок поднимался выше. Сначала до щиколоток. Кай чувствовал, как мелкие осколки стекла впиваются в кожу даже сквозь плотную ткань штанов. Потом до колен. Он попытался выдернуть ногу и только глубже увяз. Каждая попытка двигаться затягивала его все сильнее, словно пустыня была голодным зверем, который медленно переваривал добычу, наслаждаясь каждым мгновением.

Роан находился в нескольких шагах. Он уже ушел в песок по пояс.

Но самое страшное было не в этом.

Роан улыбался.

— Вода... — прошептал он блаженно.

Он протянул руки вперед, словно обнимал кого-то невидимого. Потом наклонился, зачерпнул горсть песка и поднес ко рту.

— Роан! — закричал Кай, ринувшись к нему. Песок тут же засосал его до середины бедра. — Не смей! Это не вода! Очнись!

Но Роан не слышал. Иллюзия захватила его целиком. Он жевал песок с выражением величайшего наслаждения на лице, будто пил родниковую воду после долгой жажды в пустыне. Его челюсти двигались мерно, с хрустом перемалывая острые крупички.

— Теплая... — повторил он, проглатывая. — И сладкая... Я никогда не пил такой воды...

Кай в ужасе смотрел, как друг ест песок, смешанный с битым стеклом. Острые осколки резали ему губы, язык, десны, но Роан не чувствовал боли. Из уголков его рта уже текла кровь. Такая яркая на фоне серого пепла.

— Роан, пожалуйста, остановись! — Кай рванулся к нему, но песок засосал его уже по пояс.

Он схватил друга за плечи, потянул на себя, изо всех сил, напрягая каждую мышцу. Но Роан не помогал — он продолжал тянуться к призрачной воде, разбрасывая песок руками, только глубже увязая сам и затягивая Кая. Его тело стало тяжелым, как камень, а может, это пустыня держала его, не отпускала.

— Помоги мне! — крикнул Кай, дергая друга. — Ты утонешь!

Роан повернул к нему лицо. И Кай замер.

Рот Роана был в крови. Из уголков губ текла алая струй-

ка, смешиваясь с пеплом, стекая по подбородку и капая на грудь. Глаза его были широко открыты, но смотрели сквозь Кая, куда-то в пустоту.

— Там вода... — прохрипел Роан, и кровь брызнула из его рта вместе с песком. — Я вижу... Она зовет меня... Она говорит, что я могу пить сколько хочу...

И он снова потянулся в сторону, увлекая Кая за собой. Песок уже доходил Каю до груди, сжимая ребра, не давая вздохнуть полной грудью.

Кай понял: они оба утонут, если он не остановится. Резкие движения только ускоряли погружение. Он чувствовал, как пустыня сжимает его.

Он отпустил Роана.

— Прости, — прошептал Кай, и ветер унес это слово в пустоту.

Роан даже не заметил. Он улыбался, глядя в никуда, и медленно уходил под серую поверхность. Сначала по грудь, по плечи, потом только голова, искаженная счастливой гримасой, с открытым ртом, который все еще шептал:

— Вода... вода..., — и наконец — ничего. Только кружащийся пепел, который быстро заметал место, где только что был Роан.

Кай зажмурился на секунду. Сжал зубы так, что они закрипели. Открыл глаза.

Не думать. Не сейчас. Сначала выбраться. Потом можно будет скорбеть. Потом.

Кай лег на спину, стараясь двигаться медленно и плавно.

Он откинулся назад, раскинув руки и ноги. Песок принял его, как сердце спящего чудовища. Он лежал на спине, глядя в серое небо, откуда сыпался пепел и ледяная крупа, и чувствовал, как пустыня медленно отпускает его.

Ветер выл над ним, но теперь Кай не сопротивлялся. Он начал медленно двигаться, как будто плыл на спине по озеру, только вместо воды был песок. Сначала почти незаметно, сантиметр за сантиметром. Он работал руками и ногами, делая плавные гребки, и песок постепенно поднимал его.

Ботинки выглянули.

Лодыжки.

Икры.

Колени.

— Давай, — прошептал Кай, продолжая двигаться.

Еще усилие — и он вытащил ноги, перекатился на бок, встал на четвереньки, тяжело дыша. С каждым выдохом из легких вырывался облачко пара, смешанного с пеплом.

Вокруг была только пустыня. Никакого озера. Никакой воды. Только серая мгла, только ветер, только пепел, который сыпался с неба, как траурный снег.

Роан исчез. Навсегда.

Кай постоял несколько мгновений, глядя на место, где его друг ушел под песок. Потом медленно развернулся и побрел обратно — туда, где в серой мгле угадывались очертания костяного круга.

Он не знал, что теперь делать с Айлин. Она больна, ей нужно пить, а воды нет. Одному снова идти в пустыню слишком опасно, он едва выбрался сам. Нужно вернуться в лагерь, посоветоваться с Зейном. Может быть, они придумают что-то еще. Может быть, лекарь знает какой-то другой способ.

Он шел, ориентируясь на память и на смутные тени, которые ветер рисовал в воздухе. Шел долго — или ему только казалось, что долго. Время в пустыне текло иначе, растягивалось, как резина, и Кай не мог понять, прошло десять минут или час.

Костяной круг возник перед ним внезапно — белые ребра, светящиеся на фоне пепла. В свете дня они казались еще более жуткими.

Кай вошел внутрь.

И замер.

Все спали.

Айлин лежала на одеяле у потухшего костра, свернувшись калачиком. Ее лицо было бледным, губы — синими. Она не двигалась, только грудь слабо вздымалась.

Киран сидел, прислонившись спиной к костяной стене, и голова его безвольно свесилась на грудь. Из рта вытекла тонкая струйка слюны, смешанной с пеплом.

Дейк лежал ничком на пепле, раскинув руки, как распятый.

Несколько рыцарей застыли в неестественных позах. Кто стоя на коленях, кто полусидя, кто на боку. Один из них, са-

мый молодой, сжимал в руке меч, но клинок валялся в стороне. Он, видимо, пытался сражаться, но силы оставили его.

Все они были без сознания.

— Вкусное угощение в моем логове, — раздался голос в голове Кая.

Мысль, которая пришла не из его собственного разума. Чужая. Она сочилась в сознание, как ледяная вода в трещины корабля.

Кай огляделся. Сердце колотилось где-то в горле, но он заставил себя дышать ровно.

Зейн еще боролся.

Принц Лунного королевства лежал на спине в нескольких шагах от входа, и его руки и ноги были обвиты тонкими костяными отростками, которые тянулись из стен круга. Они медленно ползли по его телу, обхватывая запястья, щиколотки, шею, как змеи. Зейн слабо отбивался. Он пытался вырваться, но силы оставляли его. Его меч, покрытый слоем пепла, упал в сторону.

— Зейн! — крикнул Кай, бросаясь к другу.

Кости не трогали Кая. Может, потому что он пришел снаружи, может, потому что его не коснулась иллюзия, а может, потому что пустыня уже получила свою жертву в лице Роана и не была голодна. Он опустился на колени рядом с Зейном и начал крушить белые отростки кулаками.

Они были твердыми, как камень, но под ударами трескались и рассыпались в мелкую пыль, которая тут же смеши-

валась с пеплом. Кай бил снова и снова, не чувствуя боли в костяшках, не замечая, как сдирает кожу.

— Кай... — прохрипел Зейн, открывая мутные глаза. Зрачки его были расширены, лицо покрыто испариной. — Кости... они живые... они пили мою магию... мою жизнь...

— Я вижу, — ответил Кай, освобождая его руку. — Вставай, если можешь.

Он схватил Зейна за подмышки и поволок к выходу из костяного круга. Зейн пытался помогать, но ноги его не слушались. Они волочились по пеплу, оставляя за собой глубокие борозды. Кай вытащил его наружу, уложил на холодный песок и, убедившись, что друг дышит, развернулся и побежал обратно.

Следующей была Айлин.

Она лежала ближе всех к костру, и кости еще не добрались до нее — только одна тонкая белая нить, похожая на корень, тянулась к ее лодыжке, медленно, как щупальце. Кай отшвырнул ее ногой, и она сломалась с сухим треском.

Он подхватил принцессу на руки, прижал ее к груди и убежал из круга.

— Кай... — прошептала она, не открывая глаз. Губы ее шевелились, но голос был едва слышен. — Холодно... Мне так холодно...

— Знаю, — ответил он, укладывая ее рядом с Зейном. — Сейчас. Потерпи немного. Я вернусь.

Он снова побежал внутрь.

Киран уже наполовину был охвачен костями. Они тянулись от стены, обвивали его плечи, грудь, живот, даже лицо — одна тонкая нить уже ползла по щеке к глазу. Кай начал крушить их, отрывать, выдирать, не обращая внимания на то, что пальцы скользят по гладкой поверхности. Он ломал кость за костью, и они рассыпались в пыль, как сухие ветки.

Киран застонал, когда последний отросток, обвивавший его шею, сломался. Он открыл глаза и схватил Кая за руку.

— Луан... — прохрипел он. — Они забрали Луана... Я видел... Он не проснется...

— Где? — спросил Кай, помогая ему подняться. Киран шатался, как пьяный, и Кай подставил плечо.

— Там... — Киран показал дрожащей рукой вглубь круга, туда, где кости сходились плотнее, образуя подобие трона.

Кай обернулся. Вгляделся в белую кучу у дальней стены, и сердце его ухнуло.

Луан стоял, прислонившись спиной к большой кости. Он врос в нее, сросся. Кости обхватили его со всех сторон, как кокон, оставляя снаружи только лицо — бледное, с открытыми остекленевшими глазами, с полуоткрытым ртом, из которого уже не выходило дыхание. Он не двигался. Белая пелена уже начала затягивать его щеки, подбираясь к глазам, к носу, к губам.

— Луан! — крикнул Кай, бросаясь к нему.

Но Зейн, который уже пришел в себя и тоже вернулся внутрь, схватил его за руку.

— Поздно, — сказал Зейн тихо. Голос его был почти мертвым. Таким же как после известия о Вивиан. Таким же после смерти Элио. — Он мертв, Кай.

— Мы можем его вытащить! — Кай рванулся. — Он еще теплый! Он...

— Посмотри на него! — Зейн развернул Кая к Луану, заставляя смотреть. — Посмотри внимательно. Он весь внутри костей. Они уже не снаружи — они внутри. Если мы начнем их ломать, он рассыплется вместе с ними. Кости стали частью его тела.

Кай замер. Он смотрел на Луана — на его неподвижное лицо, на белые отростки, пронзившие грудь, на руки, сросшиеся со стеной, на ноги, которые уже превратились в костяные столбы. И понял, что Зейн прав. Луан не просто умер — он стал частью этого места.

— Мы должны уходить, — сказал Зейн, отпуская руку Кая. — Сейчас, пока кости не проснулись снова. Они почувствовали кровь. Они захотят еще.

Кай кивнул. Сглотнул ком в горле. Отвернулся.

Вместе они вытащили Кирана, который едва держался на ногах, потом Дейка, потом нескольких рыцарей, которые еще подавали признаки жизни. Другие рыцари, те, кто спал ближе к стенам, уже превратились в неподвижные белые изваяния. Их лица застыли в вечном сне, а кости впились в их тела, как пиявки, высасывая последние капли жизни.

Кай пересчитал тех, кого удалось вытащить.

Не хватало Луана. Роана. И еще пятерых рыцарей, чьи лица теперь навсегда останутся в костяном кругу.

— Что здесь произошло? — спросил Кай, опускаясь на колени рядом с Кираном. Голос его дрожал.

Киран сидел на песке, обхватив голову руками. Пальцы его тряслись.

— Мы сидели, ждали вас, — начал он, не поднимая головы. — Я прислонился спиной к кости — просто устал. Спина болела. И вдруг почувствовал, что не могу оторваться. Как будто прилип. Кости стали теплыми... живыми... Они тянули из меня силы. Я пытался крикнуть, но голос пропал. А потом... потом я увидел сон. Про Элио. Он стоял там, в глубине круга, и звал меня. Улыбался. Говорил: "Иди сюда, Киран, тут хорошо". Я почти пошел за ним...

Он замолчал, сглотнул, провел рукой по лицу.

— А Луан? — спросил Зейн.

— Луан оперся спиной о кость первым, — сказал один из рыцарей, бледный, с трясущимися руками, со следами крови на губах — он, видимо, тоже пытался бороться. — Он сказал, что ему жарко, и снял доспехи. Прислонился. И заснул. Мы не придали значения, так как все были на пределе. Думали, просто спит. А потом кости начали расти... тянуться к другим... Я пытался разбудить Луана, тряс его, бил по щекам, но он не просыпался. А когда я отошел, чтобы позвать Зейна, кости схватили меня за ногу. Я упал. И все... все провалилось.

— Это логово, — сказал Кай, глядя на костяной круг. Серый свет проникал сквозь ребра, отбрасывая полосатые тени на песок. — Оно живое. Кости — это его зубы. А мы были у него в пасти.

— Мы потеряли Луана, — тихо сказал Дейк. Он сидел на песке, обхватив колени, и смотрел в одну точку.

— И Роана... — начал было Кай, но не договорил.

Все поняли. Не нужно было объяснять. Пустыня забрала его.

Ветер стихал. Пустыня замерла, словно прислушиваясь к их горю. Пепел медленно оседал на лица, на одежду, на волосы. Даже ветер, казалось, сжалился и перестал выть.

— Мы должны идти дальше, — сказал Зейн, поднимаясь.

Его голос был твердым, как сталь, но в глазах стояла такая боль, что Кай отвернулся. Он не мог смотреть на это — на лицо друга, терявшего одного за другим.

— Мы не можем вернуться. Не можем остаться. Идем.

— Куда? — спросил Киран, поднимая голову. Глаза его были красными, опухшими. — Воды нет. Айлин совсем слаба. Половины отряда нет. Куда нам идти, Зейн?

— Вперед, — ответил Зейн. — Только вперед. Другого пути нет. Если мы повернем назад — умрем в горах. Если останемся здесь — умрем в пустыне. С нашими силами исход один. Нам нужно найти Вивиан. Мне нужно...

Он посмотрел на костяной круг, где навечно остались Луан и его рыцари. Развернулся и пошел на юг — туда, где, воз-

можно, ждала Вивиан, а возможно, только смерть.

Кай поднял Айлин на руки. Она была легкой — слишком легкой — и горячей. Он прижал ее к груди и пошел за Зейном.

— Держись, — прошептал он ей на ухо. — Пожалуйста, держись.

Айлин не ответила. Только слабо выдохнула, и ее дыхание обожгло его шею.

Остальные — те, кто еще мог двигаться, — поднялись следом. Кто-то поддерживал раненых, кто-то вел лошадей, которых осталось меньше половины. Киран шел последним, сжимая в руке меч Элио.

Никто не оглядывался.

Только ветер, который снова поднялся, завыл над пустыней, провожая их в путь. И пепел, который кружился в воздухе, как тысячи маленьких призраков, падал им на плечи, на головы, на сердца.

Они шли вперед. Потому что другого выбора не было.

Глава 28. Осталось 2 дня. Жертва

Вивиан очнулась с головной болью, словно кто-то ударил ее по затылку раскаленным прутом и продолжает ввинчивать в череп. Каждый удар сердца отдавался пульсацией в висках, в глазах, в самом основании черепа. Все вокруг кружилось: потолок плыл, стены наклонялись, пол то поднимался, то уходил из-под ног, даже когда она лежала неподвижно, боясь пошевелиться. В ушах стоял звон. А во рту был привкус крови.

Спустя время, когда кружение замедлилось, а звон превратился в едва различимый гул, она поняла, что тьма не отступает. Вокруг была чернота. Она заливала все пространство, не оставляя ни щелочки света. Мысль пришла сама собой: *она снова в темнице.*

Руки нащупали знакомый холодный камень. Тот же камень. Те же стены.

— Нет, — прошептала Вивиан, чувствуя, как паника сжимает горло ледяными пальцами. — Нет. Нет. Нет.

Вивиан в ужасе села, держась за голову обеими руками. Волосы слиплись, падая на лицо грязными сосульками, мешали дышать, лезли в рот. Ей казалось, что воздух в камере кончился, что стены сдвигаются, что земля уходит из-под ног, хотя она сидела на твердом камне, прижимаясь к нему всем телом.

— Только не это... только не снова...

Она зажмурилась изо всех сил, потом широко распахнула глаза, надеясь, что это кошмар, что сейчас она проснется в теплой постели дома у Виктора, услышит, как Лука ворчит на кухне, перебирая травы, а Элида позовет завтракать, и на столе будет горячий травяной чай и хлеб с маслом.

Но камень оставался камнем.

Когда глаза привыкли к темноте, Вивиан разглядела маленькую темницу. В прошлый раз было светлее: где-то в коридоре горел факел, отбрасывая оранжевые блики на решетку, можно было разглядеть стены, угол, где она спала, даже трещины в камне. Теперь же тьма была почти полной, только смутные очертания: решетка, стены, пол, потолок — все сливалось в черную массу.

Она подползла к решетке. Колени тут же намокли от лежавшей на полу воды, холод пробился сквозь ткань штанов, заставив зубы стукнуть. Вивиан вцепилась пальцами в холодные прутья. Лоб прижался к железу, и она вытянула шею, стараясь выглянуть в коридор.

Факелы теперь были слева, в самом начале коридора. Их свет едва доходил до нее тусклым, дрожащим пятном, больше похожим на бледную звезду, чем на пламя. Значит, Вивиан была в самой глубине. Дальше, чем в прошлый раз.

Сознание начало вставать на место. Вивиан перевела дыхание, открыла и осмотрела себя.

Руки свободны.

Ноги свободны.

Ни ошейника, ни наручников.

На ней все та же одежда.

Один нож пропал.

Второй был на месте — в правом ботинке.

Она согнула ногу, нащупала холод металла и облегченно выдохнула. Маленькая, но защита. Принцесса позвала тени шепотом.

— Выходите. Я знаю, вы здесь.

Ничего. Ни вибрации в груди, ни теплого покалывания в кончиках пальцев, ни того знакомого шевеления, как будто внутри просыпается что-то живое. Тишина.

Тени не отозвались. Они были внутри, но словно затаились где-то в самом дальнем углу ее существа.

— Труссы, — прошептала Вивиан беззлобно.

Темные рыцари забрали ее, значит, у Виктора что-то пошло не по плану. Или он был пойман. Или... Она не хотела думать о том, что с ним случилось.

Принцесса лежала на полу, камень отдавал холодом даже через толстый свитер и плащ, и уставилась в темный потолок. Там, наверху, не было ничего — только чернота и сырость, изредка капающая вода.

Вивиан закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Она вспоминала, как выглядит ее разум. Она научилась этому совсем недавно, когда Зейн впервые показал ей упражнения по ментальной магии. *«Твой собственный разум*

— не крепость, которую нужно отчаянно оборонять, — говорил он. — *Это целая Вселенная*».

Ее внутренний мир был цветочным садом — таким же, как в Лунном дворце, только огромное и живее. Там цвели все цветы, которые она видела, пели птицы, чьих голосов она с наслаждением ждала каждую весну. А в центре сада стоял дворец — точная копия Лунного дворца, только с золотыми крышами.

Она гуляла в этом солнечном и уютном месте, вдыхая несуществующий аромат цветов, чувствуя тепло солнца на лице. Ноги ступали по мягкой траве. Ветер играл с ее волосами, развеивал их за спиной, и это было так реально, так живо, что на миг она забыла о темнице.

Она шла к дворцу, потому что знала — там она сможет найти выход. А в поисках выхода она искала Зейна.

Вивиан вытаскивала свои воспоминания, перебирала их, как драгоценности в старинной шкатулке. Каким он был, когда что-то увлеченно объяснял. Каким загадочным он был на тренировочном поле с мечом. Каким он был в тот момент, когда впервые поцеловал ее, хотя она не видела его за маской. Каким он был, когда смотрел на нее.

Каким красивым он был...

Вивиан поняла, что испытывала новые чувства к нему задолго до их помолвки. Гораздо раньше. Может быть, еще в детстве, когда он защищал ее от насмешек Дейка и Кая. Может быть, всегда. С самого первого вздоха.

Она поняла, что всегда желала его. Как того, ради кого можно идти сквозь тьму, страх и смерть. Этот жар был только с ним. Только в его присутствии ее кожа покрывалась мурашками, а сердце замирало и начинало биться чаще.

Слезы спускались по щекам и капали на каменный пол. Она не сдерживала их. Здесь, в темноте, в одиночестве, никто не видел ее слабости. Никто не скажет, что принцесса не должна плакать.

— Зейн, — прошептала она в пустоту, и голос ее сорвался.
— Где ты? Почему ты не чувствуешь меня?

Но она знала, что он не слышит. Ментальная связь работала на разных расстояниях, но Вивиан не так много знала об этом. Сейчас между ними были горы, королевства, пустыни и леса, и, возможно, сама смерть.

Она вытерла слезы, словно извиняясь перед собой за эту минутную слабость, и тут же насторожилась.

Шумные шаги.

Они отдавались от каменных стен, множились эхом и приближались. Кто-то шел по коридору. Стук сапог о камень, звон металла.

Вивиан вскочила на ноги, ударившись плечом о стену, и отступила в самый дальний угол камеры. Спина прижалась к холодному камню, пальцы вцепились в штаны. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание, но она заставила себя смотреть вперед.

Темные рыцари.

Трое.

Они остановились напротив темницы Вивиан ровно на расстоянии вытянутой руки. Их черные плащи сливались с тьмой коридора.

А лиц было невозможно разглядеть. Они стояли неподвижно, как статуи, и от этого становилось еще страшнее.

Но Вивиан слышала голос короля через их рты.

— Они сопровождают тебя. Не сопротивляйся, девочка, — эхидно прозвучал знакомый голос. — Это в твоих же интересах.

Рыцари расступились. Один из них отворил дверь, и Вивиан вздрогнула от этого звука.

Ей ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Она вышла в коридор на негнущихся ногах, и в ту же секунду один рыцарь встал впереди, заслоняя путь вперед, а второй — сзади, отрезая дорогу назад. Третий замыкал процессию, шагая позади всех, и его шаги были такими же тяжелыми, как у остальных.

Вивиан чувствовала, что что-то точно не так. Король не стал бы держать ее магию открытой. Не после разрушения замка. Должны быть оковы, блокирующие магию. Должен быть ошейник. Но их не было — только этот странный, приторно-ласковый тон короля и собственные тени, которые отказывались откликаться, словно их запечатали внутри нее.

Они шли по знакомой дороге — коридор за коридором, лестница за лестницей, поворот за поворотом. Вивиан узна-

вала эти стены, факелы, даже трещины в камне. Сердце сжималось с каждым шагом. Она знала, куда они идут. В главный зал. Туда, где она видела короля в прошлый раз. Туда, где он угрожал ей и смотрел на нее, как на вещь.

Лучше бы король убил ее, пусть она не знала, для чего нужна ему. Смерть была бы милосерднее этого неведения.

Они вошли в зал.

Факелы горели ярче, освещая высокие колонны с грубой резьбой, высокий потолок, теряющийся во тьме, и трон из черного камня, отполированный до блеска. И — короля на троне.

Эпиал сидел, откинувшись на высокую спинку, положив ногу на ногу. В одной руке он держал кубок, в другой — крутил что-то маленькое, блестящее. И он улыбался. Улыбка была жуткой, с хищным блеском глаз, которые не отражали свет факелов.

— Ваше Высочество, — он развел руки в широком приветственном жесте, словно перед ним стояла долгожданная гостья, а не пленница, которую приволокли силой. — Или, может, мне стоит обращаться «Ваше Величество»? В конце концов, вы станете королевой?

— Для чего я здесь? — Вивиан смотрела на него исподлобья, не отводя взгляда, хотя внутри все дрожало. Голос прозвучал тверже, чем она ожидала. — Что вам от меня нужно?

— Моя дорогая Вивиан, ты здесь желанный гость, — король встал с трона и направился к ней. Сапоги цокали по ка-

менному полу, и каждый шаг отдавался в груди Вивиан тихим ударом. — Сначала я думал, что мне стоит убить тебя. Избавиться от проблемы раз и навсегда. Просто и чисто. Но ты оказалась такой ценной. Такой... неожиданной. Прости за все неудобства. Это была необходимая мера.

— Что это значит? — Вивиан не отступила ни на шаг, хотя каждый нерв в ее теле кричал бежать.

— Мы с тобой покорим этот мир, — Эпиал расплылся в улыбке, и, прежде чем Вивиан успела отшатнуться, обнял ее. Обнял, словно они вправду были друзьями, и он не держал ее в темнице в ошейник и не угрожал смертью. Его руки были холодными, как у мертвеца. — Ты — ключ. Ключ ко всему.

Вивиан вздрогнула. Тело свело судорогой отвращения, но она заставила себя стоять смирно.

— Посадите нашу гостью возле меня, — Эпиал отстранился и бросил короткий взгляд на рыцарей.

Они тут же исполнили приказ. Подхватили Вивиан под локти и понесли к трону. Ноги волочились по камню, не находя опоры, ботинки скребли по полу.

Возле трона стоял маленький стульчик, который должен был быть подставкой для ног. Вивиан плюхнулась на него, и рыцари отошли, оставив ее сидеть у ног короля. Она чувствовала себя собакой на цепи.

— Понимаете, Ваше Высочество, здесь вам будет лучше, — король указал на зал, где они находились. — Да. Мрачно-вато, согласен. Не Лунный дворец. Но солнечной принцессе

можно пожить и без солнца, верно? Привыкнете?

Вивиан не успела ответить.

На шее появилось что-то холодное — металл, сомкнувшийся вокруг горла с тихим щелчком. *Ошейник*. Вивиан вздрогнула, но слабости не ощутила. Магия не уходила.

Затем второй ошейник с острыми краями. Каждую руку и ногу заковали в оковы. Вивиан была связана по всем частям тела, скована по рукам и ногам, как самый опасный преступник. Металл давил на запястья, на лодыжки, но магия оставалась при ней.

Она чувствовала свои тени. Они забились где-то в груди, дрожали и сжимались в комки. Они жаждали разрушить в этом замке что-то еще, разнести эти стены в пыль, сравнять с землей эту каменную клетку.

— *Молчать*, — приказала Вивиан мысленно. — *Не высываться*.

Тени затихли, но не успокоились. Они ждали.

— Это ради твоей безопасности, — сказал Эпиал, возвращаясь на трон и с высоты глядя на скованную принцессу. — Не хочу, чтобы ты поранилась или навредила кому-то. Ты слишком ценна, чтобы рисковать. У меня есть подарок для тебя. Думаю, он тебя обрадует.

Эпиал кашлянул, давая знак темным рыцарям. Одна из боковых дверей медленно открылась. Трое рыцарей внесли тело.

Виктор.

Он был весь в крови. Лицо разбито, губа рассечена, глаз заплыл так, что не видно зрачка, из носа течет темная струйка, застывая на подбородке. Одежда разорвана в клочья, на груди — глубокие порезы, некоторые еще сочатся. Руки связаны за спиной грубой веревкой, въевшейся в кожу. Его кто-то избил, не жалея сил. Он едва стоял на ногах, и рыцари держали его под руки, чтобы не упал.

— Виктор, — прошептала Вивиан. Она рванулась вперед, забыв об оковах. — Виктор! Что вы с ним сделали?

— Вы так сдружились, а я даже не знал, — притворно умилился король Смерти, качая головой и прищелкивая языком. — Мой сын, который всегда был таким правильным, таким покладистым, таким послушным, вдруг предает меня. Ради какой-то девчонки. Смотри, принцесса, как он заплатил за ваши секреты.

— Виктор не виноват, — сказала Вивиан, и рот открылся сам собой, прежде чем она успела подумать. Она вдруг осеклась, поняв, что сказала лишнее. Король не должен ничего знать. Король не должен знать, что они с Виктором были заодно. — Он... он ничего не делал. Я заставила его помочь мне.

— Оставь, девочка, — махнул рукой Эпиал. — Он признался во всем сам. Даже не пришлось пытаться — почти. Он предал своего короля, свое королевство и наконец себя. Ради девчонки, которая ему никто. Глупец.

Рыцари привели Виктора к Вивиан и без предупреждения

кинули его на пол. Он упал лицом вниз, не сумев подставить руки из-за веревок, стягивающих запястья, и застонал. В этом стоне было столько боли, что у Вивиан перехватило дыхание.

— Виктор, — прошептала она, подползая к нему на коленях. Оковы звенели, мешая двигаться, впивались в кожу, но она добралась-таки до его головы, перевернула на спину и положила ладонь на его лоб. Кожа была горячей. — Виктор, слышишь меня? Я здесь. Я рядом.

— Женщины всегда мешали мужчинам, — холодно бросил Эпиал с трона. — Они не достойны столько находиться в мыслях. Тысячи лет истории, тысячи войн — и все из-за женщин. Виктор пал под твоими чарами. Ты околдовала его, как и всех вокруг.

— Прости, — прохрипел Виктор, с трудом поднимая голову. Один глаз смотрел на Вивиан. — Я не знаю, как он узнал. Я не говорил. Клянусь тебе. Я бы никогда...

— Ты не виноват, — Вивиан с сожалением покачала головой, поглаживая его лоб, откидывая слипшиеся волосы. — Ты ни в чем не виноват. Это я виновата. Это все я.

— Господин Советник, — король повернул голову к своему советнику, который стоял в тени колонны, скрестив руки на груди, наблюдая за происходящим с таким же холодным ядом в глазах, как и его повелитель. — Как в нашем королевстве поступают с предателями?

— Казнят, — ответил советник сухо.

— Ваше Высочество, теперь королевство Смерти — ваш дом, — улыбнулся Эпиал, снова обращаясь к Вивиан. Улыбка не касалась его глаз. — Хотите повеселиться? У нас сегодня будет маленькое представление. Для избранных.

— Что вы хотите сделать с нами? — гневно спросила Вивиан, сжимая кулаки в оковах. Она не чувствовала боли — только ярость.

— С предателем — убить, — король пожал плечами, как будто речь шла о том, что подать на обед. — Тебя — прибережь для кое-чего стоящего.

Он похабно ухмыльнулся, не оставляя сомнений в том, что именно он имел в виду. В его глазах загорелся огонь.

Вивиан вспомнила ту женщину на каменном столе, ее изуродованное тело, синяки, следы насилия, застывшее лицо. Ее вырвало бы, если бы в желудке была хоть одна крошка.

— Вы не посмеете, — сказала Вивиан. Она закрыла Виктора собой, насколько позволяли оковы, нависла над ним, расправила плечи и заслонила его. Из-под ее ладоней потянулись тени, они окутали Виктора плотным коконом, защищая его от всего мира. — Вы не тронете его. Никто из вас.

— Не трать силы, — прошептал Виктор из-под нее. Его голос был едва слышен. — Они все равно заберут их. Заберут все.

— Я защищу тебя, — уверенно сказала Вивиан, и тени стали плотнее. — Только держи глаза открытыми. Не закрывай их, слышишь? Смотри на меня и никуда больше.

— Не нужно представлений, — отмахнулся король, поднимаясь с трона и спускаясь по ступеням. — Убей его и отметим это.

Кто-то из рыцарей бросил к ногам Вивиан меч. Он упал с глухим звоном, отскочил от камня и замер, лезвие блеснуло в свете факелов.

Вивиан задрожала. Слезы покатались из глаз, и она не вытирала их. Она смотрела на полумертвого Виктора, который все еще пытался смотреть на нее с надеждой и благодарностью.

— Сделай это, — кивнул он. — Я же чем-то должен тебе помочь. Хоть так.

— Как мне поможет твоя смерть? — Вивиан всхлипнула, и голос ее разорвался на тысячи осколков. — Ты нужен мне живым. Ты мой друг. Единственный друг здесь. Я не хочу тебя терять.

— Я добровольно отдам тебе свои тени, — улыбнулся Виктор. Улыбка вышла кривой, кровавой, но искренней. — Они хорошо тебя примут. Я узнал об этом совсем недавно... хотел сказать тебе... но не успел.

— Я не буду убивать тебя, — Вивиан покачала головой, и слезы разлетелись в стороны, падая на его лицо и раны. — Нет. Ни за что. Ты мой друг, а я не убиваю друзей.

— А ты — мой, — Виктор ощутил тепло ее слез. — Я жертвую ради своего друга. Разве это не самая достойная смерть? Умереть, чтобы помочь?

— Виктор...

— Время, — крикнул король, усевшись обратно в кресло и взяв с подноса кубок с вином. Он отпил глоток, смакуя, и уставился на них с высоты. — У меня мало терпения, предатели.

Виктор слабо поднял руку, дотянулся до меча и придвинул его к Вивиан. Лезвие скользнуло по каменному полу, оставляя блестящий след, и остановилось прямо перед ее коленями.

— Прошу, — умолял Виктор, и в его голосе не было страха. — Я буду рад, если это сделаешь ты. Не они. Не он. Ты.

Вивиан плакала, не понимая, что ей сейчас можно сделать. Каждый нерв в ее теле кричал «нет», но разум подсказывал, что другого выхода нет.

Ей казалось, что мир рушится — снова, опять, который раз за последние недели.

— Я могу разрушить замок еще раз, — шептала Вивиан сквозь всхлипы. — Он не закрыл мою магию. Я чувствую ее. Я могу ударить так, что камни полетят, как в прошлый раз. Я убью его. Убью их всех.

— Не закрыл, — согласился Виктор, и в его голосе прозвучала печаль. — Но оковы помогают накопить силы. Они не блокируют, а собирают. Снять ты их не сможешь. Это не магия — это накопительный механизм.

Разочарование накрыло Вивиан с головой, как ледяная волна. Она вцепилась в рукоять меча, но не поднимала его.

— Прошу, — сказал Виктор, и голос его стал тише, почти не слышен. — Я чувствую, как моя кровь заражена. Он впустил в меня свой яд, когда пытал. Я чувствую, как он растекается по венам. Мне так больно, Вивиан. Я не хочу превратиться в одного из них.

Она смотрела на его раны — на распухшее лицо, где не осталось живого места, на глубокие порезы на груди, на кровь, которая все еще сочилась из-под разорванного плаща, пропитывая каменный пол. Он истекал кровью, пачкая ее одежду, заливая ей колени. И она поняла, что Виктор прав. Он не выживет. Даже если король отпустит их, он не выживет.

Она нашла в себе силы встать. Ноги дрожали, колени подкашивались, но она поднялась. Меч казался таким тяжелым.

— Преврати все в мир, — прошептал Виктор, глядя на нее снизу вверх. В его единственном живом глазу стояла слеза.

— Обещаю, — сказала Вивиан. — Обещаю, Виктор.

Она занесла меч. Лезвие описало дугу в воздухе.

Виктор закрыл глаза и улыбнулся.

И Вивиан ударила.

Меч вошел прямо в сердце. Виктор издал один короткий, тихий вздох и затих. Его голова упала на каменный пол, глаза остались закрытыми, и из-под век вытекла последняя слеза.

Вивиан громко заплакала. Она выронила меч, отскочив от лужи крови, упала рядом с телом, не чувствуя, как камень врежется в ноги, положила голову ему на живот. Слезы за-

ливали его одежду, смешивались с кровью, растекались по ткани.

— Прости, — шептала она, задыхаясь от рыданий. — Прости меня, Виктор. Прости. Прости. *Прости...*

Король аплодировал.

— Bravo, — сказал он и отпил из кубка, смакуя вино, как смакууют чужую боль. — Какая трогательная сцена.

Глава 29. Две тени

Сутки они шли по пустыне. Оставшейся компанией и горсткой уцелевших рыцарей, которых после костяного круга осталось не больше десятка. Они брели по серому пеплу, который забивался в сапоги, в волосы, в легкие. Песок был везде. Каждый вдох царапал горло и выносил наружу облачко серой пыли.

Вода закончилась еще вчера.

Кай поднес флягу к губам Айлин, но оттуда не выпадало ни капли. Он сжимал флягу так, что жестяные стенки прогибались, но внутри было только сухое эхо. Айлин уже не кашляла, только дышала часто, и ее потрескавшиеся губы шевелились, произнося что-то неслышное. Иногда Кай наклонялся, пытаясь разобрать слова, но это был просто бессвязный шепот в жар.

— Держись, — шептал он, но сам уже не верил в свои слова.

Он держал ее в седле перед собой, прижимая к груди. Ее тело горело, даже сквозь два плаща Кай чувствовал этот жар. Айлин таяла на глазах.

Зейн ехал впереди, низко опустив голову. Платок, закрывавший лицо, почернел от пепла, превратился в грязную тряпку. Он не оборачивался, чувствуя вину от того, как тает отряд. Боялся посчитать, сколько их осталось. Боялся при-

знать себе, что, возможно, ведет их всех на смерть.

Киран и Дейк замыкали шествие, ведя усталых лошадей. Животные едва волочили копыта по стеклянному крошеву, их ребра выпирали из-под мокрой от пота шерсти. Одна из лошадей уже упала накануне, она просто легла и не встала. Ее пришлось добить, чтобы не мучилась.

— Долго еще? — спросил Киран, когда солнце снова начало клониться к горизонту.

— Не знаю, — ответил Зейн, не оборачиваясь.

На рассвете второго дня пустыня кончилась.

Она сменила одну мертвенность на другую. Пепел уступил место твердой, потрескавшейся земле, серой и безжизненной, на которой не росло даже сорняков. Земля была сухой и изрезанной глубокими трещинами, в которых скапливался ветер. А впереди, в сером мареве, показались силуэты.

— Что это? — спросил Дейк, шурясь. Он приподнялся в стремени, пытаясь разглядеть.

— Дома, — ответил Зейн, вглядываясь. — Кажется, деревня.

Они подошли ближе. Дома были старыми, заброшенными, с провалившимися крышами и черными глазницами окон. Стекла давно вылетели, рамы сгнили, кое-где на подоконниках еще висели обрывки занавесок. Стены из неотесанного камня покрылись мхом, похожим на запекшуюся кровь.

Деревня была маленькой, может быть, два десятка дво-

ров, разбросанных вдоль единственной улицы. Посреди улицы стоял колодец, но когда Дейк заглянул в него, оттуда пахнуло только сыростью и плесенью, воды не было уже много лет.

Но это было хоть какое-то укрытие от одиночества пустыни.

Путь через деревню вел дальше, к узкому проходу между скалами к темной расщелине, в которой даже днем царили сумерки. А за ним, по словам Зейна, уже совсем близко находился мост отраженных теней, а за мостом — Королевство Смерти.

Обстановка вокруг была мрачной и пугающей. Даже воздух здесь казался тяжелее. Казалось, дома шепчутся, когда ветер продувал их пустые комнаты, и эти шепоты складывались в слова на незнакомом языке. Айлин во сне вздрагивала и прижималась к Каю, словно чувствовала, что вокруг небезопасно.

— Кажется, мы сможем найти воду, — сказал Киран, указав на тусклый свет в одном из домиков.

— Как бы нас не сожрали здесь, — сказал Кай.

Он хотел сказать это с усмешкой, но голос его прозвучал устало и глухо. Он взглянул на Айлин, на ее высохшее лицо. Кожа обтянула скулы, под глазами залегли черные круги, губы потрескались до крови. Она нуждалась в воде как никогда. Если не напоить ее сегодня, завтра может быть поздно. Кай чувствовал это нутром.

— Любая помощь нам поможет, — согласился Дейк. Он повернулся к Зейну, который все еще смотрел на свет в окне, не двигаясь с места. — Что скажешь, командир?

Зейн долго смотрел на дверь, на дорогу, петляющую между домами. На его лице была такая усталость, что Кай на миг испугался — не сломается ли друг прямо сейчас, под тяжестью всех потерь.

— Совет не помешает, — сказал Зейн наконец. — Если там кто-то есть, нам нужно знать, что впереди. Горы нас запутали. Пустыня чуть не убила. Я не хочу снова рисковать оставшимися.

Он оглядел свое войско — жалкие остатки некогда сильного отряда. Совсем недавно их было больше сотни. Теперь — меньше дюжины. И каждый день уносил кого-то.

Вероятно, жителям этой деревни было бы страшно наблюдать, что к их дверям подъехало большое войско. Но кто обитал внутри они тоже не знали. Это не могло не пугать.

— Может, темные рыцари обитают где-то здесь? — предположил Киран, и его рука сама собой легла на эфес меча Элио.

Он все еще носил меч друга на поясе, рядом со своим. Два клинка, две памяти. Иногда он касался рукояти и шептал что-то, может, просил прощения, может, клялся отомстить.

— Нет, — сказал Зейн. — Они не живут в домах. Они как оболочка, которой кто-то управляет. У них нет своей жизни. Нет домов, нет семей, нет ничего.

— Жаль, — ответил Киран, и в голосе его прозвучала такая злоба, что Кай обернулся. Киран обычно не показывал своих чувств, он был спокойным, но сейчас его глаза горели. — Им очень подходит. Я бы с удовольствием заколотил каждого из них в такой дом и поджег. Пусть почувствуют, как это — гореть заживо.

Он злился на них. За Элио. За Луана. За Роана. За каждого, кого они потеряли. И эта злоба грела его в ледяной пустыне, давала силы идти дальше, когда ноги уже отказывались слушаться.

Они приблизились к дикой деревне. Лошади занервничали, кося глазами на темные окна, прядая ушами. Одна из лошадей попятилась, и Дейку пришлось дернуть поводья, чтобы удержать ее.

— Хотите, я постучу, командир? — сказал кто-то из войска.

— Будьте начеку, — Зейн кивнул и спрыгнул с коня. Копыта глухо стукнули о камень. — Я сам.

Все напряглись. Рыцари положили руки на оружие. Киран вытащил меч Элио на палец из ножен. Дейк схватился за лук, висящий за спиной.

Зейн отправился к двери одного из домов, где горел свет. Его шаги гулко стучали по каменной дороге, разносились между пустыми домами, возвращались эхом.

Несколько минут тишины. Ни звука изнутри. Только ветер свистел в щелях, только где-то скрипнула несмазанная

петля. Зейн постоял, прислушиваясь. Потом поднял руку и постучал.

— Есть кто живой? — спросил он. Голос его прозвучал глухо из-за платка, но внутри, должно быть, слышали.

Дверь открылась. Из дома повеяло теплом, от которого у Зейна защипало в глазах.

Вышел мужчина с густой сединой в рыжей бороде, в грубой домотканой рубаше, подпоясанной веревкой. Лицо его было изрезано морщинами, как старая карта, а глаза — настороженными и усталыми. Он с опаской оглядел усталых всадников в запыленных доспехах, бледную девушку на руках у Кая, хмурых рыцарей с оружием наготове.

— Денег нет, — сказал он. Голос у него был низкий. — И еды нет. Уходите.

— Мы не воры, — усмехнулся Зейн, стараясь говорить мягко. — Мы ищем дорогу. Мы направляемся в Королевство Смерти. Хотелось бы узнать, правильно ли мы идем.

Мужчина недоверчиво смотрел на Зейна. Перевел взгляд на Кирана с двумя мечами, на Дейка с луком, на Кая с девушкой на руках. Потом спросил:

— Вы шли по горам?

Зейн кивнул.

— Через движущиеся тропы?

— Да.

Мужчина почесал затылок. Когти на его пальцах были желтыми.

— Горы меняют свои пути, но к нам давно никого не приносили. Года три, а то и четыре.

Зейн и Кай переглянулись.

— Значит, есть несколько путей? — уточнил Зейн.

— Разумеется, — усмехнулся мужчина, и в усмешке его сквозила горечь. — Не меньше сотни. Эти горы — долбаный лабиринт. Они живут своей жизнью. То одну тропу откроют, то другую закроют. Тот, кто думает, что знает их, дурак.

Зейн напрягся. Пальцы его сжали поводья. Он начал думать, что они могли сбиться, что идут не туда, что где-то ошиблись, свернули не на ту тропу, что все их усилия были напрасны.

— Мы в правильном направлении? — спросил он, и голос его чуть дрогнул.

Мужчина долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Вам повезло. Дорога к мосту здесь. Но туда редко кто хочет идти. Обычно народ ищет путь обратно, в горы, к нормальной жизни. А вы туда.

— Это все? — спросил Зейн, чувствуя, что мужчина хочет еще что-то сказать.

— Прошу прощения за беспокойство, — вмешался Кай, спрыгивая с лошади и подходя ближе.

Айлин осталась в седле. Ее голова лежала на шее лошади, и если бы не слабое движение плеч при дыхании, можно было бы подумать, что она мертва.

— Не найдется у вас воды? — спросил Кай. — У нас один

больной. Ей нужна вода. Если не напоим ее сегодня, она не доживет до завтра.

Мужчина осмотрел всех отряд.

— Ждите здесь, — сказал он и скрылся за дверью.

Наступила тишина. Только ветер гонял по улице комья пепла и мусор. Где-то скрипнула ставня. Киран не отводил руки от меча.

— Не нравится мне это место, — сказал он тихо.

— Мне тоже, — ответил Дейк.

Спустя некоторое время, мужчина вышел с кувшином воды. Кай чуть не застонал от облегчения.

Он набрал воду в свою флягу.

— Спасибо вам, — сказал он, направляясь к Айлин.

Он поднес флягу к ее губам. Она пила с трудом, потому что горло было воспалено, и вода охлаждала. Айлин морщилась, но пила, потому что тело требовало, потому что где-то глубоко внутри еще теплилась жизнь. Кай поддерживал ее голову.

— Вы нас выручили, — сказал Зейн, разворачиваясь к коню. — Мы в долгу.

— Вы уверены, что вам нужно туда? — крикнул мужчина ему вслед. — В королевство Смерти?

— Да, — ответил Зейн, не оборачиваясь.

— Горы привели вас к мосту, — осторожно сказал мужчина, вытирая руки о фартук. — Местные привыкли ходить, но чужаки не справляются. Я видел, как возвращались те,

кто пытался. Если возвращались.

— Что за мост? — спросил Киран, насторожившись.

— Мост отраженных теней, — пояснил мужчина, опираясь на дверной косяк. В его голосе появилась какая-то печальная мудрость. — Это каменный мост через расщелину. Неизвестно из какого камня, но он отражает свет так, что перед вами идет ваша же тень, а вы за ней. Идете за собой. Смотрите на себя со стороны.

— Звучит как бред, — буркнул Дейк, но в голосе его не было уверенности.

— В этом королевстве бывает что-то не смертельно опасное? — проворчал Киран.

— Все будет нормально, если вы в ладу с собой, — мужчина пожал плечами. — Если да — тень будет спокойной, проведет. Если нет — тень сойдет с ума. И вы вместе с ней. Мост не прощает лжи. Ни себе, ни другим.

Он закрыл дверь. Щелкнул засов.

Зейн оглянулся на войско, на осунувшиеся лица и грязные плащи.

— Вперед, — скомандовал он.

Они направились по каменным дорогам деревни, между молчаливыми домами, которые теперь казались еще более мрачными. Лошади уставали сильнее с каждым шагом, словно камень высасывал энергию из них, оставляя только пустоту и тяжесть. Одна из лошадей споткнулась, и Киран едва удержал ее под уздцы.

Кай подъехал к другу.

— Зейн, — тихо сказал он, чтобы никто не услышал. — Твои тени... Думаешь, все будет хорошо?

Зейн покосился на спящую Айлин, на повязку, закрывающую рот от пепла.

— Хотел бы я знать, — ответил Зейн. — Я точно не в ладу с собой. Я не мог управлять тенями, сколько себя помню.

— Я пойду за тобой, — сказал Кай. — Твои тени не про-
являлись столько дней. Ты справишься. Ты всегда справлялся.

— Думаю, они чувствуют себя здесь как дома, — попытался пошутить Зейн.

Никто не засмеялся. Шутка повисла в воздухе, какдохлая птица.

— Чувствуешь что-то? — с опаской спросил Кай. Он переживал за друга больше, чем показывал.

— Вроде да, — ответил Зейн, и лицо его напряглось. — Что-то шевелится внутри. Как будто они просыпаются. Но ничего не происходит. Пока.

Мост отраженных теней оказался мостом между двумя высокими скалами.

Камни здесь были черными, отполированными ветром до зеркального блеска. Они поднимались по обе стороны отвесными стенами, уходящими в серое небо, и их поверхность отражала все. А между ними — узкая каменная арка, перекинутая через пропасть. Внизу, далеко-далеко, ворочалась

тьма. Там не было дна, только бесконечный мрак, в котором иногда вспыхивали и гасли какие-то огоньки, похожие на глаза или на далекие звезды, умершие много веков назад.

Казалось, что, зайдя туда, скалы схлопнутся и от живого существа не останется ничего. Пахло озоном и грозой, хотя небо было чистым.

Мост был узким, не больше двух шагов в ширину. Без ограждений. Камень под ногами был гладким, скользким, в некоторых местах покрытым инеем, хотя воздух вокруг был не холоднее, чем в пустыне. Просто само место источало холод, который шел изнутри.

— Кто-то должен пойти первым, — сказал Киран, вглядываясь в сумрачную глубину.

— Как нам быть с лошадьми? — спросил Дейк. Лошади пряли ушами, упирались, не хотели идти вперед. Одна из них тихонько заржала.

— Поведем их сами, — ответил Зейн. — Главное, не смотреть вниз.

— Мы с Зейном пойдем в конце, — сказал Кай. — Чтобы прикрывать. Киран, сможешь повести Айлин? Она должна остаться на лошади. Она не сможет идти.

Киран бросил взгляд на принцессу Звездного Королевства и кивнул.

— Вы уверены, что она выдержит?

— У нее нет выбора, — сказал Кай. — Как и у нас.

— Тогда я пойду первым, — сказал Киран, подходя к на-

чалу моста. — Я умру от страха, если буду ждать. Лучше сразу.

Дейк тоже хотел пойти первым. Но боялся. Он никогда не был храбрецом. В детстве он прятался за спинами Зейна и Кая. Но в этом походе за Вивиан, среди пепла и смерти, среди потерь, он почувствовал силу в себе. Что-то менялось в нем. Он превращался в мужчину. В свои двадцать он только начал ощущать себя взрослым.

— Может, лучше я? — неуверенно предложил он, когда Киран уже взялся за поводья своей лошади. — А вы с Айлин пойдете за мной?

Киран подумал, глядя в решительные глаза принца.

— Ладно, — сказал он. — Только не останавливайся. И не смотри под ноги. И не оборачивайся. Иди за своей тенью, куда бы она ни повела.

— Будем держаться на расстоянии, — приказал Зейн. — Тень каждого — его личное испытание. Не вмешивайтесь в чужие тени. Не зовите друг друга по имени. Это может отвлечь.

Дейк шагнул на мост.

Его шаги отдавались глухим эхом, которое уходило в пропасть и не возвращалось. Сначала ничего не происходило. Только ветер свистел между скалами, и где-то внизу шевелилась тьма. Но потом, когда он прошел несколько шагов, перед ним появилась тень.

Она была черной и полупрозрачной. Она двигалась впе-

реди него, шаг в шаг, повторяя его движения. Чуть быстрее. Чуть увереннее. Тень Дейка дрожала, но шла.

Дейк шел за своей тенью, чувствуя, как холод пробирается под доспехи, как сердце колотится где-то в горле. Его тень не спешила, не металась — она просто шла, иногда оглядываясь на своего хозяина.

Потом за ним двинулся Киран, ведя лошадь с Айлин. Тень Кирана была тяжелой и медлительной. Она тащилась, волоочась по камню, но упрямо шла вперед, шаг за шагом.

— Главное — не смотреть вниз, — тихо сказал Киран, обращаясь скорее к самому себе, чем к Айлин.

Элио бы сказал сейчас что-то вроде: *«Подумаешь, мост. Я и не с таких падал»*.

Он осекся. Горло сжалось. Он замолчал и больше старался ни о чем не думать.

Айлин спала. Ее тень едва виднелась на черном камне. Она ковыляла за лошадью, спотыкаясь, падая, поднимаясь. Лошадь с Айлин шла тихо, словно тоже боялась разбудить принцессу.

Все шли друг за другом на большом расстоянии. Войско проходило, ведя коней за поводья.

— Может, стоило идти первыми? — с сомнением спросил Кай, когда последний рыцарь скрылся в сумраке моста.

— Уже поздно, — сказал Зейн. — Теперь наша очередь. Они дождались, пока пройдут все рыцари, и Дейк с Кираном, и Айлин на лошади. Остались только Зейн и Кай. Двое.

— Я буду за тобой, — сказал Кай, кладя руку на плечо друга. — Что бы ни случилось — я рядом.

Зейн кивнул, глубоко вдыхая, и шагнул на мост.

Что-то напрягало его.

Тени никогда не шли с ним в контакт. Они были частью его, но отдельной. Они жили своей жизнью, появлялись и исчезали, когда хотели. Он боялся, что они выпрыгнут в любое время, как хищники из засады.

И он упадет с моста.

Его тень появилась сразу.

Огромный пульсирующий силуэт. Она заняла половину моста, растеклась по камням, поднялась по стенам. Тень не пошла впереди ровно, как у других. Она заметалась.

Зейн сделал шаг. Тень метнулась влево, к самому краю, и замерла, словно приносясь к пропасти.

Еще шаг — вправо. Тень шмыгнула туда, ударилась о скалу и отскочила, как мяч.

— Ты это видишь? — спросил Зейн, не оборачиваясь. Голос его был спокойным, но Кай услышал панику.

Кай, шедший позади, видел все. Его собственная тень лежала у ног спокойно, как у спящего зверя. Но тень Зейна... она была безумной.

— Вижу, — ответил Кай. — Что с ней?

Тень бежала, словно искала кого-то, выглядывала из-за невидимых углов, приседала, вставала на дыбы, тянулась к скалам, к небу, к пропасти. Она была везде и нигде одновременно.

менно.

Мост под ногами Зейна начал вибрировать, как начинающееся землетрясение. Камни стонали.

— Так должно быть? — спросил Кай, чувствуя, как страх поднимается из желудка к горлу, сжимая его.

— Не уверен, — ответил Зейн, и голос его дрогнул.

Тень Зейна паниковала. Она бегала из стороны в сторону, оставляя за собой черные полосы на камне. Иногда она прижималась к краю моста, словно собиралась прыгнуть в пропасть. Потом возвращалась, снова металась, снова билась о скалы.

— Зейн, что происходит? — спросил Кай, ускоряя шаг.

— Не подходи близко! — крикнул Зейн.

Странная тень вдруг замерла.

Зейн остановился.

Кай тоже.

Тень начала разделяться. Как по шву, она треснула. Черная молния пробежала от края до края, и из одной тени стали две. Часть осталась на месте, дрожащая, испуганная, сжавшаяся в комок. Другая потянулась вперед, к концу моста, с такой скоростью, что Зейн не успел даже моргнуть.

— Что происходит? — запаниковал Кай. — Так не должно быть, верно? *Зейн?!*

Зейн не ответил. Он стоял, глядя на свою тень, которой теперь было две. Глаза его остекленели.

— Кай? — позвал Зейн, и голос его звучал далеко, будто

он уже проваливался куда-то, где звуки не имели значения.

Кай увидел, как нога друга просела сквозь камень. Мост не треснул — он стал как вода. Зейн погружался в него, как в болото.

— Зейн! — Кай рванулся вперед, но его собственная тень вдруг взметнулась, преграждая путь.

Она выросла перед ним стеной. Она не пускала его. Но Кай нащупал плечо друга.

Он попытался обойти тень, но она росла, закрывая весь мост.

Зейн уже провалился по колено.

По пояс.

По грудь.

Он не кричал. Он смотрел на свою тень, которая разрывалась на части, смотрел на новую, темную, которая уходила все дальше, к концу моста, к выходу.

— Иди, — сказал Зейн, глядя на вторую тень. — Иди к ней.

— Зейн! Держись! — Кай снова попытался прорваться, но тень потянула его вниз.

Мост поглотил его.

Черная гладь сомкнулась над его головой.

Глава 30. Тьма сгущается

— Ну и жуткий мост, — выругался Киран, поглядывая через плечо на каменную арку, оставшуюся позади.

Он вел лошадь Айлин под уздцы, стараясь ступать по твердой земле, подальше от края расщелины. Мост все еще маячил на горизонте. Айлин мерно покачивалась в такт шагам лошади.

Дейк шел рядом, то и дело оглядываясь. Его рука лежала на рукояти меча, готовая к бою. Пальцы сжимали кожаную оплетку.

— Темная магия такая... — он не мог подобрать слов. — Зейн и Кай долго не появлялись. Это не подозрительно?

— Они же шли последними, наверное, еще переходят, — ответил Киран, хотя в его голосе уже не было прежней уверенности.

Он сам не верил в то, что говорил. Мост отраженных теней был пугающим местом, и кто знает, какие ловушки он таил для тех, кто ему не по нраву.

— Но все уже давно перешли, — сказал Дейк, глядя в расщелину, туда, где черной нитью висел мост. — Я не вижу их. Там никого нет. Совсем. Ни Зейна, ни Кая, ни теней.

Киран тоже посмотрел. Мост был пуст.

— Может, они задержались на той стороне? — предположил Киран.

— Зачем? — спросил Дейк, и в голосе его прозвучало отчаяние. — Им нечего там делать. Мы все здесь. Они должны были идти за нами. Должны были быть уже здесь.

Они стояли, вглядываясь в даль, надеясь увидеть знакомые силуэты. Прошла минута. Две. Пять. Мост молчал. Только ветер выл в расщелине.

Айлин ощутила новую волну жара, от которой заложило уши, а перед глазами поплыли алые круги. Болезнь словно проснулась внутри нее, требуя внимания, напоминая о себе с утроенной силой. Она открыла глаза и с трудом подняла голову.

— Где мы? — прошептала она. Голос был хриплым.

— Хрен знает где, — выругался Киран, не оборачиваясь. Он все еще смотрел на мост.

Айлин медленно огляделась по сторонам. Выжженная земля, потрескавшаяся на мелкие осколки, как старая глина. Черные скалы, нависающие с обеих сторон, создавали ощущение, что они находятся в каменном мешке. Серое небо, без солнца, без облаков — просто бесконечная серая пуста, давящая на голову.

Несколько усталых рыцарей в пыльных доспехах, с лицами, которых она почти не различала. Дейк. Киран. Лошади. Но не было одного лица.

— Кай? — спросила она, и голос ее дрогнул. — Где Кай?

Она начала оглядываться резче, дергаясь в седле, пытаясь повернуть голову, но шея не слушалась. Сердце заколо-

тилось где-то в горле. После той пещеры, после костяного круга, после того, как она видела, как кости пожирают людей на глазах, она не желала отпускать его из виду. Он был ее последней надеждой на жизнь. Если он исчез...

— Они с Зейном переходят мост, — пояснил Дейк, подходя ближе и беря ее лошадь под уздцы, чтобы успокоить. — Сейчас будут. Тебе подать воды?

Он протянул флягу.

Айлин покачала головой. Пить больше не хотелось. Во рту было сухо, как в пустыне, язык прилипал к нёбу, горло саднило, но тело отказывалось принимать влагу. Она чувствовала, как вода, которую она выпила раньше, стоит где-то в горле, не желая спускаться дальше.

Айлин вся пылала от болезни. Казалось, что кровь в ее жилах кипит, кости плавятся изнутри, а легкие наполнены раскаленным пеплом. Слишком поздно. Она чувствовала это.

Дейк отошел к оставшимся в отряде. Их было немного — девять рыцарей. Лошади стояли понурые, с опущенными головами, их бока тяжело вздымались.

— Дождемся командира, но привал не разводить, — сказал Дейк, стараясь, чтобы голос звучал твердо. Он сам не верил в то, что говорил, но нужно было поддерживать порядок. — Небольшой отдых никому не повредит. И глаз не закрывать.

Рыцари кивнули. Усталость была такой, что мужчины па-

дали буквально на ходу. Некоторые уже клевали носом, сидя на камнях, но Дейк не стал их будить — несколько минут отдыха могли спасти жизнь.

Принц глубоко вздохнул, чувствуя, как сухой воздух царапает горло, и направился обратно к Айлин. Он сделал всего несколько шагов, когда в воздухе что-то свистнуло.

Дейк замер.

Мимо его головы, так близко, что волосы на затылке и висках встали дыбом, пролетел меч. Тяжелый, черный, с волнистым лезвием, которое не отражало свет. Он вращался с такой скоростью, будто был легче стрелы. И вонзился в одного из рыцарей, который только что присел на камень.

Сквозь доспехи.

Металл хрустнул, как яичная скорлупа. Раздался лязг, смешанный с треском. Рыцарь даже не успел вскрикнуть. Его глаза расширились, рот открылся в беззвучном крике, и он просто упал лицом вниз, а из-под его тела начала растекаться лужа крови.

— В укрытие! — закричал Киран, выхватывая меч Элио. Лезвие блеснуло в сером свете. — За лошадей! Живо!

Но было уже поздно.

Медленно, словно выходя из тумана, вокруг них начали появляться фигуры.

Темные рыцари.

Десятки.

Они возникали из ниоткуда. Один за другим.

Черные доспехи. В глухих шлемах, где должны быть глаза, горели красные огоньки, полные ненависти и голода. За ними тянулись рваные шлейфы тьмы, будто сами тени сорвались с земли и пошли в атаку, волоча за собой остатки ночи.

От них веяло холодом.

Киран вцепился в меч, вытащил его из ножен с резким звоном. Рукоять удобно легла в ладонь.

— Айлин! — крикнул он, хватая лошадь под уздцы и держа в сторону. — За лошадой! Быстро! Туда, в кольцо!

Он рванул ее туда, где стояла группа лошадей, которые могли хоть немного прикрыть от первого удара. Айлин попыталась спешиться, но ноги не слушались. Они подкосились, как у новорожденного жеребенка, и она просто соскользнула с седла, ударившись плечом о твердую, потрескавшуюся землю.

Киран подхватил ее под мышки, затащил в кольцо лошадиных ног, в центр маленького круга, где было хоть как-то безопасно.

— Сидеть! — приказал он, глядя ей прямо в глаза. — Не высовываться! Что бы ни случилось — не двигайся!

Айлин сжалась в комок, обхватив колени руками. Она не могла сражаться, ведь едва могла дышать.

Киран развернулся к врагам.

Темные рыцари наступали. Их было слишком много — двадцать, тридцать, может, больше. Они шли в спокойном темпе.

— В круг! — скомандовал Дейк, выхватывая меч. Его голос прозвучал над пустыней, как колокол. — Спиной друг к другу! Не разрываться!

Рыцари сомкнулись. Их оставалось всего шесть. Седьмой лежал на земле с мечом в груди, его кровь уже впиталась в сухую землю, оставив черное пятно.

Первый темный рыцарь атаковал.

Он скользил, как призрак. Его черный клинок описал дугу и обрушился на Дейка. Дейк встретил удар, высек сноп искр. Руки заныли от вибрации.

Но враг не остановился. Он навалился всей своей невообразимой массой. Дейк отступил на шаг, потом на второй, едва удерживая равновесие.

— Держись! — крикнул Киран, рубя справа.

Его меч скользнул по броне темного рыцаря, не оставив даже царапины. Металл завыл, заскрежетал, но враг даже не покачнулся. — Черт! — выругался Киран, отступая и вытирая пот со лба. — Без магии мы их не возьмем!

Кто-то из рыцарей попытался выстроить ледяную стену, но рыцари разбивали ее с удивительной скоростью.

Вокруг начала сгущаться тьма. Она поднималась от земли, опускалась с неба, стекала по скалам. В этой тьме нельзя было видеть дальше вытянутой руки.

Один за другим рыцари падали.

Первый получил удар в живот. Его доспехи треснули, и из трещины хлынула кровь. Он упал на колени, потом ничком.

Второй попытался увернуться, но споткнулся о камень. Темный рыцарь наступил ему на спину, и раздался хруст.

Третий отбил три удара подряд, потом четвертый прошел сквозь его защиту. Меч вошел в плечо, и рыцарь зарычал.

Киран сражался с двумя сразу, отбиваясь слева и справа. Меч Элио свистел в воздухе, круша черные клинки, но лезвие крошилось от каждого удара, покрываясь зазубринами. Дейк прикрывал его с тыла, отбивая атаки третьего врага, но и его силы таяли с каждым мгновением.

Торн, молодой рыцарь, сумел отрубить руку одному из темных. Черная конечность упала на землю и рассыпалась в пепел. Торн даже не успел улыбнуться.

Но тут же получил удар в спину от другого врага.

Он упал на колени, выронив меч. Попытался встать, но ноги не слушались. Темный рыцарь, чью руку он отрубил, наклонился и целой рукой схватил его за горло. Торн захрипел, забился, но хватка была мертвой.

— Торн! — крикнул Дейк, бросаясь к нему, но было поздно.

Тело Торна обмякло и упало на землю. Темный рыцарь отшвырнул его, как ненужную тряпку.

— Торн! — снова крикнул Дейк, но ответа не было.

Круг сжимался. Оставшихся рыцарей становилось все меньше. Один был окружен сразу тремя врагами. Он бился отчаянно, его меч пел песню смерти, но клинок не выдержал и сломался у самой рукояти. Рыцарь выхватил кинжал, но

темные рыцари просто растерзали его голыми руками. Его тело упало, и тьма сомкнулась над ним.

— Киран! — закричал Дейк, отступая к лошадям, туда, где пряталась Айлин. — Их слишком много! Мы не выдержим! Нас осталось двое!

Киран оглянулся на Айлин. Она сидела, сжавшись, среди лошадиных ног, бледная, с горящими от жара глазами. Ее губы что-то шептали.

Он не мог ее бросить. Не после того, как они столько прошли.

Но и сражаться дальше было бессмысленно. Темные рыцари не уставали, не чувствовали боли, не умирали от обычного оружия. Их было больше дюжины, а их осталось двое.

— Лед! — крикнул Киран, пытаясь призвать свой дар.

В пальцах защипало, в груди что-то шевельнулось. Дейк сосредоточился.

Тьма вокруг стала плотнее, как стена. Она поглощала все.

— Не работает! — крикнул Дейк, тоже ощутив, как его стихия гаснет внутри него. — Они высасывают ее!

Последний рыцарь из их отряда упал. Он упал на спину, глядя в серое небо широко открытыми глазами, и замер.

Киран и Дейк остались вдвоем перед лицом десятков темных рыцарей.

Черная стена врагов окружила их. Красные глаза горели в шлемах, как угли в ночи. Они ждали, наслаждались страхом.

— Ну что, пришло время умирать? — спросил Дейк.

— Даже не думай об этом, — ответил Киран, сжимая в руке меч Элио. — Соединим наши ледяные веревки и попробуем связать их.

Он посмотрел на лезвие. Магия медленно проникала в их темный круг. Дейк направлял свои силы, создавая ледяные цепи.

Айлин, собрав последние силы, попыталась встать.

Ноги дрожали. Мир плыл перед глазами, расплываясь в серые и черные пятна. Она оперлась рукой о лошадиный бок и встала на ноги.

Она вытянула руку вперед, словно могла остановить врагов одним движением. Ветер проник в круг, раздувая тени по сторонам.

Тьма продолжала сгущаться. Киран и Дейк исчезли из виду, хотя стояли в двух шагах. Айлин почувствовала, как чьи-то холодные пальцы сжали ее горло, отбирая жизнь.

Она хотела закричать, позвать на помощь, но голоса не было.

Только тьма.

Только холод, который проникал в самое сердце, стирая все. Даже имя Кая начало тускнеть, превращаясь в звук без смысла.

Айлин падала в черноту, и никто не мог ее удержать. Ни Киран, сражающийся с тремя врагами сразу. Ни Дейк, который рубил направо и налево, теряя силы с каждым ударом. Ни Кай, который исчез на мосту.

Только тьма. Только холод.

Но в последний миг, когда мир уже погас, когда не осталось ничего, Айлин почувствовала, как чья-то теплая рука коснулась ее щеки.

— Держись, — сказал голос.

Голос, который она знала лучше всех. Голос, ради которого готова была пройти сквозь пустыню, горы и смерть.

— *Кай?* — захотела спросить она, но язык не слушался.

Глава 31. Кристаллы воспоминаний

Сознание возвращалось медленно. Кай чувствовал под спиной что-то холодное, гладкое и слегка влажное. Он лежал, глядя вверх, и не видел ничего, кроме чернильной тьмы, которая давила на глаза, как тяжелое бархатное одеяло.

— Зейн? — позвал он, и голос его прозвучал глухо.

— Здесь я, — донеслось откуда-то справа. Голос друга был хриплым. — И, кажется, жив. На удивление.

Кай приподнялся на локтях. Голова кружилась, в ушах звенел тонкий, противный звук, похожий на комариный писк. Он ощупал свои руки, ноги, грудь, лицо. Кажется, цел. Только сапога не хватало, и носок промок от влаги, которой была покрыта земля.

— Где мы? — спросил Кай, пытаясь разглядеть хоть что-то в этой бесконечной тьме. Он моргнул несколько раз. Зрачки расширились до предела, но не уловили ни проблеска света.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Зейн спокойно. Он уже перестал удивляться неожиданностям. — Под нами камень. Над нами — камень. С боков — тоже камень. Я бы сказал, что мы в пещере. Или в чьем-то желудке. Впрочем, разница невелика.

— Откуда здесь пещера под мостом? — Кай сел, ощупал камень под собой. Он был ровным, почти отполированным, и холод его пробирал даже сквозь штаны.

— А я откуда знаю? — Зейн зашуршал одеждой, видимо, тоже пытаюсь встать. Судя по звукам, он несколько раз поскользнулся и выругался сквозь зубы. — Может, мост был не просто мостом. Может, это была ловушка. Или портал. Или каприз гор, которые, как мы уже поняли, имеют собственное мнение на тему нашего маршрута.

Кай вспомнил, как проваливался не в пропасть, как он думал в первый миг, а в какую-то другую, иную пустоту. Его тело затягивало вниз, ветер свистел в ушах, а потом — резкая остановка.

— Я ничего не вижу, — сказал Кай, ощущая, как внутри закипает раздражение, смешанное с тревогой. — Совсем ничего. Хоть глаз выколи.

— Тогда зажги свет, — невозмутимо ответил Зейн. — Ты же принц огня, а не принц темноты. Разводи костер — может, согреемся заодно.

Кай вытянул руку. Сосредоточился на том внутреннем узле тепла, который всегда жил где-то в солнечном сплетении, и призвал свою стихию.

В ладони вспыхнула маленькая искра, потом разгорелась в небольшой шар, чтобы осветить пространство в несколько шагов. Тени заплясали по стенам, оживая и умирая в такт колебаниям пламени.

И они увидели.

Вокруг них сверкали кристаллы. Тысячи кристаллов, которые росли из пола, со стен, с потолка, торчали под разными углами, как зубы какого-то первобытного чудовища. Но это были не обычные камни. Они были черными, но при этом их грани сверкали и переливались, отражая тусклое сияние огня Кая тысячами маленьких искр.

— Ничего себе, — выдохнул Зейн, поднимаясь на ноги. Он пошатнулся, оперся рукой о ближайший кристалл и тут же отдернул ладонь. Камень оказался холоднее льда.

Кай тоже встал, поднял сферу повыше. И тут произошло нечто неожиданное.

Кристаллы... отозвались.

Один за другим они начинали сиять. Сначала слабо, едва заметно, потом ярче, пока вся пещера не заполнилась мерцающим, призрачным светом. Черные стены превратились в зеркальный лабиринт, в котором отражались они сами — множество Каев и Зейнов, смотрящих из каждой грани, умножающихся до бесконечности.

— Красиво, — признал Зейн, оглядываясь. — Жутковато, но красиво.

— Мы в какой-то кристальной пещере, — сказал Кай, стараясь не смотреть на свои бесконечные отражения. Они сбивали с толку, кружили голову. — Под мостом? Или не под мостом? Я уже ничего не понимаю.

Пещера оказалась похожей на длинный коридор. Кристал-

лы росли неравномерно: где-то их было так много, что пройти можно было только боком, между острых граней, рискуя порезаться; где-то — всего несколько, и тогда стены казались почти гладкими.

Кай направил сферу вперед и заметил, что некоторые кристаллы горят ярче других. Они светились сами по себе, внутренним, пульсирующим свечением.

— Видишь? — сказал он, указывая на один из таких кристаллов. — Некоторые ярче. Может, это знак? Или указатель?

— Или ловушка, — пожал плечами Зейн, подходя ближе к пульсирующему камню. — Но выбора у нас все равно нет. Стоять на месте — не вариант.

Они двинулись вперед, туда, где ярких кристаллов было больше. Коридор петлял, как змея, иногда раздваивался, уходя в две одинаково темные стороны, но они всегда выбирали ту ветку, где свечение было сильнее, где кристаллы горели ярче и чаще. Кристаллы переливались, зеркалили их отражения, и казалось, что они идут по бесконечному залу, полному теней, которые следуют за ними, копируют каждое движение.

— Тишина какая, — заметил Зейн через некоторое время. — Ни звука. Даже шаги не гремят. Будто мы идем по вате.

Кай прислушался. Звук умирал, едва родившись, как будто кристаллы впитывали его вместе со светом.

— Не нравится мне это, — сказал Кай.

— Мне тоже, — согласился Зейн.

Он шел первым, иногда оглядываясь на Кая. Оба молчали, хотя мысли путались, вопросы копились, но спрашивать было не о чем. Куда они попали? Почему именно они? Как выбраться? Ответов не было. Только черные кристаллы и их собственные отражения, которые, казалось, насмехались над ними.

Один из кристаллов, торчавший на уровне головы Зейна, привлек его внимание. Он горел особенно ярко. Внутри него, в глубине черной глади, что-то двигалось — размытые силуэты, цвета, которых не должно было быть в этом черном мире.

— Смотри, — сказал Зейн, останавливаясь. — Там внутри... что-то есть.

Он приблизился, заглянул в кристалл, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

И увидел сад.

Утренний сад при Академии, знакомый до каждой тропинки. Гравийные дорожки, посыпанные белым камнем, кусты роз, еще влажные от росы, блестящие на солнце. И знакомую фигуру в светло-голубом платье, бегущую по дорожке к Каю.

Зейн хотел отстраниться, но не смог. Чужое воспоминание втягивало его, как водоворот.

Он увидел, как Айлин подбегает к Каю, как она бросается ему на шею и целует, словно от этого поцелуя зависела ее

жизнь. Как Кай сначала замирает от шока. А потом — отвечает. Обнимает ее, прижимает к себе, целует в ответ, забыв обо всем на свете.

Зейн смотрел как завороченный. Он знал, что между Каем и Айлин что-то было, замечал, как Кай меняется рядом с ней, становится мягче, но чтобы настолько... И в такой обстановке? В Академии, где каждый угол полон чужих глаз?

Когда Кай выпалил: *«Мне никто не нравится!»* — Зейн не выдержал и рассмеялся.

— Вот идиот, — прошептал Зейн, отступая от кристалла.
— Какой же ты идиот, Кай.

И тут он наткнулся на грозное лицо друга.

Кай стоял в двух шагах, скрестив руки на груди, и смотрел на Зейна так, будто готов был испепелить его на месте взглядом. Его огненная сфера, висевшая над головой, полыхнула ярче от гнева хозяина, отбрасывая острые, зловещие тени на его скулы.

— Что ты видел? — спросил Кай ледяным голосом.

— Ничего, — Зейн попытался изобразить невинность, но его расплывающаяся улыбка выдала его с головой. Он опустил взгляд, но уголки губ все равно предательски ползли вверх.

— Ты смеялся. Ты смеялся надо мной.

— Я смеялся над ситуацией, — поправил Зейн, поднимая руки в примирительном жесте. — *«Мне никто не нравится»*. Айлин после этого, наверное, хотела тебя прибить.

— Заткнись, — процедил Кай сквозь зубы. Его лицо покраснело, даже сквозь сумрак пещеры. — Просто заткнись.

— Я молчу, я молчу, — Зейн сделал шаг в сторону, пропуская Кая вперед. — Идем. Только ты теперь первый. Чтобы не было соблазна подглядывать в чужие воспоминания.

Кай дернул плечом и пошел вперед, чеканя шаг. Зейн последовал за ним, стараясь не смеяться. Но внутри все еще бурлило веселье. Воспоминание было слишком ярким. И слишком глупым со стороны Кая.

Через несколько поворотов Кай остановился. Перед ним, на уровне глаз, висел еще один кристалл, переливающийся глубокими чернильными оттенками. Он словно звал его, манил заглянуть внутрь.

Кай заглянул.

И увидел сад.

Другой сад. В Лунном Королевстве. Где часто пропадала Вивиан вместе с Зейном. Низкое серое небо, прохладный ветер раздувал листву. И в этом сером сумраке, возле резной скамьи, стояла девушка. Вивиан. С завязанными глазами.

Зейн подошел ближе, заглянул через плечо Кая. И замер.

— Это мое воспоминание... — прошептал он, и голос его дрогнул. — Откуда оно здесь? Как оно попало в этот кристалл?

Они оба увидели, как из темноты сада выступил Зейн. Как он бесшумно приблизилась к Вивиан, как сильные руки обхватили талию девушки. Как Вивиан испуганно дернулась,

но не смогла оторваться.

А потом — поцелуй.

Зейн целовал Вивиан так, будто хотел выпить ее душу и забрать себе.

Кай смотрел, и его лицо каменело с каждым мгновением. Он видел, как Зейн ласкает его сестру, как она дрожит в его руках, и как ее тело отзывается на эти прикосновения против воли, как она шепчет имя Дейка, думая, что это он, что это его руки держат ее, его губы целуют.

— Зейн, — позвал Кай, и голос его звучал опасно тихо.
— Это что?

— Не смотри дальше, — сказал Зейн, хватая его за плечо.
— Пожалуйста, Кай. Не надо.

— Я спросил, что это? — Кай оттолкнул его руку, даже не повернув головы. Он не мог оторвать глаз от кристалла.

— Это тот самый поцелуй, — тихо сказал Зейн.

Кай медленно повернулся к другу. В его глазах горело такое бешенство, что Зейн на мгновение напрягся.

Сейчас в этой пещере станет жарко.

Очень жарко.

Огненная сфера над головой Кая взметнулась, полыхнула алым, заставив ближайшие кристаллы треснуть от перепада температур.

— Я думал, что отпустил эту ситуацию, — Кай выплюнул слова, как горячие угли, обжигающие губы. — Ты... ты поцеловал ее обманом... Она даже...

— Все было сложнее, — начал Зейн, но Кай уже не слушал.

Он шагнул к ближайшему кристаллу просто чтобы отвернуться от Зейна, чтобы не видеть его лица. Но кристалл, которого он коснулся взглядом, оказался еще одним — и снова чужим, и снова слишком откровенным.

На этот раз Кай увидел оранжерею. Дневной свет, струящийся сквозь стеклянные стены, золотящий листья растений. Вивиан, прижатую к холодному стеклу, ее покрасневшее лицо, ее приоткрытый рот. И Зейна. Его руки, сжимающие ее талию, его губы, блуждающие по ее шее, его пальцы, скользящие под юбки.

Кай рванул назад, отшатнувшись от кристалла, будто тот ужалил его. Лицо его было красным. Он не хотел этого видеть, не хотел знать, что происходит между его сестрой и его лучшим другом.

Не хотел *представлять* эти картины.

— Зейн! — прорычал Кай. — Какого черта?!

Зейн, который тоже заглянул в этот кристалл и тоже увидел продолжение и вздохнул, отвел взгляд и схватил Кая за руку.

— Не смотри, — сказал он твердо, хотя в голосе его слышалась дрожь. — Ничего плохого здесь нет. Мы помолвлены.

— Ты... ты с ней... ты с моей сестрой... — Кай задышался от ярости. Грудь его вздымалась, кулаки сжимались и разжи-

мались. — И ты мне говоришь — не смотри?

— Ты знаешь, как я к ней отношусь, — Зейн сказал это так спокойно, что Кай на миг забыл, что хотел ударить друга.

— Без брака не должно быть чего-то, что стоит делать за закрытыми дверями.

— Я люблю ее, ясно? — повторил Зейн, глядя Каю прямо в глаза. — Я совершил ошибку. Много ошибок. Но я люблю ее. Я не причинил бы ей вред, даже если бы на кону стояла моя жизнь.

Кай тяжело дышал, глядя на друга. Его огненная сфера полыхала как бешеная, отбрасывая тени на кристаллы, которые, казалось, вторили этому движению.

— Да, ты прав. Ей уже шестнадцать, — сказал он наконец, и голос его был тихим, но твердым. — Вы всегда были близки. Просто я не готов был увидеть... это.

— Верно, — кивнул Зейн, и в его глазах мелькнуло облегчение. — Давай больше не смотреть в кристаллы. Договорились?

— Есть что-то поинтереснее? — хмыкнул Кай, а Зейн задумался. — Что ты там вспоминаешь, придурок?

Кай ударил друга в плечо и пошел вперед, не оглядываясь. Зейн последовал за ним, стараясь не улыбаться и не замечать пульсирующих огней в черных гранях.

Они шли молча. Коридор все не заканчивался. От мерцания кристаллов рябило в глазах и начинала болеть голова.

— Почему мы провалились сюда? — спросил Кай устало.

— И почему твоя тень вела себя так странно на мосту? Она же была как бешеная. А потом разорвалась.

Зейн задумался, потирая переносицу. Он шел, глядя себе под ноги, чтобы не встречаться взглядом с кристаллами.

— Думаю, мои тени как-то связаны с Королевством Смерти, — предположил Зейн.

— Что ты имеешь ввиду?

— Это магия Королевства Смерти, — Зейн поднял голову, и в его глазах мелькнула тень страха. — Она живет во мне. Может, несколько лет назад что-то произошло, и она пробудилась. Но я чувствую, как здесь она спокойна. Меня не мучают боли.

— И она вырвалась? Твоя тень — это магия?

— Да. Тень, которую я видел в конце моста... она не была моей. Она была чем-то другим. Магия теней, которой я не управляю.

— Кто-то может управлять твоими тенями? — спросил Кай, и в голосе его прозвучало недоверие.

— Не знаю, — Зейн покачал головой. — И не хочу загадывать. Но боюсь, что скоро узнаю. Хочу я того или нет.

Они снова замолчали. Коридор сузился до такой степени, что идти можно было только на корточках, касаясь стен плечами. Кристаллы теперь росли только с левой стороны, и их свечение стало слабее, будто они умирали.

Кай вдруг остановился.

— Ты слышишь?

— Что? — Зейн тоже замер, прислушиваясь.

— Здесь кто-то есть.

Они прислушались. В тишине пещеры действительно слышался тихий шорох. Будто маленький камешек катился по камню, подпрыгивал и снова катился, приближаясь.

Потом звук затих и раздался снова, уже ближе.

Кай поднял сферу выше, пытаясь осветить дальнюю часть коридора. Свет дрожал, отбрасывая тени, и в этих тенях что-то двигалось.

И они увидели.

Из темноты к ним катился маленький комок тьмы, размером с кулак. Он перекатывался с боку на бок, оставляя за собой черный след, похожий на чернильную дорожку. И в его движении было что-то от паука, словно у него было множество невидимых лапок.

— Что это? — прошептал Кай, невольно делая шаг назад.

— Не нравится мне это, — ответил Зейн, положив руку на меч. — Очень не нравится.

Комочек остановился в нескольких шагах от них, замер на мгновение и замерцал. А потом из него вытянулись тонкие, черные нити, похожие на лапы. Он поднялся на них, забавно покачиваясь, и уставился на путников.

У него не было глаз. Но Кай готов был поклясться, что его разглядывают.

Солнечный принц сделал шаг вперед, протягивая к нему свободную руку. Комочек не убежал. Он только наклонил

свое «тело», будто приюхиваясь к запаху, и потер лапы от нетерпения.

— Он... безобидный? — спросил Зейн, не убирая руки с меча.

— Пока да, — ответил Кай. — Но что он здесь делает? В этой пещере, среди этих кристаллов?

Маленький комок тьмы вдруг резко развернулся и покатился обратно в темноту, но не быстро, словно ждал, что они пойдут за ним. Сделает несколько перекатов и замрет, оглянется. Снова покатится и замрет.

— Думаешь, он ведет нас куда-то? — спросил Зейн.

— Похоже на то, — ответил Кай.

Они двинулись за странным существом, которое подпрыгивало и катилось, освещаемое их сферой, как маленький черный маяк.

Коридор снова начал расширяться, кристаллы становились все реже, а потом и вовсе исчезли. Остались только голые черные стены, влажные и холодные, и этот странный проводник, который вел их неизвестно куда.

— Интересно, куда он нас ведет, — пробормотал Зейн.

— Может, к выходу, — сказал Кай.

— А может, к еще большей ловушке, — парировал Зейн.

— Оптимист, — усмехнулся Кай.

— Реалист, — поправил Зейн.

Комок тьмы свернул за угол, и они последовали за ним.

Глава 32. Остался 1 день. Дно

Виктор издал один короткий, тихий вздох и затих. Его голова упала на каменный пол, глаза остались закрытыми, и из-под век вытекла последняя слеза.

Вивиан громко заплакала. Она выронила меч, отскочив от лужи крови, упала рядом с телом, не чувствуя, как камень врезается в колени, положила голову ему на живот. Слезы заливали его одежду, смешивались с кровью, растекались по ткани.

— Прости, — шептала она, задыхаясь от рыданий. — Прости меня, Виктор. Прости. Прости. *Прости...*

Король аплодировал.

— Браво, — сказал он и отпил из кубка, смакуя вино, как смакуют чужую боль. — Какая трогательная сцена. Как в старых легендах. Теперь ты моя, принцесса. До конца и навсегда.

Вивиан смотрела на Виктора, не веря. Она ждала, что сейчас он кашляет, откроет глаза, скажет что-нибудь, но он не шевелился. Его грудь не поднималась. Пальцы, которые еще минуту назад сжимали рукоять меча, теперь безжизненно лежали на камне.

— Виктор? — тихо позвала она. Голос дрожал. — Виктор, слышишь меня?

Ничего.

— Виктор! — громче, с надрывом.

Вивиан закричала, словно мир начал рушиться на глазах.

Оковы загремели, когда она трясла безжизненное тело. Острый камень врезался в колени, но она схватила его за плечи и прижалась лбом к его лбу.

— Нет, — шептала она, раскачиваясь вперед-назад. — Нет, нет, нет... ты не можешь... ты не можешь меня оставить...

Она трясла его, надеясь разбудить. Голова Виктора безвольно моталась из стороны в сторону.

— Ты сказал, что проводишь меня домой! — закричала она в лицо мертвецу. — Ты обещал! Ты не имел права умирать!

Слезы текли градом, заливая его разбитое лицо. Она вытирала кровь с его щек дрожащими руками, поправляла спутанные волосы.

— Прости меня, — всхлипывала она. — Прости, прости, прости... Я не хотела. Это я во всем виновата. Это из-за меня...

Она прижалась щекой к его груди — туда, где раны еще были теплыми, где сердце больше не билось.

— Я не прощу себе этого никогда, — прошептала она в его окровавленную рубаху. — *Никогда.*

— Прекрати ныть, — раздраженно бросил король, отставляя кубок.

Она медленно подняла голову. Глаза были красными,

опухшими, но в них горела такая ненависть, что воздух вокруг, казалось, стал горячее.

— Ты ничтожество, — прорычала Вивиан. — Ты был не достоин такого сына. Никогда. Он был в тысячу раз лучше тебя. Добрее. Честнее. А ты — ты просто монстр в короне. Ты не заслуживал даже смотреть на него.

Король дернулся, как от пощечины. Тени вокруг него за клубились, зашевелились.

— Что ты несешь, девчонка? — он встал с трона, кубок выпал из руки, и вино расплескалось по камню. — Ты должна благодарить меня, что я не убил тебя сразу.

— Пошел ты, — сказала Вивиан, хватая ртом воздух. — Пошел ты. Лучше бы я умерла там, в темнице.

Король вспыхнул. В три шага оказался рядом, замахнулся и влепил ей пощечину, от которой у нее зазвенело в ушах.

Вивиан не удержалась и отлетела в сторону, ударилась плечом, затылком о пол. Во рту появился привкус крови, но она села, вытерла кровь с разбитой губы и посмотрела на него снизу вверх.

— Бей, — прошептала она. — Бей, сколько хочешь. Я все равно не замолчу.

— Я очень хочу мучить тебя, бесстыжая девчонка, — прорычал король, и тени вокруг него выросли до потолка. — Но я держу себя в руках. Веди себя хорошо. Не провоцируй меня.

— Лучше убей меня, — сказала она, глядя в глаза. —

Трус.

— Я не могу! — взревел он так, что стены задрожали. — Пророчество!

Вивиан замерла. Слезы еще не высохли, но внутри что-то щелкнуло.

— Какое пророчество? — спросила она.

Король наклонился к ней, схватил за подбородок, заставил смотреть в глаза.

— Древнее пророчество, принцесса. О нем уже давно все позабыли. Пророчество гласит, что дитя тьмы объединит или разрушит мир! Ты — дитя тьмы. Рожденная от света, но с тенью в крови. Ты пойдешь со мной. Ты сделаешь меня властелином мира.

— Ты бредишь, — выплюнула она, глядя в его безумные глаза. — Хочешь, чтобы я поверила в это?

— Тебе придется, — оскалился он и разжал пальцы.

И начал бить.

Вивиан согнулась, получая ногой в живот. Король нагнулся, ударил кулаком в ребра. Что-то внутри хрустнуло, но Вивиан не закричала. Еще удар — в плечо.

В спину.

По голове.

Он пинал ее, как тряпичную куклу.

Вивиан свернулась в клубок, прижала колени к груди, закрыла лицо руками. Оковы гремели, впивались в запястья, и она чувствовала, как по рукам течет кровь. Но боли не было,

она успела потянуться к остаткам разума и отключить все ощущения, спрятать их глубоко-глубоко.

— Ты... сломаю... — рычал король между ударами. — Выбью твою гордость...

Она молчала. Только слышала, как бьется ее сердце где-то в ушах.

Дверь в зал отворилась.

— Ваше Величество, — раздался голос советника. — Прошу прощения, что прерываю.

Король опустил ногу в последний момент, тяжело дыша. Отступил на шаг. Тени вокруг него медленно успокаивались.

— Чего тебе? — рявкнул он, не оборачиваясь.

Советник приблизился, наклонился к уху короля и зашептал. Вивиан видела, как двигаются его губы, но не слышала ни слова. Только тихое шипение. Но она видела, как лицо короля меняется в довольной улыбке.

— Приведите, — коротко приказал он.

Вивиан смотрела на дверь широко открытыми глазами. Она ждала новой угрозы, нового наказания.

Рыцари вышли. Тишина растянулась на несколько ударов сердца.

А потом дверь снова открылась. Трое темных рыцарей вошли, волоча за собой кого-то. Они держали его под руки — вернее, тащили, потому что сам он не мог идти. Его ноги волочились по камню, голова безвольно свисала на грудь, волосы были спутаны и залиты чем-то темным.

Вивиан смотрела на него и даже не понимала. Сознание играет с ней злую шутку, потому что она слишком долго терпела боль?

— Дейк? — прошептала она.

Но прозвучало как обрывок звука.

— Дейк! — попыталась закричать Вивиан, но в груди застыло.

Оковы загремели, цепи натянулись. Она рванулась вперед, но кто-то из рыцарей схватил ее за плечо, оттолкнул назад. Она упала на спину, повернув голову к Дейку.

— Отпустите его! — возмущалась она. — Не трогайте его!

Дейк не двигался. Его глаза были закрыты, а из разбитой губы сочилась кровь. Он был похож на того маленького мальчика, с которым росла Вивиан. Такое детское выражение лица сквозь сон.

— Дейк! — крикнула она снова, на этот раз охрипшим голосом. — Это я, Вивиан! Открой глаза! Пожалуйста!

Она рванулась еще раз с такой силой, что оковы впились в запястья, и кровь потекла по пальцам. Но рыцари держали крепко. Один схватил ее за цепь, дернул назад, она упала на спину.

— Не трогайте меня! — возмутилась она, лягаясь, царапаясь, пытаясь вырваться. — Отпустите!

Она вскочила.

— Дейк, проснись! — закричала Вивиан, протягивая к

нему руки сквозь оковы. — Пожалуйста! Ты слышишь меня? Это я, Вивиан! Твоя Вивиан! Дейк!

Никакой реакции. Только мерное дыхание. Он был жив, но без сознания.

— Что вы с ним сделали? — повернулась она к королю, и в глазах ее горела такая ненависть. — Что вы ему сделали?

— Всего лишь немного убедили, — лениво ответил король. — Он оказался крепче, чем выглядит.

— Он ни в чем не виноват! — закричала Вивиан. — Он не воин! Зачем вы его тронули? Он не при чем!

— Он ускорит появление моего сына, — усмехнулся король, будто это была шутка.

У Вивиан перехватило дыхание.

— Отпустите его, — сказала Вивиан, и голос ее вдруг стал спокойным. — Отпустите его, и я сделаю все, что вы скажете. Я пойду с вами. Я покорюсь. Только не трогайте его.

Король изогнул бровь.

— Вот так легко?

— Я не шучу, — сказала она, глядя прямо в глаза. — Он для меня больше, чем семья. Если вы его убьете, у вас не останется ничего, чем можно мной управлять. А если отпустите — я ваша.

Король задумался.

— Интересное предложение, — протянул он, довольно улыбаясь. — Но, видишь ли, я не заключаю сделок с пленниками.

— Это не сделка, — сказала Вивиан. — Это мольба. Я умоляю вас. Отпустите его.

— Мешаешь, — поморщился король. Он подошел к ней сзади и схватил за волосы. — Заткнись.

— Отпусти его! — заорала она, дергаясь. — Отпусти, я сказала!

Рыцари несут Дейка за руки и волокут к двери.

— Не уносите его! Дейк! Проснись!

Она бросилась за ними, выдирая волосы из рук короля, но оковы натянулись, и она упала, ударившись лицом об пол. Кровь хлынула из разбитого носа.

— Пожалуйста! — плакала Вивиан, пытаясь ползти вперед, цепляясь пальцами за камни, сдирая ногти. — Не забирайте его! Я буду делать все, что хотите! Только не убивайте его!

Дверь захлопнулась.

Вивиан осталась лежать на полу, глядя на закрытую дверь, и из ее горла вырывался протяжный, низкий вой, вмещающий всю боль..

— Заткнись, — бросил король, подходя к ней сзади.

Вивиан не слышала и смотрела на дверь.

— Я сказал — заткнись! — король схватил ее за шею, запрокинул голову. — Ты слышишь меня?

Она посмотрела на него пустыми глазами.

Он занес кулак.

Вивиан закрыла глаза.

Последний удар — в висок.

Мир взорвался белым. Где-то далеко-далеко ей показалось, что она слышит голос Дейка. А может, это была просто ее кровь шумела в ушах.

Вивиан упала лицом в лужу крови и провалилась в черноту, которая была не страшнее того, что она оставляла наяву.

Глава 33. Вивиан

Комок тьмы свернул за угол, и они последовали за ним.

Коридор снова сузился. Стены сдвинулись так близко, что плечи касались холодного камня. Кристаллы на стенах стали реже, но те, что остались, пульсировали, как живые сердца.

— Какой шустрый, — выругался Кай, едва различая в темноте сгусток тьмы. Комок то исчезал из виду, ныряя в особенно густую черноту, то снова выныривал впереди, подпрыгивая на неровностях пола, будто дразнил их. — Черт возьми, куда он нас тащит? Мы уже, наверное, час петляем по этому лабиринту.

— Свети вперед, — приказал Зейн, хватая друга за плечо и подталкивая вперёд. — И не отставай. Потеряем его и будем блуждать здесь до конца жизни.

Кай поднял руку с огненной сферой выше, и тёплый свет разогнал тьму на несколько шагов вперёд. Комок тьмы мелькнул в этом свете.

Они шли вглубь кристальной пещеры. Зейн пытался запомнить все повороты, считал шаги, отмечал про себя, где кристаллы растут гуще, а где — реже. Но чем дальше они уходили, тем запутаннее становился путь. Три поворота налево, потом два направо, снова налево, развилка, ещё развилка, тупик, из которого нужно вернуться и выбрать другую ветку. Это был самый настоящий лабиринт. Зейн сбился

со счёта после очередного поворота.

— Мы ходим кругами? — спросил Кай, останавливаясь на мгновение, чтобы перевести дух. — Мне кажется, я уже видел этот кристалл. Вон тот, с трещиной.

— Не ной, — бросил Зейн, хотя сам уже начинал сомневаться. — Идём за тенью. Он знает дорогу.

— Откуда ты знаешь, что знает? — Кай двинулся дальше, напряжённо всматриваясь в темноту. — Может, он просто бегаёт туда-сюда, развлекается.

— А у тебя есть другие предложения?

Кай промолчал.

Шарик тьмы перепрыгнул торчащий из пола кристалл и резко свернул вправо, останавливаясь. Бегущий за ним Кай, не успев затормозить, чуть не наступил на него. Сапог завис в дюйме от чёрного комка.

— Вот черт! — воскликнул Кай, отдергивая ногу и отступая на шаг. — Чуть не раздавил нашего проводника. А он бы, наверное, лопнул. Или ещё что.

Он выругался ещё раз и опустил руку со сферой ниже, чтобы осветить комок.

Комок задрожал. Из него вытянулись лапы, которые беспорядочно задвигались, ощупывая пространство вокруг. Они скользили по камню, по воздуху, даже по сапогу Кая, но тот вовремя отступил.

— Надеюсь, он сейчас не обрушит пещеру на нас, — усмехнулся Кай, делая ещё шаг назад. — Знаешь, эти твои

тенивые штуки... они какие-то нервные.

Он хотел добавить что-то ещё, но замер, всматриваясь в комок.

— Стоп. Он что... пытается говорить с нами?

Шарик тьмы катался в разные стороны, подпрыгивал и снова падал на каменный пол, дрожа. Его лапки чертили на камне какие-то узоры, но они тут же исчезали.

— Похоже на то, — кивнул Зейн и, не раздумывая, присел на корточки, приблизив руку к комку. — Он явно хочет нам что-то сказать.

— Не трогай его, — с опаской сказал Кай, делая шаг вперёд, чтобы быть ближе на случай опасности. — Мы не знаем, что это. Может, оно взорвётся. Или превратится в паука. Или в стаю пауков. Я пауков ненавижу.

— Не бойся, — усмехнулся Зейн, протягивая руку. — Если что — я первый умру. А ты запишешь это в героическую эпитафию.

— Очень смешно.

Но в голосе Зейна не было страха.

Комок тьмы медленно подкатился к его пальцам. Замер на мгновение, словно принюхиваясь. Его лапки втянулись обратно, и он стал почти идеально круглым.

— Он тёплый, — с удивлением сказал Зейн. Кай подошёл ближе, склонился, тоже разглядывая комок.

— Может, это не тьма? — предположил он. — Может, это какой-то другой вид магии?

— Не знаю, — ответил Зейн. — Но он определённо не враждебен.

Шарик снова «принюхался». Его чёрное тело пульсировало, сокращаясь и расширяясь, будто он вдыхал запах Зейна. Он медленно начал подрагивать, а потом радостно запрыгал и начал тереться о ладонь.

— Что это с ним? С *ней*? — Кай нахмурился, наблюдая за этим странным танцем. — Может, у него аллергия на тебя?

— С ума сошёл? — Зейн улыбнулся. — Просто он... он меня узнал.

— Откуда ему знать тебя?

Зейн задумался. Если бы он мог управлять своими тенями, если бы они слушались его, он понял бы, как разговаривать с этим маленьким существом. Но тени никогда не слушались. Они приходили и уходили, когда хотели, оставляя после себя только холод, чувство потери и боль.

Комок тьмы, наравовавшись, ловко запрыгнул на раскрытую ладонь Зейна. Полежал секунду, свернувшись в маленький чёрный шарик, пульсирующий в такт сердцебиению принца.

А потом — провалился.

Растворился в ладони Зейна, как капля чернил в тёплой воде.

— Он в тебе? — с паникой вскрикнул Кай, отшатываясь на полшага. Его огненная сфера полыхнула ярче. — Ты его чувствуешь? *Зейн*?! Что происходит? Ты живой вообще?

Зейн ощущал себя и ничего не нашел, кроме тепла. На миг ему показалось, что он слышит чужой пульс.

— Я в порядке, — сказал Зейн, поднимаясь на ноги. — Честно. Я чувствую... не знаю. Что-то новое. И знакомое одновременно.

Он посмотрел на друга, но в глазах Кая был страх.

Пока в голове Зейна не всплыл голос.

Любимый голос.

Тот, который он слышал везде. *Голос Вивиан.*

— *Мост не пустил вас, потому что ты нечестен с собой,* — сказал голос. — *Мой перебежчик покажет дорогу. Он знает путь.*

Зейн замер, не дыша. Он стоял посреди коридора, глядя в одну точку на стене, и Кай, заметив это, насторожился.

— Что? — спросил Кай, заглядывая ему в лицо. — Зейн? Ты меня слышишь? Ты где?

Зейн не ответил.

Он был в своём разуме и слушал.

— *Ты не прошёл мост, потому что твоя тень разделена на две части,* — продолжал голос Вивиан. — *Одна осталась с тобой. Другая — ушла. Мост отражённых теней требует целостности. Он не пропускает тех, кто расколот внутри. Он видит каждую трещину.*

— *А как же Кай?* — спросил Зейн, обращаясь к голосу. Он почувствовал, как его губы шевелятся, но слова остались внутри. — *Почему он провалился следом?*

— Он коснулся тебя в тот момент, когда мост начал поглощать тебя, — ответил голос. — Магия связала вас. Он полетел за тобой, потому что не захотел отпустить.

Зейн открыл глаза. Кай стоял перед ним, вцепившись ему в плечи, тряс его.

— Ты что-то чувствуешь, да? — спросил Кай, и голос его дрожал. — Ты слышишь что-то? Отвечай! Не молчи!

— Всё в порядке, — уверил Зейн, накрывая ладонью руку друга. Он почувствовал, как Кай сжимает его плечо, и это прикосновение вернуло его в реальность. — Это перебежчик... тень Вивиан. Она прислала его. Он должен был провести нас.

— Вивиан? — Кай поднял брови, его лицо выражало смесь удивления и недоверия. — Моя сестра? Она... она знает, где мы? Она может с нами говорить? Как?

— Не совсем, — Зейн покачал головой, всё ещё перебарывая услышанное. Он потёр лоб — начинала болеть голова. — Это её тень. Часть её. Она говорит от её имени. Она... она объяснила, почему мы здесь. И как выбраться.

— И почему?

— Я не смог пересечь мост из-за того, что моя тень разделена, — сказал Зейн с горечью. — Мост требует целостности. А я... я расколот. На две половинки, которые не могут соединиться. Ты оказался здесь случайно, потому что коснулся меня в тот момент, когда меня затягивало. Магия связала нас.

— Я не мог смотреть, как ты исчезаешь, — ответил Кай, и в его голосе не было сожаления. — Я бы сделал это снова. Не задумываясь.

В голове Зейна голос Вивиан зазвучал снова, она удалялась, уходила в туман.

— *Мне пора, Зейн. Перебежчик сделал своё дело. Теперь вы знаете. Идите. Собирайте свою тень.*

Комок тьмы вдруг замер внутри. А потом рассеялся, оставив после себя только лёгкое, тёплое покалывание в кончиках пальцев и странную пустоту в груди.

— Что нам теперь делать? — спросил Кай, когда Зейн снова сфокусировал на нём взгляд. — Куда идти? Он говорил что-то про дорогу?

— Понятия не имею, — Зейн покачал головой, потирая лоб. — Она сказала, что перебежчик покажет дорогу. Но он... он исчез. Растворился во мне. И ничего не сказал, куда идти.

Они стояли посреди коридора, и тишина давила на уши. Кристаллы переливались вокруг, но больше не манили.

— Может, нам нужно что-то сделать? — предположил Кай, оглядываясь по сторонам. — Как-то... собрать твою тень? Соединить две половины в одно целое?

— С чего ты взял?

— Ты сам сказал: мост не пустил тебя, потому что твоя тень разделена на две части, — напомнил Кай, поворачиваясь к нему. — Значит, нужно соединить их.

— И как это сделать? — спросил Зейн, разводя руками.
— Я не умею управлять тенями. Они никогда меня не слушались. Они... они живут своей жизнью, приходят и уходят, когда хотят.

— Может, воспоминания помогут? — сказал Кай, кивая на кристаллы, которые тянулись вдоль стен. — Ты видел, что они показывают. Может, среди них есть что-то... что объяснит, откуда у тебя эти тени. Как они появились. И тогда ты поймёшь, как их контролировать.

Зейн задумался.

В словах друга был смысл. Если они поймут природу его теней, может быть, поймут и как управлять ими. Или хотя бы, как перестать бояться.

— Хорошо, — сказал он, выпрямляясь. — Идём дальше. Но смотрим только на то, что я разрешу. И если я скажу «хватит» — мы идём дальше, не оглядываясь.

— Договорились, — кивнул Кай. — Веди.

Они двинулись вперёд. Коридор снова начал расширяться, стены раздвинулись. Кристаллы появлялись всё чаще. Некоторые были яркими, цветными, наполненными смехом и светом. Другие — тусклыми, почти прозрачными.

— Смотри, — сказал Кай, указывая на один из кристаллов, который горел ровным серебристым светом. — Это ты тренируешься. Малыш ещё. Лет четырнадцать, не больше.

Зейн остановился, посмотрел. На него из чёрной глубины смотрел мальчишка с непослушными тёмными волосами,

падающими на глаза, в простой тренировочной рубашке, закатанной до локтей. Он крутил мечом, отбивая атаки невидимого противника. Его движения были быстрыми, точными, но ещё не отточенными.

— Я забыл этот день, — тихо сказал Зейн. — Странно, что кристалл запомнил. Я даже не помню, с кем я тогда тренировался.

— Ты всегда был упёртым в борьбе, — заметил Кай, когда мальчик упал и снова встал. — Даже в четырнадцать.

— А ты много болтал.

Кай усмехнулся, и они пошли дальше.

Следующий кристалл показал первый поцелуй Зейна. Они оба узнали это место — городской рынок, заснеженные кусты, мерцающие огоньки в ветвях. Городская девочка, Кай даже не запомнил её имени. Светлое платье, светлые волосы и испуганные глаза. Юный Зейн оглядывается по сторонам.

— Ну давай, смелее, — прокомментировал Кай, наблюдая, как Зейн набирается смелости, открывает рот, закрывает, снова открывает, а потом наконец наклоняется и быстро-быстро целует девушку в уголок губ. — Мастер соблазна.

— Заткнись, — буркнул Зейн, и лёгкая улыбка тронула его губы. — Мне было шестнадцать.

— Я запомню это. И расскажу твоим детям.

— Перестань.

Они засмеялись, и смех разнёсся по коридору, многократ-

но отражённый кристаллами.

Потом был кристалл с рождением Дейка. Маленький свёрток в руках отца, мать, улыбающаяся с постели, усталая, но счастливая. Зейн заглядывает в сверток и морщит нос.

— Он страшненький, — говорит он.

— Все младенцы страшненькие, — смеётся мать, протягивая руку, чтобы коснуться старшего сына. — Но он вырастет красивым. Как ты. Как твой отец.

Кай перевёл взгляд на Зейна. Его лицо было мягким, но в глазах стояла какая-то тень.

Следующий кристалл был другим. Он не переливался, не пульсировал, а просто висел в воздухе, вмурованный в стену.

И от него веяло холодом.

— Не нравится мне это, — сказал Кай, останавливаясь.

— Это то, что мы ищем, — ответил Зейн, чувствуя, как внутри что-то зашевелилось. — Воспоминание о том, как ты ни появились во мне. Я чувствую это.

Он подошёл ближе, заглянул в кристалл.

И увидел сад.

Старый сад в Лунном королевстве. Заросшие дорожки, покосившиеся статуи, старые деревья с толстыми корнями, вылезавшими из земли. Сумерки. Тишина. Только ветер шелестит листьями да где-то далеко кричит ночная птица.

Зейн, перепачканной травой, стоял посреди сада, прижав руки к груди. Он дрожал.

Вокруг него сгущалась тьма.

Она поднималась от земли, опускалась с неба, вытекала из-за кустов, из трещин в камнях. И в этой тьме что-то было. Что-то, что смотрело на него.

— *Нет...* — прошептал Зейн, стоя перед кристаллом. Его лицо побледнело.

Кай положил руку ему на плечо, но не отвёл взгляд от кристалла.

Тьма коснулась его.

Пальцы почернели, стали как обугленные, и Зейн вскрикнул от боли и страха. Тьма поднялась выше, покрыла запястья, предплечья, добралась до локтей. Она жгла, разрывала кожу изнутри, и Зейн упал на колени, сжимаясь в маленький, дрожащий комок.

Его глаза почернели. Из уголков губ потекла тонкая струйка черноты.

— *Родилась!* — закричал Кай из воспоминания. Он вбежал в сад, споткнулся о корень дерева, упал, поднялся, не чувствуя боли. — *Зейн! Что с тобой? Что происходит?*

Принц в саду не мог ответить. Он катался по земле, извиваясь от боли, его тело ломало, а кожа чернела, покрывалась странными узорами, похожими на вены, на трещины в коре древних деревьев.

Кай упал на колени рядом с другом, схватил его за плечи, попытался удержать, но тело Зейна содрогалось от судорог, и он не мог с ним справиться.

— *Зейн, держись! Я сейчас позову кого-нибудь!*

— *Не... надо...* — прохрипел он. Его голос был чужим. — *Не... зови...*

И в тот же миг тьма схлынула так же внезапно, как и появилась. Зейн лежал на земле, бледный, мокрый от пота, с закрытыми глазами. На его коже ещё оставались черные разводы, но они быстро исчезали.

Кристалл погас. Зейн стоял перед ним, тяжело дыша. Его лоб покрылся испариной, руки дрожали. Кай смотрел на него с ужасом и жалостью.

— Это было... когда родилась Вивиан? — спросил Кай, и его голос сел.

— Да, — поправил Зейн. — Впервые в тот день.

— Я помню, — тихо сказал Кай. — Я думал, ты умираешь.

— Я тоже так думал, — ответил Зейн, вытирая пот со лба. — Но не умер. Вместо смерти... внутри меня поселились тени. Они пришли тогда и остались.

Зейн сделал шаг вперёд, и они двинулись дальше. Коридор снова петлял, но теперь кристаллы стали ярче, давали им силы, указывали путь.

Новое воспоминание.

Тот же день.

Кай помог Зейну подняться по лестнице. Упрямый друг не позволил позвать лекаря. Они шли, обнявшись, через коридоры Лунного королевства, пока не добрались до спальни, где горел мягкий, тёплый свет.

Дверь была приоткрыта. Внутри пахло молоком и цвета-

ми.

Кай заглянул внутрь и увидел колыбель с балдахинном из белого шёлка, расшитого звёздами. Увидел маленькую девочку, которая спала в этой колыбели, свернувшись калачиком, с кулачком у рта. Увидел свои собственные руки, которые неосознанно тянулись к ней.

— *Это Вивиан*, — прошептал Кай, глядя в кристалл.

Зейн подошёл к колыбели и наклонился ближе. Его чёрные глаза встретились с синими.

Девочка открыла глаза. Большие, синие, чистые, какие бывают у младенцев, и улыбнулась ему.

Зейн почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Ключ повернулся в замке. Как будто дверь, которую он считал навек запертой, распахнулась.

— Я почувствовал, — прошептал он, не отрывая глаз от воспоминания. — В тот момент, когда она улыбнулась. Я почувствовал, что моё сердце... перестало принадлежать мне. Оно стало её.

— Не может быть, — отступил Кай. — Ты... почувствовал истинную пару?

— Я не знал этого тогда, не знал, что так бывает. Чувствовал, что она — моя. И что я должен быть рядом. *Всегда*.

В комнату вошла Талия с маленьким Дейком на руках. Мальчишке было года четыре, он смеялся, тянул ручонки к колыбели, а его глаза сияли любопытством.

— *Дейк, познакомься с Вивиан*, — сказала Талия, держа

его маленькую ладошку и помахивая ею в сторону новорожденной. — *Будете вместе расти. Вырастите — может, и поженились.*

Она сказала это с улыбкой, как шутку, которую говорят на уютных семейных вечерах. Но Зейн почему-то не засмеялся. Он сжал кулаки и вышел из комнаты.

— Вот, значит, как, — сказал Кай, отворачиваясь от кристалла. — Я все думал, почему ты разозлился. Твоя мама хотела соединить Дейка и Вивиан. С детства. С пелёнок.

— Я..., — ответил Зейн. — никому не рассказал.

— Зейн, — тихо сказал Кай с сожалением.

Они пошли дальше. Коридор стал шире, кристаллы горели ровно.

— Совпадение ли то, что твои тени проявились вместе с рождением Вивиан? — спросил Кай, искоса поглядывая на друга. — В тот же день. В тот же час. Ты мучился от боли, а она родилась.

— Я думал об этом много лет, — ответил Зейн. — Может быть, это знак. Может быть, мы связаны с самого начала.

— Ты ощутил, увидев её...

Зейн молчал, глядя себе под ноги, переступая через трещины в камне.

— Ты ощутил, что она твоя истинная пара, — сказал Кай, не веря. — Ты почувствовал это в тот самый момент, когда увидел её впервые.

— Да, — сказал Зейн. — Я думал, что схожу с ума. Я жил

с мыслью, что никогда... никогда не смогу быть с ней.

— Потому что все решили иначе, — горько усмехнулся Кай. — Дейк был малышом.

— Никто не согласился бы отдать маленькую Вивиан взрослому мужчине, — тихо сказал Зейн. — Но, услышав о споре Дейка, я не мог. Я готов был отпустить ее, чтобы она жила счастлива, а не во лжи.

— Сколько лет ты жил с этим, — сочувственно произнес Кай. — Как ты смог смотреть, как они... как родители готовят их друг для друга? Как ты смотрел на Дейка, который даже не знал?

— Я смотрел и умирал каждый день, — ответил Зейн, и его голос дрогнул. — Но со временем я привык. Потому что... что бы изменилось? Если бы я сказал? А Вивиан... она была слишком маленькой, чтобы понимать.

— А потом, когда выросла, — продолжил Кай, — она полюбила тебя. Сама. Вот почему она так к тебе тянулась...

Зейн кивнул. Он не мог говорить то, что так давно прятал в себе, и горло сжалось.

— Ненавижу, — прошептал Кай. — Ненавижу, что ты так долго это скрывал и страдал в одиночку. Что не рассказал мне.

— А что бы ты сделал? — спросил Зейн, поднимая голову. — Чем бы помог?

— Я мог бы... я мог бы поддержать тебя.

— Ты поддерживаешь сейчас. Этого достаточно.

Они обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

— Пойдём, — сказал Кай. — Наша дорога ещё не кончилась.

Они двинулись дальше. Коридор стал светлеть, кристаллы больше не были чёрными, они отливали серебром, золотом, даже розовым. Словно воспоминания, которые они видели, разогнали тьму.

Принцы проходили мимо новых кристаллов, и некоторые заставляли их улыбаться.

Вот шумная вечеринка в Академии. Кай танцует на столе, а Зейн пытается стащить его за ногу.

Экзамен по магии во дворце. Кай случайно поджигает мантию профессора, а Зейн заливает её водой.

Зимний бал, где они оба в парадных мундирах, с красными от мороза щеками, и Айлин в пышном платье танцует с кем-то.

— Помнишь, как ты проспал экзамен по боевой магии? — спросил Кай, глядя, как молодой Зейн храпит в обнимку с пустой бутылкой.

— Еще я помню, что в ту ночь, ты перепутал девушку, — хмыкнул Зейн.

— Это была не моя вина. Они были похожи.

— Ты назвал её чужим именем. В глаза.

— Признаю, виноват.

Они рассмеялись, и эхо разнеслось по пещере, отскакивая от кристаллов.

Но впереди, в конце коридора, замаячил новый кристалл. Он был от пола до потолка и мерцал, как старое зеркало, в котором застыли чужие лица.

— Что это? — спросил Кай, замедляя шаг.

— Не знаю, — ответил Зейн с опаской. — Выглядит внушительно.

Они подошли к кристаллу и увидели ворота Лунного королевства.

Осень, листопад, холодный ветер гнал жёлтые листья по дороге, собранные в кучки у стен.

У ворот стояла женщина в дорожном плаще, слишком тонком для такой погоды. Лицо её было бледным, напуганным, с красными от слёз глазами. Она оглядывалась, будто боялась, что за ней следят, будто ждала погони.

В руках она держала корзину с белым одеялом внутри. Корзина была маленькой, и под одеялом кто-то шевелился.

— Это... — начал Кай, но Зейн его прервал.

— Тише, — сказал Зейн, не отрывая глаз от кристалла.

Женщина опустилась на колени. Она поставила корзину на землю — у самых ворот, в кусты шиповника, где стражники не сразу её заметят, закрыла лицо руками, и ее плечи затряслись. Женщина наклонилась над корзиной, и Зейн увидел, как блестят её глаза.

Она поцеловала младенца и что-то прошептала.

Мать прощалась с ребёнком.

Она накрыла корзину одеялом, встала, и, не оглядываясь,

ушла, скрываясь за поворотом дороги, подхватив юбки.

Младенец ощутил холод.

Ощутил, что мамы больше нет.

И заплакал.

Плач разнёсся по пустынной дороге и стенам. Стражники у ворот наконец заметили корзину. Они переглянулись, подошли ближе, подняли одеяло.

— Младенец! — воскликнул один из них. — Мальчик! Кто его здесь оставил?

— Никого нет, — ответил второй. — Наверное, подкидыш. Мать, видно, не смогла прокормить.

— Что с ним делать?

— Во дворец понесём. Королева милосердна, решит.

Первый стражник взял корзину на руки и понёс во дворец.

Кристалл погас.

Зейн стоял перед чёрной стеной и не двигался. Руки дрожали, губы сжались в тонкую линию.

— Это... — начал Кай, не решаясь закончить.

— Моя настоящая мать, — сказал Зейн пустым голосом.

Зейн смотрел на потухший кристалл, в котором больше не было ни света, ни отражений. Только чёрная пустота, как в его душе.

— Тени, — сказал Кай, и в голосе его прозвучало озарение. — Они появились в тот день, когда родилась Вивиан. В тот день, когда ты впервые её увидел. Но они были с тобой всегда. С самого рождения. Просто... спали и *ждали*.

— Чего ждали? — спросил Зейн, не отрывая взгляда от кристалла.

— Тебя, — ответил Кай. — Твоей истинной пары. Твоей... второй половины. Может быть, Вивиан — это ключ. Может быть, она единственная, кто может помочь тебе собрать твою тень. Сделать тебя целым.

Зейн молчал.

В его голове смешивались воспоминания, факты, догадки, боль.

Откуда пришла та женщина?

Почему оставила его?

Кто был его отцом?

Но среди всего этого хаоса одна мысль была ясной, как пламя огня.

— Нам нужно найти её, — сказал он, поворачиваясь к Каю. — Вивиан.

Глава 34. Дождалась

Впереди, за чертой горизонта, их ждало поле боя.

Дейк.

Айлин.

Киран.

Коридор кончился внезапно. Стены расступились, и впереди засияла яркая, белая вспышка. Кай зажмурился, прикрывая лицо рукой. Зейн остановился, щурясь от неожиданного света.

— Мы выбрались, — выдохнул Зейн.

Они шагнули вперед и оказались снаружи.

Скалы встретили их холодным ветром. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулась выжженная земля, кое-где усеянная черными камнями и осколками стекла. Но не это привлекло их внимание.

Прямо перед ними, у подножия скалы, откуда они вышли, лежали рыцари. *Их* рыцари.

Киран распластался на земле, раскинув руки и ноги, как будто его сбило взрывной волной. Грудь его тяжело вздымалась, лицо было бледным, покрытым копотью и засохшей кровью. Рядом с ним, привалившись к наспех собранной горе из седел, одеял и тюков, сидела Айлин. Ее голова была опущена, плечи ссутулены, и она мелко-мелко дрожала.

Зейн и Кай переглянулись. Они пропустили бой. Где все?

Где Дейк? Где рыцари? Почему здесь только двое?

— Киран! — крикнул Зейн, бросаясь к другу. Кай рванул к Айлин, не дожидаясь команды.

Киран не пошевелился. Он лежал, глядя в небо мутными глазами, и, казалось, не слышал. Но когда Зейн опустился рядом на колени и тряхнул его за плечо, Киран вздрогнул.

— Вы пришли, — прошептал он, и в голосе его не было удивления. Только усталость. — Я думал... мы думали, вы не вернетесь.

— Мы вернулись, — ответил Зейн, оглядывая поле вокруг. — Что здесь произошло? Где все? Где Дейк?

— Темные рыцари, — начал Киран, пытаясь приподняться. Зейн помог ему сесть. — Их были десятки. Они вышли из ниоткуда... окружили нас. Мы сражались, но...

Он замолчал, сглатывая. Его взгляд упал на несколько тел, лежащих неподалеку — лунные рыцари. Те, кто остался после костяного круга. Те, кто верил в Зейна.

— Потери? — спросил Зейн, хотя уже знал ответ.

— Почти все, — тихо сказал Киран. — Мы с Айлин чудом выжили. Дейк... Дейка забрали.

— Забрали?

— Темные рыцари схватили его. Уволокли в ту сторону, — Киран махнул рукой вдаль, туда, где на горизонте смутно угадывались очертания каких-то строений. — Я пытался его отбить, но он уже был без сознания. А потом... потом они ушли. Оставили нас.

— А эти? — Зейн кивнул на несколько скованных цепями фигур в черном.

Киран проследил за его взглядом.

— Двоих я успел связать, пока они были... пока они были отключены. Случилось что-то странное после того, как они схватили Дейка, половина из них просто замерла на месте. Я успел связать пару, прежде чем они очнутся. Но говорить они не хотят. Или не могут.

Тем временем Кай уже был рядом с Айлин. Он опустился на колени перед ней, взял ее ледяные, тонкие пальцы в свои.

— Я здесь, — сказал он, заглядывая ей в лицо. — Я вернулся.

Айлин медленно подняла голову. Ее глаза были мутными, красными от жара и бессонницы. Губы потрескались до крови. Она смотрела на него долго, словно не верила, что это правда.

— Кай... — выдохнула она, и в этом одном слове было столько боли и облегчения, что Кай едва не зажмурился.

— Я здесь, — повторил он, сжимая ее руки. — Я больше не уйду.

Айлин опустила взгляд на их сплетенные пальцы и слабо улыбнулась. Эта улыбка была такой хрупкой, такой неживой, что у Кая защемило сердце.

В этот момент Киран, наконец поднявшийся на ноги, посмотрел в сторону Айлин и замер. Она дрожала. Ее тело сотрясала крупная, неестественная дрожь, как будто каждый

мускул жил своей собственной жизнью.

— Я сейчас согрею тебя, — сказал Киран, подходя и начиная рыться в куче вещей. Он вытащил несколько плащей, одеяло, даже какую-то меховую накидку. — Вот, держи.

Но Айлин покачала головой. Медленно, едва заметно.

— Уже поздно, — сказала она спокойно.

— Ничего не поздно, — отрезал Киран, хотя в его глазах появилась тревога. — Хочешь пить? У нас осталась вода. Немного, но...

— Я скоро умру, — перебила Айлин. Все так же спокойно.

Киран застыл, сжимая в руках плащ. Кай замер, не дыша.

— Не говори так, — сказал Кай резко. — Не смей.

Такая веселая, задорная, вечно улыбающаяся Айлин сидела с прозрачным лицом, глядя в пустоту. Она не плакала, не жаловалась. Никто ее не узнавал.

Киран не нашел что сказать. Он открыл рот и закрыл. В голове крутились слова, но ни одно не годилось. Они все догадывались, что могло произойти — жар, который не спадал неделями, кашель, который раздирал легкие, слабость, с каждым днем все сильнее. Но каждый старался не думать. Айлин не оставляла им выбора.

Кай обнял ее, прижал к груди. Он чувствовал, как она дрожит, как ее тело горит, даже сейчас, на грани. Ее сердце билось так слабо.

— Ты не умрешь, — прошептал он ей в макушку. — Я не позволю. Ты слышишь?

Айлин ничего не ответила. Только прижалась к нему сильнее.

Зейн, оставив Кирана, подошел к связанным темным рыцарям. Они стояли на коленях, скованные цепями, их глухие шлемы были опущены. Красные огоньки в прорезях едва мерцали, как умирающие угли.

Зейн присел перед одним из них. Протянул руку, коснулся холодной стали шлема.

— Я хочу знать, — сказал он, закрывая глаза. — Что вы. Кто вас послал. Где Вивиан.

Он попытался проникнуть в сознание темного рыцаря. Темная магия Королевства Смерти жила в нем. Может быть, она могла открыть ему их мысли.

Но вместо разума он увидел цепи. Бесконечные, тяжелые цепи, уходящие в густой, непроглядный туман. Они опутывали все мысли и воспоминания. Если под ними что-то и было, он не мог этого разглядеть.

Зейн отшатнулся, открывая глаза. Рыцарь не шелохнулся.

— Ничего, — сказал он, вставая. — Их разум закован. Или его вообще нет.

— Король Смерти, — процедил Киран. — Он управляет ими, как марионетками.

Ответа не требовалось.

В этот момент с губ Айлин сорвался тихий, сдавленный вздох. Кай вздрогнул и посмотрел на нее.

Она умирала у него на руках.

Ее тело обмякло. Кай прижал ее к себе, чувствуя, как ее дыхание становится все реже и тише.

— Айлин, — позвал он, и голос его сорвался. — Айлин, не уходи. Посмотри на меня. Пожалуйста.

Она медленно открыла глаза. Мутные, уже почти ничего не видящие, но она смотрела на него.

— Ты живой, — прошептала Айлин и улыбнулась. — Я обещала... и дождалась.

— Да, — Кай сжимал ее холодные пальцы, не замечая, что его собственные щеки мокры от слез. — Ты дождалась. А теперь — держись. Слышишь? Еще немного.

— Не могу, — выдохнула она. — Я так устала, Кай... Можно мне... отдохнуть?

— Нет, — прошептал он, прижимаясь губами к ее лбу. — Не сейчас. Не здесь.

Рука Айлин, лежавшая в его ладони, разжалась. Ее голова откинулась назад, и глаза закрылись.

— *Айлин?* — позвал Кай, чувствуя, как внутри все обрывается. — Айлин!

Тишина.

Ветер выл над пустыней. Серое небо сгушалось, словно оплакивая потерю.

Кай прижал тело Айлин к себе, зарылся лицом в ее волосы, которые все еще пахли лекарствами и дымом. Он закричал. Боль была слишком большой, чтобы вылиться слезами. Она душила его, сжимала грудь стальными тисками.

— Нет, — рычал он. — Нет, нет, нет...

Киран отвернулся, сжав кулаки. Его плечи вздрагивали. Зейн стоял пораженный, глядя на Айлин — ту, которая улыбалась, даже когда все шло не так.

Теперь она не улыбалась.

И в этот момент один из связанных темных рыцарей поднял голову. Его шлем дрогнул, красные огоньки в прорезях разгорелись ярче.

Он заговорил.

— Приветствую вас, путники, — сказал рыцарь голосом Короля Смерти. — Я наблюдал за вами. Долго наблюдал.

Все замерли.

— Вы прошли через горы, пустыню. Вы теряли друзей. страдали. И все ради чего? Ради принцессы Солнца, которую я забрал в свой замок.

Кай медленно поднял голову, прижимая к себе тело Айлин. В его глазах горела такая ненависть, что, казалось, могла испепелить самого короля.

— Что ты сделал с ней? — спросил он, и голос его был низким, звенящим от ярости.

— С Вивиан? — усмехнулся король устами рыцаря. — Она жива. *Пока* жива. Но это ненадолго, если вы будете медлить.

Зейн шагнул вперед. Его рука легла на меч.

— Где мой брат? — спросил он. — Твои твари забрали его. Где он?

— Ваш принц, — король произнес это слово с ленивой насмешкой. — Он тоже в моем замке. Я приглашаю вас всех. Замок открыт для гостей. Приходите, и вы увидите всех, если успеете.

— Что это значит? — спросил Киран, сжимая меч Элио.

— Это значит, что время против вас, — ответил король и замолчал.

Рыцарь дернулся, его доспехи заскрежетали. Красные огоньки в прорезях вспыхнули в последний раз и погасли.

И рыцарь рассыпался.

Черный пепел посыпался из шлема, из сочленений доспехов, из-под наплечников. Металл обмяк, потеряв форму, и рухнул на землю грудой бесполезного железа. Второй связанный рыцарь последовал за ним.

Только пепел и пустые доспехи остались лежать на земле.

— От войска ничего не осталось, — тихо сказал Киран, оглядывая пустыню.

Из всего отряда, который перешел горы, выжили только они. Зейн. Кай. Киран. И мертвая Айлин на руках Кая.

— Мы столько прошли, — продолжил Киран, и в голосе его прозвучала горечь. — Будет глупо отступать.

— Мы и не отступим, — сказал Зейн, глядя на горизонт, туда, где, по словам короля, стоял его замок. — Дейк и Вивиан там. Мы идем к ним.

— А Айлин? — спросил Кай, поднимая на них заплаканные глаза. — Мы оставим ее здесь?

Никто не ответил.

Кай вцепился в тело принцессы и раскачивался, тихо завывая.

Ветер подхватил пепел темных рыцарей и развеял его над пустыней. Серое небо нависало низко, и вдалеке, за черной линией горизонта, едва угадывались острые шпили замка Короля Смерти.

Зейн посмотрел на Кирана.

— Завернем тело в плащ, — сказал Зейн. — Возьмем с собой. Когда вернем Вивиан — вернемся и за Айлин.

— А если не вернем? — спросил Киран.

— Вернем, — твердо ответил Зейн. — У нас нет другого выхода.

Кай молча снял с себя плащ и накрыл им Айлин. Он прижался губами к ее холодному лбу, что-то тихо прошептал, так что никто не расслышал, поднялся, держа ее на руках, и посмотрел на Зейна.

— Я понесу ее, — сказал он. — До конца.

Глава 35. Сегодня

Вивиан лежала в отключке.

Мир исчез.

Сознание провалилось в черную яму, на дне которой не было ни мыслей, ни боли, ни снов. Где-то далеко-далеко, как за толщей воды, слышались голоса, звон цепей, чьи-то шаги. Но она не могла всплыть.

А потом пришла боль.

Первый удар пришелся в поясницу — сапог короля врезался так, что тело дернулось само собой, но сознание не вернулось.

Второй — в ребра, с хрустом.

Третий — в затылок, от которого в глазах взорвались красные круги.

Король пинал ее, словно она была мешком с отбросами, мешающим под ногами тварью. Каждый удар отдавался глухой болью где-то в глубине, но она все еще не могла очнуться.

— Просыпайся, — рычал он, и слюна летела с его губ. — Не смей отключаться, дрянь.

Удар в живот ногой. Ее тело скрутило, словно тряпичную куклу.

— Я сказал — очнись!

Последний удар — по лицу. В голове что-то хрустнуло.

Вивиан дернулась. Сознание вернулось резко, как удар током. Глаза распахнулись, и свет факелов ударил по зрачкам, заставив зажмуриться. Голова раскалывалась так, словно кто-то засунул внутрь раскаленный клинок и проворачивал его. В ушах звенело. Перед глазами плыли черные и белые пятна, они сталкивались, разлетались, снова сходились.

Она приоткрыла глаза, щурясь. Каменный пол был холодным, липким. Где-то в паре локтей от ее лица — лужа темной, засохшей крови. *Крови Виктора.*

Вивиан с трудом подняла голову. Шея затекла, каждый позвонок хрустнул.

Сквозь щели в сознании, сквозь пульсирующую боль она пыталась понять, сколько времени прошло. Час? Сутки? Неделя? Факелы в зале горели ровно, не меняя яркости. Но тело Виктора... оно уже *остыло*. Она видела это по синему оттенку губ, по неестественному изгибу пальцев, по тому, как стекленеют открытые глаза. Кровь на камне высохла, превратилась в черную, потрескавшуюся корку.

— *Нет*, — прошептала она, и шепот вырвался хрипом.

Она дернулась, забыв об оковах.

И тут она почувствовала это.

Несмотря на то, что король ее избил, ребра ныли при каждом вдохе, голова гудела так, что тошнило, каждый сустав был от недавних ударов, а в груди росло что-то теплое. Чужое. Оно поднималось из глубины, как пузырь воздуха из черной воды. Вивиан ощутила в районе живота странную

дрожь, как будто внутри заворочался зверь.

Тени.

Более сильные, древние и голодные. Они терлись о ее сознание, как старые волки, признавшие нового вожака. Они пахли Виктором.

Он сдержал слово. Его магия перешла к ней.

Король навис над ней, заслоняя свет факелов. Его тень упала на нее, как могильная плита.

— Очнулась, — сказал он с ленивой усмешкой, разглядывая ее, как раздавленного жука. — Я уж думал, придется тебя облить водой. Или прижечь. Было бы забавно.

Вивиан молчала. Она уперлась ладонями в пол, но они скользили в собственной крови. Вивиан подтянулась, заскрежетала зубами от боли. Мир качнулся, поплыл, но она удержалась.

— Сегодня праздник, — продолжил король, присаживаясь перед ней на корточки. Его лицо было в нескольких дюймах от ее. — Я увижусь с сыном. Ну, с одним из них. Так что пора бы тебе проснуться, принцесса. Негоже пропускать все веселье.

Она проигнорировала его слова и посмотрела на тело Виктора.

— Хочешь увидеть своего дружка? — спросил король. — Лунного принца. — Он усмехнулся. — Он очнулся и очень хочет тебя видеть.

Вивиан медленно перевела на него взгляд. В ее глазах не

было слез. Не было страха.

— Да, — сказала она тихо.

— Тогда вставай. И не смей падать.

Король кивнул рыцарям, развернулся и зашагал прочь. Сапоги гулко стучали по камню, и каждый шаг отдавался в голове Вивиан.

Темные рыцари отстегнули цепи, которые крепили ее к полу, металл лязгнул, освобождая ноги. Они подхватили ее под локти, грубо дернули вверх. Она не удержалась бы и без них — ноги подкашивались, колени дрожали, каждое движение отдавалось болью в ребрах. Они повели ее следом за королем, как собаку на поводке.

Они прошли через несколько коридоров в стенах, поднялись по винтовой лестнице. Ступени были крутыми, и Вивиан спотыкалась каждый раз. Рыцари держали ее, почти волоча. Воздух стал холоднее, свежее — впереди открывался выход.

Балкон.

Высокий, каменный, без перил.

Ветер выл, как раненый зверь, трепал волосы, бросал в лицо снежную крупку, сдирал слезы с глаз.

Король остановился у самого края, заложив руки за спину. Его плащ развевался на ветру, как крыло хищной птицы.

— В прошлый раз, когда ты разрушила мой замок, — сказал он не оборачиваясь, — ты не успела полетать. Я помню, как ты вылетела из окна. Красиво. Но сегодня придется по-

летать ему.

Он сделал шаг в сторону, открывая обзор, и Вивиан увидела Дейка.

Его держали два темных рыцаря, вывернув локти. Он был в сознании. Темные волосы разметало ветром, лицо бледное, в кровоподтеках, губа рассечена, под глазом — огромный синяк. Но Дейк был в сознании.

— Вивиан! — выдохнул он. В голосе была такая радость, что у нее перехватило дыхание. — Жива. Ты жива.

— Дейк, — пискнула она и рванулась к нему, забыв обо всем, о рыцарях, о том, что тело разваливается на части.

Король преградил ей путь.

— Нет, — сказал он. — Ты будешь только смотреть. Смотреть и запоминать.

У Вивиан защемило в груди. Она стояла в двух шагах от Дейка, но не могла к нему прикоснуться. Цепи натянулись, рыцари держали крепко.

— Я так рад, что ты жива, — сказал Дейк, глядя на нее. — Я думал, что потерял тебя. Мы все думали...

— Дейк, — прошептала Вивиан, пытаюсь запомнить каждую черточку его лица.

— Хватит разговоров, — раздраженно бросил король. — Бросайте его.

Рыцари сдвинулись с места. Они поволокли Дейка к краю балкона. Принц не сопротивлялся. Он только смотрел на Вивиан, и в глазах его было спокойствие и надежда.

— Нет! — закричала Вивиан. Голос ее разорвал ветер, разнесся над пропастью. — Нет! Не надо!

Она рванулась вперед. Вся боль исчезла. Осталось только одно — спасти его.

Рыцари, державшие цепи, не ожидали. Она вывернулась, упала на колени, проползла под их руками и рванула к краю.

Дейка перевалили за балкон. Он не упал. Рыцари держали его за руки по другую сторону балкона.

Вивиан не думала. Она перескочила через каменный край и повалилась на Дейка, обхватив его за шею, прижавшись всем телом.

Они вдвоем оказались за балконом. В воздухе. В свободном падении.

— Ты что делаешь? — крикнул Дейк, и в голосе его впервые прозвучал ужас. — Вивиан, нет!

Ветер ударил в лицо. Они начали падать вниз.

— Держите цепи, придурки! — заорал король сверху. — Держите!

Цепи, прикованные к ногам Вивиан, натянулись. Резко, как стальной хлыст. Ее тело остановилось в падении — с такой силой, что позвоночник хрустнул. Кисти рук, прикованные отдельными цепями, дернулись вверх, выворачивая плечи.

Вивиан закричала от боли.

Оковы на запястьях впились в кожу. Металл вошел в мясо, как нож в масло. Кровь хлынула ручьями, заливая паль-

цы, капая вниз. При каждом движении, при каждом вздохе острые края оков вгрызались глубже.

Дейк висел на ней, вцепившись в ее ноги. Его вес тянул вниз, раздирая ее руки на части.

— Держись за меня! — прокрихтела Вивиан. Голос сорвался на свист.

Оковы на запястьях скользнули дальше — кожа слезла полосками, как чулок. Открылась розовая плоть, потом белая, кровь хлынула с новой силой. Что-то хрустнуло в правой руке. Кость пошла не туда, не так. Кисть повисла под неестественным углом.

Вивиан закусила губу, чтобы не закричать. Губа лопнула, кровь потекла по подбородку.

— Нам не выжить, — Дейк смотрел вверх, на балкон, на короля, который нависал над ними, как черная скала.

— Никчемная девчонка, — крикнул король сквозь ветер. — Не получится умереть. Я тебя не отпущу. *Ты моя.*

Он махнул рукой. Цепи пошли вверх. Медленно, сантиметр за сантиметром. С каждым сантиметром оковы врезались глубже. Вивиан чувствовала, как металл скребет по кости.

— Отпусти ее, парень, — сказал король, наклонившись через край. Ветер трепал его волосы, но он не моргал. — Отпусти, и она выживет. Ей будет больно, но она выживет. А ты все равно умрешь. Так умри один.

— Не слушай его, — прохрипела Вивиан. Кровь с ее руки

капала ему на лицо, в глаза, на губы. — Держись. Мы выберемся.

— Вивиан, — Дейк посмотрел на нее. В его глазах стояли слезы. — Он вытянет тебя. Вытянет, даже если я буду держаться. А Зейн вот-вот прибудет.

— Не смей, — кричала она. — Не смей отпускать.

Но король не собирался просто ждать. Он шагнул к краю балкона, прикрыл глаза и вломился в её разум.

Вивиан закричала от боли, что разрывала голову изнутри. Его тени впивались в её цветочный сад, топтали розы, выдирали деревья с корнем, крушили дворец. В горле защипало, из носа потекла кровь. Она забилась в цепях, содрогаясь.

— Что с тобой? — крикнул Дейк, чувствуя, как дрожат ноги. — Вивиан!

Она не могла ответить. Король ломал её разум, выворачивал наизнанку. Она слышала его смех у себя в голове.

— *Слабая*, — шипел он. — *Жалкая*. Отпусти его.

Вивиан вцепилась в сознание, попыталась ударить в ответ, но не смогла. Боль была слишком сильной.

Дейк увидел её лицо и все понял.

— Он в твоей голове? — спросил он тихо.

Вивиан не ответила. Только закричала снова.

В тот же миг боль в голове Вивиан стала невыносимой. Король добивал её разум, но сквозь эту боль прорвалась ярость.

Тени Виктора внутри неё взревели. Она больше не сдерживалась.

В разуме, в своём цветущем саду, превращённом в пепелище, она схватила короля за его длинные, паучьи ноги и сломала. Коленные чашечки брызнули осколками, кости разлетелись.

В реальности король, стоявший на балконе, заорал и рухнул. Его ноги вывернулись под другим углом, из-под кожи вылезли осколки костей. Дворец загрохотал, стены пошли трещинами, камни посыпались вниз.

Вивиан вернула себе свой разум, чувствуя себя ужасно разбитой.

— Дейк, прошу держись, — умоляла она, плача.

Дейк посмотрел на неё, на её содранные запястья, на цепи, на которых она висела. И принял решение.

— Я люблю тебя, — сказал Дейк с улыбкой. — Будь сильной.

И разжал руки.

— Нет! — заорала Вивиан. — Нет! *Дейк!*

Дейк полетел вниз.

Раскинув руки, как птица. Его волосы разметало ветром. Он не кричал. Он смотрел на нее до последнего.

Камни под балконом начали осыпаться. Дворец загрохотал, стены задрожали, из кладки посыпалась пыль. Это была не только боль Вивиан. Это была магия Виктора, которая наконец прорвалась наружу. Тени вырвались из ее живота, груди, горла и разнесли в щепки основание балкона.

Вивиан зарыдала, завывала. Звериным воем, от которого у

короля закладывало уши. Ее тело дернули вверх, бросили на камни, как тряпичную куклу.

— Дейк! — кричала она, пытаясь поползти до края, но на этот раз оковы не пускали, цепи натягивались и держали на месте. — *Дейк!*

Внизу было тихо. Только ветер выл в расщелине, только каменная крошка сыпалась в пропасть, только гулко стукнуло — тело о скалы.

— Монстр, — прошипела она, поворачиваясь к королю. В глазах — кровь и слезы. — Ты монстр!

— Прекрати выть, — сказал король, отряхивая руки. — Всего лишь принц. Их много. А ты одна.

Вивиан лежала на камнях, свернувшись в клубок. Кровь с запястий заливала каменный пол, смешиваясь со снегом, нанесенным ветром.

В голове всплывал звук, когда тело Дейка упало в пропасть.

Теперь он был свободен.

Глава 36. Саван на ветру

Зейн, Киран и Кай шли по скалистым дорогам, петляющим между черных зубчатых вершин. Вокруг не было ничего, кроме холодного камня, покрытого тонкой коркой льда. Даже ветер, который всегда сопровождал их в горах, стих, словно и он боялся нарушить тишину этого места.

Никто не говорил.

Кай ехал впереди, сжимая поводья побелевшими пальцами. Его лицо окаменело, взгляд был устремлен куда-то в пустоту. Он не смотрел по сторонам, не замечал ни дороги, ни скал, ни снега. Он вообще, казалось, ничего не замечал. Только лошадь под собой и веревку, которая тянулась от его седла к другой лошади, шедшей следом.

На той лошади был *саван*.

Они смастерили его из плащей и одеял — того, что осталось от их погибшего войска. Серая, грубая ткань, туго обмотанная вокруг тела. Айлин лежала в этом саване, привязанная к лошади ремнями, и ее голова мерно покачивалась в такт шагам животного.

Киран бросил взгляд на принцессу и сразу отвел глаза. Он не мог на нее смотреть, не мог видеть этот сверток, который еще недавно был живым, смеющимся существом.

За ними шли пустые лошади. Их было трое — те, кто остался без всадников после битвы с темными рыцарями.

Они плелись медленно, низко опустив головы, будто тоже скорбели. Их поводья были привязаны к седлам впереди идущих коней, и они покорно следовали за живыми.

Никто не знал, каким путем они будут возвращаться. Да и возвратятся ли? Они шли вперед.

К замку Короля Смерти.

Дорога пошла вверх. Скала становилась круче, и лошади начали осторожно переставлять копыта, чтобы не поскользнуться на обледенелых камнях. Снег покрывал все толстым, плотным слоем, скрывая трещины и неровности. Из-за него идти было очень скользко.

— Держитесь ближе к стене, — тихо сказал Зейн, обращаясь то ли к друзьям, то ли к самому себе.

Киран кивнул, подтягивая поводья. Кай не ответил.

Внизу виднелись деревни. Маленькие, серые, почти незаметные на фоне каменных склонов.

Зейна пугало, что вокруг не было ничего, кроме камня. Ни деревца, ни кустика, ни даже мха. Только серая, черная, местами белая от снега порода, уходящая в бесконечность. Мертвая земля, которая не рождала жизни.

— Странное место, — пробормотал Киран, но его голос утонул в тишине.

Они поднялись на вершину скалы, где дорога расширялась и выходила на смотровую площадку, огражденную естественными каменными выступами. Зейн остановил лошадь и поднял руку, призывая остальных замереть.

— Смотрите, — сказал он.

Впереди, на расстоянии полета стрелы, возвышался дворец Смерти.

Скала с острыми шпилями больше походила на пещеру, чем на королевскую резиденцию. Она выросла в гору, словно была ее частью. Черные, грубо отесанные стены, вытянутые окна без стекол, острые, как копья, башни. Из некоторых щелей сочился тусклый желтый свет.

Дворец не был красивым. Он пугал своей неправильностью. Казалось, что его построила сама тьма, решившая обрести форму.

Они остановились смотреть. Никто не шевелился.

— Обещайте, — сказал Зейн, не отрывая взгляда от дворца. — Обещайте, что если со мной что-то случится, вы позаботитесь о Вивиан.

Кай не слушал. Он тихо плакал, не слушая никого.

— Кай, — позвал Зейн.

Никакой реакции.

— Он слышит, — тихо сказал Киран. — Просто... не сейчас.

Киран перевел взгляд на Зейна и кивнул.

— Я обещаю, — сказал он. — Если что — я не оставлю ее. *Мы* не оставим.

Зейн кивнул в ответ и дернул поводья, направляя лошадь вперед.

Они ехали дальше, спускаясь с вершины в низину, где

дворец разрастался перед ними, закрывая половину неба.

Холодно.

Так холодно, что дыхание застывало на губах, превращаясь в иней. Даже лошади, привыкшие к горным переходам, начали вздрагивать и пофыркивать.

Зейн смотрел на черные стены, острые шпили и думал.

Неужели я мог бы тут вырасти?

Если его настоящая мать была отсюда. Если его тени были частью этого места. Если кровь Королевства Смерти текла в его жилах.

Без цветов.

Без деревьев.

Без рек и озер.

Без утреннего солнца и теплого ветра.

Без всего, что он любил.

Только камень, снег и тьма.

Его пугало, как его собственный разум был похож на то, что он видел перед собой. Та же пустота. Те же мертвые, безжизненные пространства, где иногда возникала тень, чтобы исчезнуть в следующую секунду. Та же темнота, которая не хотела рассеиваться.

— *Я не хочу быть частью этого,* — подумал Зейн. — *Я никогда не хотел.*

Они спускались все ниже, и дворец приближался. Камни под копытами лошадей хрустели, иногда выскальзывали, и животные тихо ржали от неудобства. Пустые лошади шли за

ними.

— Нас ждут, — сказал Киран, когда они заехали на плато перед воротами.

Перед ними, выстроившись в несколько рядов, стояли темные рыцари. Сотня. Может быть, больше. Неподвижные, как статуи, с глухими шлемами и черными доспехами, не отражавшими света. Ни один не шелохнулся, когда отряд приблизился.

Зейн переглянулся с друзьями и замедлил шаг. Лошади чувствовали напряжение, они прядали ушами, втягивали ноздри холодный воздух, перебирали копытами.

— Идем, — сказал Зейн.

Они начали подходить ближе.

— Святые боги, — прошептал Киран, и его губы дрожали. — Оставьте нас в живых, чтобы мы смогли выйти отсюда.

Он не знал, кому молится. Боги давно отвернулись от этих земель. Или их здесь никогда и не было.

Напряжение этого места давило на плечи, сжимало грудь, заставляло дышать чаще, глубже. Каждый шаг давался с трудом. Казалось, что сама тьма тянула их к себе, всасывала, как болото.

Сквозь ряды темных рыцарей кто-то вышел.

Он был одет в длинный черный плащ, на груди — какой-то странный символ, похожий на расколотый череп. Лицо его было старым, морщинистым, с длинной седой бородой и глубоко посаженными глазами, которые, казалось, ви-

дели все.

Королевский советник.

Он не двигался с места и ждал, пока они приблизятся. Его лицо не выражало ничего.

Зейн остановил лошадь в нескольких шагах от него. Киран и Кай — чуть позади.

— Добро пожаловать в Королевство Смерти, — сказал советник без тени эмоций. — Король ждет вас.

Глава 37. Сад

Ни один темный рыцарь не шелохнулся, когда лошади Зейна, Кая и Кирана медленно двигались вперед. Только красные огоньки в прорезях шлемов провожали их.

Копыта стучали по черному камню. Пустые лошади плелись следом.

Они прошли через тяжелые кованые ворота. Скрип металла показался похоронным звоном. Внутри дворец оказался больше похожим на огромную пещеру. Грубые каменные стены уходили вверх, теряясь во тьме. С потолка свисали острые сталактиты, похожие на клыки гигантского зверя. Свет сочился откуда-то снизу, от пола, из трещин в камне, из провалов между плитами.

Подниматься пришлось по огромным камням, наваленным друг на друга, будто сама гора сложила их здесь тысячелетия назад. Лошади осторожно переступали, скользили, но держались. Киран шел впереди, ведя свою лошадь. Зейн за ним. Кай был последним, не сводя глаз с савана, который трясся на спине лошади.

Наконец они вышли в зал.

В центре, на черном троне, сидел король Эпиал.

Его ноги были перемотаны грязными бинтами, в которых проступала свежая кровь, но он улыбался. Улыбался так, что у Зейна свело пальцы на рукояти меча.

А рядом, на цепи, сидела Вивиан.

Ее глаза были черными.

Не привычно зеленым, а как две бездны, в которых не было жизни. Она смотрела на гостей пустым, кукольным взглядом, и от этого становилось страшнее, чем от любого оружия.

Король затуманил ее сознание. Пока она была без сознания, он ломал ее разум, вторгаясь в него, раз за разом. Зейн чувствовал это — ее тени внутри него дрожали, ища хозяйку.

— Вивиан, — одновременно прошептали Зейн и Кай.

Она не отреагировала. Только цепь звякнула, когда она повернула голову на звук, как марионетка.

Ни проблеска жизни.

Зейн сделал шаг к ней.

Темные рыцари, стоявшие по бокам от трона, перекрыли ему путь. Копья скрестились перед грудью.

— Не торопись, принц, — раздался голос короля. — Она никуда не убежит. Да и ты тоже.

Зейн сжал кулаки, но остановился.

— Что ты с ней сделал? — спросил он, не отводя взгляда от Вивиан.

— Всего лишь открыл ей глаза, — король усмехнулся и поерзал на троне, пытаясь найти удобное положение для сломанных ног. — Показал, что мир не так прекрасен, как она думала. Она теперь моя, как и ее тени.

— Вивиан, — снова позвал Зейн, громче.

Никакой реакции.

Король вдруг подался вперед, и его лицо изменилось.

Усмешка исчезла, сменившись чем-то другим.

— Знаешь, Зейн, — сказал он тихо, — я долго искал тебя.

Очень долго.

Зейн нахмурился.

— Что ты несешь?

— Жизнь — интересная штука, — выдохнул король. —

Я узнал о твоем существовании, когда тебе было несколько месяцев. Твоя мать... она сбежала от меня. А я искал. Посылал рыцарей. Но она хорошо пряталась — до самой смерти.

— О чем ты говоришь?

— Мы семья, — король притворно улыбнулся, расправляя руки.

Зейн замер. В груди что-то оборвалось.

— Ты лжешь, — сказал он, и голос его стал холодным, как лезвие.

— Зачем мне лгать? — король пожал плечами, и тени вокруг него зашевелились. — Я хотел встретиться с тобой, признать тебя, дать место среди моих наследников. Я наблюдал за тобой. Ты силен, Зейн. Сильнее Виктора. Сильнее всех моих детей.

— Ты бредишь, — шикнул Зейн, вспоминая кристалл с младенцем в корзине.

— Виктор предал меня, — король махнул рукой. — А ты

— ты мог бы стать моей правой рукой. Вместе мы бы покорили этот мир. С помощью нее.

Король кивнул на Вивиан.

— Я не предаю свое королевство, — сказал Зейн.

— Даже ради нее? — король кивнул на Вивиан. — Даже ради истинной пары?

Зейн сжал зубы.

Откуда ему известно?

— Ты знал о пророчестве? — продолжил король, и его голос стал жестче. — В наш мир явится дитя тьмы, которое объединит или разрушит все вокруг. Я думал, что это Вивиан, но, возможно, это ты. Или ваши дети. А может, вы оба, — он потер бинты на ногах. — Так что, *сын*, — сказал он, насмехаясь, — вам не суждено быть вместе. Забудь о ней. Убирайся, пока я не передумал.

Зейн закипал от злости.

— Она моя истинная пара.

На лице короля мелькнуло искреннее удивление.

— Истинная пара? — переспросил он. — У принца Королевства Смерти? С девчонкой из Солнечного? — король хрипло рассмеялся. Смех перешел в кашель. — Забавно. Боги любят шутить. Что ж, раз вы даны друг другу... — он сделал жест рукой, и рыцари расступились. — Попытайся ее вернуть, если сможешь. Если нет — она останется моей. Навсегда.

Зейн не ждал второго приглашения. Он пересек зал за

несколько шагов, не чувствуя пола под ногами, и упал на колени перед Вивиан.

Она смотрела сквозь него. Черные глаза не моргали, лицо было бледным, в ссадинах и запекшейся крови.

— *Вивиан*, — прошептал он, осторожно беря ее лицо в ладони. Кожа была холодной, как лед. — Слышишь меня? Это я. Зейн.

Она не ответила, только дернула головой. Зейн закрыл глаза и вошел в ее разум.

Внутри был туман.

Сад, который когда-то цвел и пах солнцем, превратился в выжженную пустошь. Цветы сгорели, трава почернела, деревья стояли обугленными скелетами. Дворец, который она строила, лежал в руинах. Стены обрушились, окна выбиты, ветер гулял по пустым залам, завывая в разбитых арках.

— *Вивиан*, — позвал Зейн. Голос утонул в тумане, растворился, не долетев.

Она была здесь. Где-то глубоко. Свернулась в комок в самом темном углу своего разрушенного мира, закрыла голову руками и не отзывалась. Он чувствовал маленькую, потерянную Вивиан.

Зейн не знал, можно ли так, не знал, имеет ли право и хватит ли у него сил, но он начал возводить новый сад.

Он сажал цветы. Розы, которые приносил ей каждый раз в последний день лета. Белые лилии, которые она носила в волосах на балах, и они пахли так же сладко, как она сама.

Лаванду, от которой она засыпала без кошмаров.

Он чинил замок. Кладка за кладкой, камень за камнем. Поднимал стены из обломков, вставлял стекла в пустые рамы, вешал двери туда, где зияли черные провалы. Внутри становилось светлее.

Он вытаскивал воспоминания. Одно за другим, как драгоценности из сундука. Их прогулки в саду Лунного дворца, когда она еще была ребенком. Она задавала тысячи вопросов, на которые он не знал ответов, а он смотрел на нее и забывал все на свете. Их вечера в библиотеке, когда дождь стучал по стеклам, а он учил ее истории королевств, и она засыпала у него на плече, а он не смел пошевелиться, чтобы не разбудить. Первый раз, когда Зейн взял ее на тренировку с мечом. Она упала на первом же выпаде, разбила колено, и кровь потекла по ноге. Ее падение с лошади — и его страх, который парализовал его на несколько секунд, а потом он бежал к ней, и в голове стучало одно: *«Только не умирай»*.

И самое страшное — ночи, когда он не спал, когда ее украли. Он перерыл полкоролевства, потерял войско, чуть не сошел с ума, но смог найти ее.

И каждую ночь он давал себе клятву: если найдет — никогда не отпустит.

Каждое воспоминание он клал в фундамент нового мира. Каждый кирпичик, каждый цветок, каждая слеза, которую она не видела.

И в этом мире, в самом центре восстанавливающегося са-

да, под сенью старого дуба, который чудом уцелел, он нашел ее. Маленькую, дрожащую, свернувшуюся в клубок. Она плакала, а слезы падали на выжженную землю и не оставляли следа.

Он опустился рядом.

— *Вивиян*, — прошептал он, протягивая руку.

Глава 38. Жизнь из пепла

Кай не мог сдержаться. Он переступал с ноги на ногу, сжимая рукоять меча. Каждая секунда ожидания была пыткой. Рядом Киран положил руку ему на плечо.

— Спокойно, — тихо сказал Киран. — Он знает, что делает. Зейн никогда не подводил нас.

— Зейн не в себе, — прошипел Кай, не сводя глаз с фигуры принца. — Она там, я чувствую. Её магия угасает. А он... он готов умереть ради неё.

— Разве это не то, что мы все ищем? — спросил Киран, и голос его был грустным.

Кай не ответил. Пол под их ногами дрогнул.

Сначала Кай подумал, что ему показалось, но трещина в древнем камне разошлась шире, и из её чёрной глубины, пробивая вековую скалу, полезли тонкие, гибкие ветви.

Тот сад, что Зейн возводил сейчас в разуме Вивиан, прорастал в реальность. Камень не мог больше сдерживать жизнь.

— Что это происходит? — возмутился король с трона. Он вцепился в подлокотники, глядя, как камень разрывается у его ног. Со сломанными ногами он не мог встать, только дёргался, пытаясь отодвинуться, и каждый рывок заставлял его морщиться от невыносимой боли. Но страх был сильнее боли. — Прекрати! Ты разрушаешь мой замок!

Зейн не слушал. Он стоял на коленях, прижимая к себе Вивиан, и его глаза были закрыты. Над ними двоими смыкался купол из теней — их собственных, сплетённых воедино, чёрных и серебристых одновременно. Никто не мог видеть, что происходило внутри.

— Эй, парень, прекращай! — крикнул король, пытаясь придать голосу властность, но в нём слышалась паника. — Твои слова не значат ничего! Она моя! Я вложил в неё свою тьму!

Где-то в глубине сознания Вивиан, сквозь туман, сквозь пепел, которым её разум стал после вторжения короля, пробивался свет.

Это были воспоминания.

Зейн не сражался с королём в её голове, он искал её.

Кай переглянулся с Кираном.

Ветви уже оплели колонны, разрывая каменную кладку когтистыми корнями. С потолка сыпалась крошка, каменные клыки падали, разбиваясь вдребезги.

— Нам нужно уходить, — сказал Киран, оглядываясь. — Дворец рушится.

— Нет, — Кай покачал головой, и голос его был твёрже скалы. — Мы не можем бросить их.

— А если они не закончили?

— Тогда мы поможем.

Они переглянулись. Киран понял.

Внутри сознания Вивиан происходило то, что нельзя было

описать словами. Зейн достучался до неё сквозь тьму, сквозь боль, сквозь те слои чужой магии, которыми король опутал её разум.

Их связь была сильнее любого заклинания, сильнее смерти и тьмы.

Потому что это была любовь, от которой останавливается сердце.

Вивиан открыла глаза.

Сначала — черные, спустя мгновение в них проступила зелень. Живая, настоящая, родная. Цвет её глаз.

Но чернота вернулась, затянула радужку и погасила свет. Король не отпускал. Он вцепился в её разум, как клещ, и высасывал магию.

— Забирает... — прошептала Вивиан. — Он забирает мою силу.

— Что мне делать? — спросил он, прижимая её к себе так сильно, словно хотел срастить их кости воедино.

— Если я отдам магию ему — я умру, — сказала Вивиан, и голос её был ровным, страшным в своей тишине. — Разорви связь... Зейн...

— Как?

— Убей источник, — она подняла на него глаза. — *Убей меня, Зейн.*

Ветви над ними сомкнулись плотнее, скрывая их от мира. Чёрный купол теней окутал их обоих, не пропуская ни звука, ни света. Снаружи остались только разрушающийся дворец,

падающие рыцари и король, который метался на троне.

Вивиан потянулась к поясу Зейна. Пальцы дрожали так, что она едва могла ухватить пряжку, но указала на меч. Этим мечом он защищал её. Этим мечом он поклялся хранить её. А теперь...

— Умоляю, — сказала она. — Я не могу отдать ему свою магию. Не хочу, чтобы он получил её. Убей меня. Я буду спокойна, если это сделаешь ты.

— Я не могу, — выдохнул он, и это было не просто «не могу» — это было «мир рассыплется, если я это сделаю».

— Ты должен.

— Я не смогу жить без тебя, Вивиан, — его голос сорвался на шёпот, в котором слышались все потери, все ночи без сна, вся любовь, которую он копил годами.

— Зейн, прошу, — всхлипнула Вивиан, и слёзы потекли по её лицу, смешиваясь с кровью, прочерчивая чистые дорожки на грязных щеках. — Прошу тебя. Я не хочу умирать от его руки, не хочу, чтобы он победил. Пусть это будешь ты.

Она покачнулась. Силы иссякали. С каждой секундой король забирал всё больше. Из-за купола проступал свет, тени редели, ветви начинали вянуть.

Вивиан обмякла.

Зейн притянул её к себе, вызволяя меч.

Лезвие дрожало в его руке впервые в жизни.

— Не могу, — прошептал он в её волосы. — Я не могу, слышишь?

— Давай, Зейн, — её голос был тихим.

— Я люблю тебя, Вивиан. Я любил тебя всегда. С того самого дня, как ты осветила мою жизнь своим появлением.

— Такой романтичный Зейн, — она откинула голову назад, кладя её ему на плечо. Глаза её закрывались, но губы улыбались. — Ты здесь...

Он прижался носом к её плечу, вдыхая запах крови, пота и той невыразимой, единственной ноты, которая была только её, и вонзил меч в её грудь.

Вивиан застонала.

Меч прошёл сквозь неё мягко, почти не встречая сопротивления. И Зейн давил дальше, пока лезвие не вошло в его собственную плоть. Он чувствовал, как холодный металл разрывает его тело и одновременно соединяет их. Кровь текла по рукояти, смешиваясь.

Их общая кровь.

Кончик меча вышел сквозь ребра, блестя в темноте.

Они стояли на коленях — двое, пронзённые одним клинком.

В момент смерти они воссоединились, глядя друг другу в глаза.

Кай, который тем временем пробирался к трону по веткам, увидел, что король отвлёкся. Эпиал открыл глаза и закричал от боли, потому что его связь с Вивиан рвалась, как гнилая верёвка. Тени вокруг него заматались, потеряв хозяина.

Киран понял, это их шанс.

— Эй, ты! — крикнул он, выступая вперёд. — Король без ног! Ты говорил, что Зейн твой сын? Что ж, неплохого сына ты воспитал. Он сейчас умрёт вместе с ней. Ты этого хотел? Или просто боишься, что они родят того, кто уничтожит тебя по-настоящему?

Король повернул голову к Кирану, и в его глазах мелькнуло бешенство, пополам со страхом.

— Заткнись! Ты ничего не знаешь о пророчестве! — заорал он, но Кирану только это и нужно было.

— Старый ублюдок! — крикнул Киран.

Кай спрыгнул с ветки и вонзил меч прямо в голову короля. Лезвие вошло в висок и вышло с другой стороны, разрывая череп на две половины.

Эпиал дёрнулся, захрипел, а из горла хлынула чёрная, густая кровь. Но Кай не остановился. Он выдернул меч, всадил снова — в грудь, в живот, снова в голову. Кровь брызнула на его лицо, и он не вытирал её. Он бил и бил, выкрикивая имя сестры, имя любимой, имена друзей.

— Хватит! — крикнул Киран, хватая его за плечо изо всех сил. — Кай, хватит! Он мёртв!

Кай замер.

Меч застыл в воздухе, с лезвия капала чернота.

Из тела короля начали выходить чёрные мерцающие огни. Тонкие, звенящие струйки, похожие на звёздную пыль, на растопленную ночь, на сгустки самой тьмы, из которой он

соткал свою власть. Они потянулись к Вивиан и Зейну.

Струйки впитывались в их сплетённые тела, в их общую рану, где меч всё ещё соединял их. Возвращали Вивиан то, что было украдено. И с этим пришла новая сила — сила убий- того короля, его древняя, дикая магия.

Свет и тень — те, что текли в них вместе с кровью, — начали переплетаться.

Огромное дерево, выросшее из разума Вивиан, под ними задрожало. Его корни ушли глубоко в землю, и скала не вы- держала. Камни начали крошиться, превращаясь в мелкую, как мука, пыль. А пыль серебрилась на свету, переливалась, звенела.

— Святые боги, — прошептал Киран, глядя на Зейна и Вивиан, пронзённых одним мечом. — Что они делают?

Они с Каем не могли отвести взгляд. Зейн и Вивиан не двигались — они застыли в объятиях, и из их ран текла не только кровь. Текла магия. Чёрная и серебряная, густая и чистая, старая и новая.

Меч начал светиться. Свет разливался по лезвию, по их рукам, по лицам, по одежде. Стало невыносимо смотреть — пришлось зажмуриться и отвернуться.

Слишком ярко.

Слишком сильно.

Когда они снова открыли глаза, пепел уже развеивался. Дворец рушился — стены оседали, колонны падали, потолок проваливался огромными плитами. Выжившие спускались

всё ниже, балансируя на живых корнях, которые держали их над пропастью.

Пепел, устилавший камни, начал шевелиться. Это был не ветер.

Из пепла пробивались зёрна. Они лопались на глазах, выпуская тонкие, хрупкие ростки. Ростки тянулись к свету — и к тьме, которая теперь не была врагом.

— Кай, только взгляни, — выдохнул Киран, указывая вниз.

Вся долина, куда упали камни дворца, покрывалась зеленью: травой, цветами, кустами, молодыми деревьями.

Вивиан и Зейн, всё ещё пронзённые мечом, лежали на корнях старого дуба, прижавшись друг к другу. Меч медленно таял, засвечивая все вокруг, не оставляя ни раны, ни шрама.

На их груди, там, где были раны, остались два серебряных шрама — в виде полумесяца и солнца. Они переплетались.

— Что это? — спросил Кай, присаживаясь рядом.

— Наверное, так выглядят истинные пары, — сказал Киран. — Смерть не смогла их разлучить.

Вивиан открыла глаза.

Зелёные.

Живые.

— Зейн, — прошептала она хрипло. — Ты здесь.

— Я всегда здесь, — ответил он, и его глаза тоже откры-

лись. — Ты создала жизнь.

Она посмотрела вниз, на зелёный ковёр, расстилавшийся под ними, на деревья, которые росли из пепла, на цветы, которые распускались там, где ещё минуту назад была смерть.

— Мы создали это? — она удивленно разглядывала зелень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.